

А. ЛАДИНСКИЙ

КОТЛА ПАТ ДИРСОНЕС

Антонин Ладинский

Когда пал Херсонес

Когда в предместье св.Мамы пропоют третьи петухи, отойдет заутреня в константинопольских церквах и во мраке едва лишь начинается первый час дня note 1, в Священном дворце великий ключарь и этериарх дворцовой стражи приступают к отпиранию дверей. Прежде всего открывается сделанная из слоновой кости дверь, ведущая в Лавзиак, куда можно подняться по улиткообразной лестнице. В этом помещении великий ключарь и этериарх сменяют свои обычные одежды на серебряные скарамангии. Отсюда путь лежит через другие залы и переходы в Золотую палату. Затем отпираются прочие двери. После этого веститоры, или облачателы, отправляются в Ризницу и берут там царский скарамангии, в который в этот день надлежит облачиться василевсу. Он бывает золотым или серебряным, из материи цвета персика или из чистого пурпура, присвоенного только царственным особам. Веститоры кладут одеяние со всей требуемой в данном случае осторожностью и благоговением на скамью перед серебряной дверью, ведущей во внутренние покои, и ждут знака.

В это время по тихим еще улицам города уже спешат, направляясь к Ипподрому, пешком или на мулах, в одиночестве или в сопровождении слуг чины синклита, невыспавшиеся патрикии и магистры, доместики и комиты, по случаю праздника в красных плащах. Во дворце просыпается жизнь. У дверей стоят, опираясь на свои страшные секиры, хмурые после бессонной ночи варяги. Служители гасят в покоях светильники и лампы. В руках великого ключаря позвякивают ключи, как бы напоминая, что надлежит спешить и готовиться к царскому выходу.

Гражданские и военные чины, приглашенные на прием или вызванные по какому-нибудь государственному делу, собираются на Ипподроме и приветствуют друг друга церемонными поклонами. Военачальники в подобных случаях являются при мечах, присвоенных их званию. Потом всех приглашают пройти во дворец, каждого чина в особо предназначенный для этого зал, и когда они размещаются по местам на пути предстоящего шествия и силенциарии устанавливают тишину среди присутствующих, к серебряным дверям подходит великий ключарь и трижды ударяет в нее согнутым указательным перстом. Дверь тотчас же открывается, и облачателы вносят во внутренние покои приготовленный царский скарамангии, чтобы надеть его с положенными церемониями на василевса. Облачившись, благочестивый император появляется в дверях...

Ромейское царство — как некий огромный улей или полный трудов муравейник. Все в нашем государстве должны трудиться, и каждому назначены определенное место, обязанности и права. Однажды я проходил мимо муравьиной кучи и некоторое время с любопытством наблюдал, как эти неутомимые труженики суетились, стараясь доставить в подземные кладовые мертвую осу, и я изумлялся их терпению и упорству. На пасеке в имении магистра Леонтия Хрисокефала я неоднократно имел случай наблюдать, как собирают цветочную сладость трудолюбивые пчелы. Такова и наша жизнь, и все в ней устроено на вечные времена законом.

Каждый шаг василевса определяют древним римским церемониалом, который нельзя нарушить ни при каких обстоятельствах. Даже последний табулярий, удостоверяющий свою подписью и печатью торговые договоры, занимает на иерархической лестнице определенное место и должен сделать навстречу посетителю установленные обычаем три шага, а не два или четыре.

В «Книге эпарха» точно указано, как и где разрешается производить куплю и продажу, какая

цена назначена за барана или медимн пшеницы, сколько миллиарисиев имеет право нажать с номисмы торговец шелком и почему булочники имеют двадцать четыре процента дохода с продажи хлебов, так как должны исчислять прибыль, исходя из стоимости зерна, размола и закваски и принимая во внимание топку печи, освещение хлебопекарни и прокорм животного, приводящего в движение жернов. Легаторий и его помощники следят за тем, чтобы весы торговцев были точными, чтобы менялы, которых во время военных действий благодаря знанию ими иностранных языков часто используют как лазутчиков, не подпиливали золотых монет, лишая их тем законной стоимости, чтобы свечники не прибавляли в воск сало, чтобы золотых дел мастера не покупали более одного фунта золота в год, чтобы серикарии, производящие шелк, не окрашивали своих материй в пурпур. Торговцы бальзамом, пшеничной и житной мукой, соленой рыбой, твердой или жидкой смолой, коноплей или гвоздями, свечники, менялы, мясники, мыловары, башмачники и пекари объединены в содружества, подчиняющиеся строгим правилам и облегчающие надзор за трудом и податным обложением. Каждому торгующему назначено особое место для торговли. Золотых дел мастера продают свои изделия на Месе, восточные товары можно продавать только в Эмволах, торговцы ароматами выставляют сосуды с благовониями между Милием и Халкой, чтобы благоухание амбры долетало до дворцовых портиков. Здесь продаются амбра, мирра и прочие благовония из Счастливой Аравии, перец из Индии, нард из Лаодикии, корица с острова Цейлона. Но мироварам строго запрещено продавать цикуту, мандрагору, употребляемую для усыпления, и другие халдейские снадобья.

Среди торгующих благовониями много сарацин, египтян, армян, иудеев, эфиопов и персов. От их криков и зазываний кружится голова. Они макают пальцы в сосуды с ароматами, мажут у проходящих ладони или бороды и расхваливают свои товары:

- Купи мускус для своей возлюбленной!
- За один милиариссий — климат рая!
- Благовонные притирания! Благовонные притирания!

Горбоносый человек в огромном тюрбане, склонив голову набок, шевеля тонкими пальцами перед темным лицом, уговаривает покупателя:

- Что тебе скажет возлюбленная? А вот что скажет она, достопочтенный: «Не надо мне драгоценных украшений, принеси мне лучше амбру или мускус, потому что от ароматов у меня приятно кружится голова...»

Бродячий монах выкрикивает:

- Камушки из Иордана! Иорданские камушки, без запроса!..

Персидский купец предлагает:

- Душистое мыло под названием «Тайна красоты». Купите «Тайну красоты»!..
- Благовонные притирания!..
- Миосотис, новый запах!..

Но здесь я встречал также благочестивых паломников и путешественников, посещающих наш город по торговым делам, разговаривал с Сулейманом ибн Вахабом, совершившим трижды путешествие в Иерусалим и побывавшим в далекой Индии.

Растирая в ладонях каплю амбры, он говорил мне:

- Страсть к путешествиям подобна любви. Новые страны — как новые встречи. Так мы

смотрим на красивых рабынь и открываем у них неведомые доселе прелести...

Избегая легкомысленных разговоров, я просил Сулеймана рассказать мне о Иерусалиме и Дамаске, и он закатывал глаза от прилива приятных воспоминаний.

— О, Дамаск!.. Если может быть на земле рай, то это — там. Дамаск — жемчужина мира, вечная весна...

Передо мной стоял враг, сарацин, один из тех, кто отнял у нас гроб Христа... Но ведь мы же были с ним не на поле сражения!

С незапамятных времен бараны продаются на площади Стратигия, а ягнята, от Пасхи до Троицы, — на площади Тавра и рабы — на Амастридской площади, которая поэтому называется в народе «Долина слез». Здесь по лицу продаваемой молодой рабыни текут слезы, крупные, как горошины, детский плач умолкает лишь тогда, когда надсмотрщик грозит бичом маленьким пленникам и пленницам, и, может быть, на этом рынке мы сеем ту бурю, которая когда-нибудь разрушит ромейское государство. Но люди не думают о будущем. На базарах толпятся праздные люди, здесь, как в деревне, пахнет навозом, покупатели спорят о статях коня или о мышцах раба. И всюду — на форумах, на базарах, на рыбных рынках, у цирюльников или хлеботорговцев — споры о догмате святой Троицы мешаются с неизменными разговорами о житейских делах.

— Сколько стоит рыба? — спрашивает покупатель.

— По три фолла за рыбу.

— А в прошлую пятницу я платил по два фолла.

— То было в прошлую пятницу. Цены поднимаются. Потом еще не то будет.

— А что же будет? — удивляется покупатель.

— Разве ты не слышал? Евнух послал василевсу отравленное вино... — шепчет продавец знакомцу.

Но из-за плеча покупателя высовывается чей-то длинный нос и с любопытством обоняет рыбный запах. Большие, оттопыренные уши ловят каждое неосторожно сказанное слово.

— О чем ты тут говоришь, дружок?

— Я говорю, что моя рыба самая лучшая в Константинополе, — отвечает со страхом продавец.

Согласно постановлениям владельцы харчевен имеют право открывать свои заведения с восьми часов утра до двух часов ночи, когда им предписано гасить огонь, чтобы те, кто сидит целыми днями в кабаке, не проводили там и ночь и не устраивали бы драк. Предержавшие власти неукоснительно следят также за исполнением постов и посещением богослужений, особенно когда в церкви присутствует василевс. За нарушение предписаний положены плети, острижение волос, темница, отобрание имущества, отсечение руки и даже ослепление и смертная казнь. Все, от василевса до последнего человека, подчиняются установленным законам. Но что значит наша брменная жизнь в сравнении со славой ромейского государства? И вот мы трудимся, несем бремя налогов и проливаем кровь на полях сражений, потому что лишь способные на лишения и страдания достойны бессмертия в памяти потомков.

Среди этой трудной жизни и житейской суеты взоры невольно обращаются к величественной громаде св.Софии. Создание ромейского гения служит нам вечным утешением и надеждой, и когда смотришь на совершенный купол, понимаешь, почему люди приписывали его

построение ангелам. Невозможно без волнения читать в поэме Павла Силенциария о том, как приступали к строительству храма, приобретали землю у какого-то неведомого евнуха, у бедного сапожника, у привратника по имени Антиох и у вдовы Анны, и о том, каких трудов стоило Юстиниану уговорить этих невежественных людей, неспособных на высокие взлеты мысли, продать свои земельные участки и жалкие жилища. Сам император, в простой одежде, лишая себя послеобеденного отдыха, потому что остальное время было посвящено государственным делам, ежедневно осматривал с палкой в руке постройку и ободрял каменщиков. Такого храма не было на земле даже в дни Соломона. Внутренность его с беспримечной расточительностью украшена мозаикой, и огромное количество золота, серебра, слоновой кости и дерева редких африканских пород потрачено на устройство алтарей, врат и шести тысяч висящих на цепях лампад, изготовленных искусными медниками в виде виноградных гроздьев. Они наполняют храм в ночное время морем огня. В притворе находится фонтан с бассейном из яшмы и извергающими воду медными львами, так как всякий вступающий в храм обязан совершить омовение рук и ног.

Куда бы я ни шел, я неизменно останавливаюсь, если мой путь лежит поблизости от св.Софии, захожу в церковь и люблюсь этим огромным пространством, ограниченным камнем.

Но разве это единственное чудо? Вот форум Августа. На нем привлекает взоры проходящих конная статуя Юстиниана. В левой руке он держит земной шар, а десницу простер по направлению к востоку. На голове у него пышная диадема. Если стать лицом к св.Софии, то справа расположен Ипподром, а налево — Сенат. Над императорской кафизмой, тем помещением, где василевсы присутствуют во время ристаний или игр, летят четыре коня Лисиппа. Не хватило бы многих книг, чтобы описать все эти сокровища, церкви, колонны, портики, рынки, нимфеи и статуи.

Одно из этих чудес также дворец василевсов. Это целый лабиринт зал, переходов, церковей и благоуханных садов, спускающихся к Пропонтиде. Василевсы могут присутствовать на литургии в св.Софии или на ипподромных играх, ни на один шаг не покидая свой дворец.

Однако солнце медленно склоняется к западу, и вечерняя тишина нисходит на город Константина, на его форумы и сады. В окне, разделенном тонкой колонкой, в голубоватой дымке городских испарений виден из моего жилища купол св.Софии, черепичные крыши, кресты церковей, колонны портиков, зелень деревьев. Если сейчас пройти к Золотому Рогу, то увидишь там итальянские и критские корабли, доставившие нам мрамор и пшеницу. На набережных, заваленных большими глиняными сосудами с соленой рыбой из Херсонеса, козьими мехами с вином, амфорами с оливковым маслом и кошницами с виноградом, еще бродят гуляки. Иногда тишину нарушает шум случайной драки или песня пьяного корабельщика, направляющегося в квартал Зевгмы, над воротами которого еще сохранилась от языческих времен мраморная статуя Афродиты. Там, среди пороков, находится ее последнее прибежище, и в заплеванных тавернах и вонючих лупанарах люди пьют вино и предаются разврату.

Слышали вы легкомысленную песенку:

Подойди, дружок, И сорви цветок...

Ее здесь распевают хриплыми голосами венецианские корабельщики, беспутные юнцы. О чем помышляют эти люди? О любви? Нет, о похоти. Не посещайте этих мест, юноши, если не хотите запятнать себя грехом!

Меса — главная улица города — начинается от Ипподрома и идет к форумам Константина и Феодосия, а возле площади Быка и форума Аркадия разделяется на два пути. Один идет к Студийскому монастырю и Золотым воротам, другой — к церкви Апостолов. Когда в городе

наступает ночь, на этой улице, около бань Зевскипа, торговцы шелковыми материями зажигают в «Доме света» светильники, и огонь горит там до полуночи...

Что еще сказать о нашем великом городе? Дворцы и хижины строились в Константинополе по соседству. Дома богатых людей прячут свою хозяйственную жизнь во внутренних дворах, выставляя на улицы только глухие каменные стены или скудные окошки, из которых безопасно обозревать народные волнения. Форумы, триумфальные арки, базилики, термы, квадриги, увенчанные ангелами колонны, библиотеки, статуи — все сокровища древнего мира, собранные за прочной оградой крепостных стен, делают наш город похожим на Рим.

А на полке лежат любимые книги, утешающие в минуты сомнения и в одинокие ночи. Назову среди них «Хронику» Георгия Амартова, «Минологий» одноименного мне Симеона Метафраста, украшенный драгоценной живописью труд Дионисия Ареопагита, стиль которого так радуется человеческое сердце, и гимны божественного поэта Иоанна Дамаскина. Рядом с ними «Тайная история» Прокопия Кесарийского и другие книги, и среди них спрятаны от нескромного взгляда диалоги Платона и произведения Плотина, а также собственноручно переписанные мною стихи Иоанна Геометра, с которым мне привелось встретиться на жизненном пути. И я, Ираклий Метафраст, друнгарий царских кораблей, патрикий и приближенный василевса, рожденный в хижине, но возвеличенный до дворцов, осмеливаюсь писать среди этих прекрасных книг о том, что случилось мне видеть и пережить в гибельные годы царствования Василия Болгаробойцы...

Прикроем глаза рукой и умозрительно представим себе мир: солнце и луну, материки и моря, блистающие по ночам звезды над ними, соловьиные рощи и усыпанные цветами лужайки — и в то же время все несовершенство его: погибающие в пучинах корабли, сожженные варварами христианские города, морских рыб, пожирающих мелких рыбешек, и наши грехи, корыстолюбие и алчность людей. Богач пирует в мраморном дворце, в то время как несправедливый судья отнимает у бедного поселянина последнего вола, а у вдовицы нет даже фолла, чтобы купить голодным детям кусок хлеба. Представим себе чревоугодие, болезни, язвы и гноящиеся раны, наполняющие внутренности человека нечистоты, его животные страсти, неопрятность и злобу! Всякий раз, когда я вспоминал какого-нибудь преуспевающего и самодовольного глупца, или бесстыдного льстеца, ползающего на брюхе перед сильными мира сего, или грубого обидчика сирот, или чревоугодника, или мелкого интригана, наделенного по милости слепого случая властью, мир казался мне черным, как ночь. Только маленькие делишки, мелкая суета, льстивый смешок, затаенная на дне души жестокость! Но приходил разделить мое одиночество Димитрий Ангел, стихотворец и строитель церквей, поверял свои величественные планы, показывал чертежи прекрасных белых и розовых зданий, которые ему хотелось осуществить в камне, или читал мне свои стихи о розе, распустившейся утром в росистом вертограде, о мимолетном беге оленя, о деловитом скрипе повозок на деревенской дороге, о запахе свежее испеченного хлеба, о терпком вкусе вина, о смехе загорелых женщин — и я готов был благодарить небо, что мне дана возможность вкусить от радостей и страданий жизни. Наш вдохновенный поэт учился писать стихи у Ионна Геометра. С пятнами лихорадочного румянца на щеках, покручивая завитки черной бороды, только что появившейся на этом еще юном лице, он рассказывал мне с сияющими глазами о своей возлюбленной, лучше которой, разумеется, ничего не было на свете, и я не мог не улыбнуться ему в ответ. Или мы читали вместе с ним какой-нибудь диалог Платона и изумлялись полетам мысли у философа, хотя и знали, что это ложная, опасная и греховная мудрость.

Димитрий говорил:

— Как прекрасен мир! Корабли плывут по морю, нагруженные пшеницей или произведениями горшечников, и путь их лежит в Африку, в далекие гавани блаженных эфиопов. Звезды вращаются над морями, указывая путь корабельщикам. В Багдаде перед розовыми и полосатыми дворцами калифов плещут фонтаны, и солнечный свет переливается радугой на

водяных каплях, а на зеленых лужайках красуются павлины. Караваны верблюдов уходят в далекую пустыню за благовониями. За Танаисом ржут кобылицы варваров. А здесь парит в воздухе, как бы подвешенный на золотых цепях, совершенный купол Софии, порт полон кораблей, и буря рукоплесканий наполняет праздничный Ипподром. Всюду жизнь! Всюду красота! И женские глаза, увиденные украдкой в церкви, прекраснее звезд...

Болезнь клокотала в его груди, он задыхался от кашля, но потом, успокоившись, мечтательно смотрел куда-то вдаль, весь во власти своих видений, колоннад, архитравов, куполов и строительных расчетов, построенных на правиле золотого деления.

Да, корабли плывут по морю, но аквилоны и бореи вздувают свирепым дыханием морские пучины, и жалкие создания человеческой жадности и беспокойства трепещут и погибают. Весь мир наполнен беспокойством и бурей. Раскроем книгу, в которой Константин Багрянородный с таким умом писал о фемах, — и мы увидим залитые кровью Армениак, Фракисийскую фему, Анатолик и Опсикий, горы Тавра, совсем недавно возвращенные из-под ига сарацин силою христоролюбивого оружия Эдессу и Антиохию, завоеванный Никифором Фокою остров Крит, побежденный патрикием Никитой Халкуци остров Кипр, дивные владения ромеев в Италии — Неаполь и гору Везувий, извергающую серу, огонь и пепел, и другие наши земли.

Еще мы увидим Херсонес в Таврике, его поруганные церкви и потоптанные виноградники, Борисфен, который руссы называют Днепром, такую же великую реку, как Нил, и еще более обильную рыбой и сладостной для питья водой, а на берегу ее далекий город Киев, над которым уже занимается северная аврора. Весь мир полон движения и перемен. Но подобно двум солнцам сияет над ним слава василевсов Василия и Константина. Бремя государственного правления взял на себя Василий. Мужественный и неутомимый, он крепко держит в руках кормило ромейского корабля. Содрогается земля от толчков, рушатся небесные купола храмов, со всех сторон теснят нас враги, народ вопиет от голода, дитя напрасно мнет материнские сосцы, ибо нет в них ни единой капли молока. Мы родились в годы бурь и потрясений, в дуб, под которым спасаются во время грозы, ударила небесная молния, и вот женщины трепещут в гинекее, опасаясь за своих мужей и сыновей. Но василевс умеряет жадность богатых, считающих, что им все позволено, сокрушает ярость врагов, угрожающих нам гибелью, и награждает достойных.

В печальное время посетила землю моя душа. Что я? Червь, рожденный во мраке. И в то же время меня озарила необыкновенная любовь, моя мысль, как орлица, взлетает на высочайшие горы, откуда открывается зрению вся земля, где становятся близкими звезды и рождается надежда, что среди этих рек крови когда-нибудь возникнет иная, лучшая жизнь.

Тот день я провел с друзьями в долине Ликоса, на винограднике магистра Леонтия Хрисокефала. Нас было пятеро: историограф Лев Диакон, спафарий Никифор Ксифий, мужественный человек, уши которого, как у волка, заросли волосами, стихотворец Димитрий Ангел, сам магистр Леонтий и я. Некогда Ксифий служил в «бессмертных», как называют закованных с головы до ног в железо катафрактов, отличился в сражениях и получил звание спафария. Он был несведущим человеком, но мы делили с ним военные труды, и я ценил его верное сердце.

Мы отправились в путь на мулах и в сопровождении слуг задолго до восхода солнца. День был праздничный, свободный от трудов, и мы решили провести время в отдохновении и дружеской беседе.

Зима приходила к концу, серебристые хребты окрестных гор уже начали покрываться зеленью, среди кипарисов, дубов и олив веял зефир, и на его крыльях к нам прилетела весна,

осыпая лужайки цветами и наполняя приятным волнением человеческое сердце. Мы выехали из Меландизийских ворот, поднялись на горбатый каменный мост и направились по вымощенной камнем дороге Игнатия в имение магистра. Разгоралась заря. Ромейские девушки выходили из города легкими стопами, чтобы собирать на лугах фиалки. Все было кругом в цвету, и аромат розовых миндальных деревьев наполнял долину.

Виноградник был расположен на щебнистом солнечном холме, и у его подножия находился круглый каменный колодец. Немного далее стояла хижина, сложенная из грубых полевых камней. В ней мы имели обыкновение с Димитрием Ангелом и Львом Диаконом читать диалоги Платона, и от бедности хижины почему-то особенно печальными казались слова философа о небесной любви. Под влиянием этих строк Димитрий написал впоследствии стихи о возвышенном любовном чувстве в мире грубых страстей, и я с большим тщанием переписал их для себя. Здесь, в таком укромном и безлюдном месте, было удобно спорить о мире платоновских идей, так как из благоразумия следовало опасаться, чтобы слухи о таком времяпрепровождении не достигли ушей патриарха и не навлекли бы на нас гнев василевса. Василий не любил поэтов и соблазнительных философских рассуждений, патриарх же грозил, что чтением подобных книг мы можем погубить наши бессмертные души. Однако теперь все читают тайком Платона.

Магистр Леонтий, богатый человек, посещал время от времени имение, чтобы проверять надзирающих над рабами и виноградниками, а Никифора Ксифия влекли сюда смешливые белозубые поселянки.

Незадолго до этого магистр получил известие от управителя имением, что рабы и кабальные работники, приставленные возделывать нивы и пасти хозяйский скот, выражают недовольство своей участью и даже осмеливаются на угрозы. Поэтому он и отправился в свои владения, захватив с собою около дюжины слуг, вооруженных мечами, и твердо решив наказать виновных.

По прибытии мы были встречены управителем, весьма льстивым человеком, который прислуживал нам за трапезой, вынимал из плетеной корзины лучшие хлебцы, разрезал пополам, чтобы удобнее было класть на них куски мяса, и самолично наливал нам в чаши красное вино, разбавленное ключевой водой. Обедали мы в сельском каменном доме Леонтия, расположенном среди тенистых деревьев, и во время еды не говорили о хозяйственных делах, а вели благопристойную беседу о мученике Агапите, память которого праздновалась церковью в тот день, и лишь по окончании трапезы Леонтий вышел под арку, которой была увенчана дверь дома, и велел привести во двор непокорных.

Их было четверо — старик и трое молодых, — и вид этих людей мог бы вызвать жалость у самого жестокосердого человека. Они обращали на себя внимание необыкновенной худобой тела и грязью рук, были босы, в жалких непрепоясанных вретницах, и к их ногам прилип коровий навоз. Рабы упали на колени, и старик поклонился хозяину, касаясь лбом земли, а молодые мрачно посмотрели на нас и потом опустили глаза. Управитель стоял рядом, держа подобострастно в руке опущенный заячьим мехом колпак.

— Что я слышу? — грозно начал магистр. — Вы оказываете неповиновение и небрежно выполняете работу? Мне донесли, что вы даже стали способны на угрозы и готовы к возмущению? Но известно ли вам, что я могу присудить вас к тысяче палочных ударов? И даже если вы умрете во время наказания, я не отвечаю за ваши жалкие души, и все это предусмотрено мудрым законом...

Вдруг старик поднял руки к небесам и воскликнул, шамкая беззубым ртом:

— Господин! Не знаю, что хуже — жизнь ли, какую мы влачим, или смерть под палками. Мы работаем от зари до зари, а пищу получаем в самом ограниченном количестве, и терпим

нешадные побои, и зимой нам не дают ни обуви, ни плаща, чтобы прикрыть тело от холода, и когда мы обращаемся с просьбой отпустить нас в церковь в праздничный день, нам говорят, что мы не выполнили назначенный урок, и заставляют работать даже в день воскресения Христа...

Леонтий нахмурил брови и посмотрел на управителя. У того забегали глазки.

— Так я поступаю исключительно потому, что радею о твоей пользе, превосходительный. Не слушай этих ленивцев и разбойников. Посмотри на их упитанные щеки, и ты поймешь, что они живут в твоём доме как в раю.

Я отлично знал Леонтия, его жадность и скопидомство, и не удивился, что он якобы поверил словам управителя и приказал наказывать ослушников. В глубине двора стояли кучкой приехавшие с ним слуги и конюхи, и старший конюх, по имени Фома, ждал, скрестив руки, когда его позовут, чтобы привести в исполнение приказ магистра. Леонтий поманил его пальцем, и немедленно дюжие слуги потащили несчастных на расправу.

Я никогда не был любителем подобных сцен и поспешил с Дмитрием Ангелом и Львом Диаконом на виноградник, расположенный за горой, но слышал, как магистр сказал Льву, точно оправдывая свое распоряжение:

— Не знаю, как поступить. Полагаю, что более соответствует христианскому учению и выгоднее также отпустить рабов на свободу, наделить землей и обязать трудиться на ней и отдавать господину половину снопов и приплода. Так поступают теперь многие и освобождают себя от неприятных забот.

Закончив свою речь, он погрозил пальцем управителю.

— А если я замечу, что ты уворовываешь то, что дается работающим в имении, я и тебя накажу плетью. Ты должен питать раба, ибо только тогда он будет в состоянии выполнить возложенную на него работу, а я не хочу нести ущерба в своём хозяйстве...

Я знал, что управитель был тоже человеком рабского состояния, но возвысился над другими лишь благодаря низкопоклонству и наущничеству.

Когда мы спускались по тропинке к винограднику, чтобы отдохнуть там после принятия пищи и в тени лоз побеседовать о возвышенных вещах, мы услышали крики и стоны подвергнутых наказанию. Я сказал:

— Разве у нас с ними не один бог, не одно крещение?

Лев Дьякон, привыкший взирать на все с холодным равнодушием историка, пожал плечами.

— Мысли раба надо направлять жезлом.

Но я был рад, что мы уже удалились на достаточное расстояние от того места, где происходило бичевание, и крики перестали терзать наши уши.

Отдохнув среди лоз, все отправились в другой конец владения, в селение, где Леонтий покупал у разорившегося крестьянина небольшой участок земли, думая поселить на нём одного из своих рабов. Я тоже последовал за ними, чтобы не оставаться одному на винограднике.

Когда мы пришли на указанное место, там нас уже дожидались владелец участка, свидетели, выбранные из обитателей этой деревни, и явившийся для заключения купчей сделки местный табулярый, сгорбившийся под бременем лет старичок с жалкой бороденкой. Собравшиеся низко поклонились магистру и ждали, что он им скажет. За продающим землю стояла жена с

ребенком на руках. Другой мальчик прижимался к матери и теребил ее юбку, с любопытством глядя на красиво одетых людей. Никто из них не имел обуви, и глаза у женщины были заплаканы.

— Приступи! — коротко сказал Леонтий табулярию.

Прежде всего предстояло измерить участок. Один из поселян взял веревку, зажал конец ее между пальцами правой ноги, а другой конец поднял на высоту вытянутой руки.

— Нет, — сказал магистр, — надо использовать для этой цели тростник. Потому что веревка изгибается во время измерения и покажет больше земли, чем есть на самом деле, а я не буду платить лишнее.

Тогда поселянин принес длинную жердь, и табулярий, отложив на ней двадцать семь раз руку, отрубил палку в этом месте. Так получилась мера для определения площади участка. Теперь оставалось только обойти с жердью вокруг поля.

— Но почему не царская сажень, а малая? — спросил Леонтий.

Сладко улыбаясь, может быть с целью смягчить свои слова, так как он не мог поступить иначе как по закону, табулярий объяснил:

— Царской саженью предписано пользоваться только при покупке крестьянином земли, а при продаже — малой. Так гласит новелла.

— Ты правильно говоришь, — подтвердил поселянин, — так повелел василевс.

— Считается, что это делается для оказания помощи бедным. Ибо тем самым, что он продает, продающий уже рассматривается как более бедный человек, чем покупающий. Хе-хе!

Табулярий потирал руки, как бы извиняясь за такой неблагоприятный для магистра закон.

— Это мне известно, — махнул рукой Леонтий.

Началось измерение участка. Видно было, что крестьянин не очень-то доверяет табулярию и следит за каждым его движением. Но участок был небольшой, и площадь его скоро была вычислена. Пахотная земля, как известно, измеряется на модии жита, необходимые для обсеменения.

Табулярий подсчитывал вслух, глядя куда-то в небеса, точно там он находил все нужные ему данные:

— Итак, сосчитав число сажен и отбросив одно измерение из каждых десяти на ручей, протекающий в этом владении, и на каменистую почву, неудобную для обработки...

— Земля здесь медомлечная, чернозем, — пытался отстаивать свои интересы продающий.

— Есть и супесчаная. Смотри, какой камень, щебень, — возражал Леонтий.

— Продолжаем, — опять возвел очи горе табулярий, подсчитывая на пальцах. — Тридцать шесть... Остаток разделим на четыре или отбросим число сажен и разделим полученное на два. Получится ширина и длина. Перемножив ширину на длину и разделив сумму на два, мы получим число модиев. Их будет восемнадцать.

— Как же так? — почесал затылок поселянин.

— А так. Скольким мерам равняется сторона твоего участка? Шести. Помножим ширину на

длину. Тридцать шесть сажен.

— Тридцать шесть... — повторил поселянин.

— Это будет площадь. Теперь разделим ее на два. Вот и получается восемнадцать модиев.

Я и сам не очень-то схватывал эти вычисления, а крестьянин только растерянно переводил взгляд с одного на другого. Но Леонтий был доволен. Он брал с париков, обрабатывающих его землю, четвертую, а то и третью часть урожая и, вероятно, успел подсчитать в уме будущий доход с участка.

Табулярий уже писал на вынесенном из хижины колченогом столе купчую: такого-то числа, такого-то индикта и года...

Мне захотелось вернуться на виноградник.

— И я с тобой, — окликнул меня Димитрий Ангел.

В дальнейшем время незаметно прошло в беседе о текущих событиях, а к вечеру мы пустились в обратный путь, подгоняя мулов, чтобы попасть в город до закрытия ворот и не иметь пререканий с городской стражей. Мы спешили и перегнали в пути того самого поселянина, который покинул жилище и куда-то брел с семьей, нагрузив на осла все свое имущество и отдав, вероятно, значительную сумму вырученных денег в уплату долга магистру. Однако темнота застигла нас еще в пути, и тогда мы неожиданно увидели на черном небе комету, которая была подобна огненному мечу архангела и тихо плыла в небесных пространствах.

Потрясенные страшным зрелищем, мы вздыхали. Но вдруг земля под нашими ногами заколебалась, и мулы в страхе остановились. Мне показалось, что наступает конец мира. Глухой и тяжкий грохот донесся до нашего слуха. Димитрий Ангел схватил меня за руку.

— Неужели это рухнул купол Софии?

В душевном смятении ему никто не ответил. Каждый опасался за жизнь, за судьбу близких, за участь своих жилищ. Но падение купола такого храма было бы равносильно мировой катастрофе. Этого не мог охватить человеческий разум.

Лев Диакон произнес:

— На земле должно случиться нечто страшное! Сама природа возвещает нам о каком-то важном событии. Может быть, предсказывает падение Херсонеса...

В тот день мы много говорили о Херсонесе. Город находился в крайне стесненном положении, и в призывах херсонесского стратига о помощи слышалось отчаяние.

— Что же теперь будет с нами? — спросил стихотворец, готовый заплакать от волнения. — Разве этот город не оплот наш, не новый Илион?

Димитрий писал стихи, легко впадал в преувеличения, опьянял себя красивыми словами.

Магистр вздохнул.

— А главное — кто будет доставлять нам соль с борисфенских солеварен и дешевую соленую рыбу для константинопольского населения?

Лев Диакон показал рукой на комету, неумолимо плывшую, как челн, в мировом пространстве. Историк считал себя знатоком в области предвестий.

— Видите? Не без причины посетила нас небесная гостья.

Я неоднократно бывал в Херсонесе и хорошо знаю этот шумный торговый город. Жители его коварны, туги на веру, лгуны, легко поддаются влечению всякого ветра, как писал о них еще епископ Епифаний. Они жалкие торгаши и неспособны на великое. Торжище — их душа, нажива — смысл жизни и цель всех трудов. Нельзя доверять им ни в чем. Разве не нашелся среди них изменник, как я выяснил это потом, — тот самый пресвитер Анастас, что пустил в лагерь руссов стрелу с указанием, в каком месте надо перекопать трубы подземного акведука, чтобы лишить осажденных воды. Впрочем, теперь я уже спокойно смотрю на события и понимаю, что он действовал так потому, что был варвар по рождению или ждал награды от Владимира, но в те дни мое сердце кипело от негодования.

Расположенный на берегу Понта, на пересечении важных торговых путей из Скифии и Хазарии в Константинополь, обнесенный стенами из прочного желтоватого камня, укрепленный башнями и военными машинами, счастливый обладатель бесподобной гавани, Херсонес сделал себе богом золотого тельца. Его белые корабли, освобожденные от пошлин, доставляют нам рыбу и соль. В устье Борисфена жители Херсонеса владеют значительными рыбными промыслами и солеварнями. Права на них оговорены в особых соглашениях с руссами. Через рынки Херсонеса проходят товары из Скифии — меха, рабы, кожи и кони, которых продают там дикие кочевники, а с Востока — благовония и пряности. Мы же доставляем туда вино, материи и прочие изделия искусных греческих ремесленников. Но жадный и беспокойный город был всегда склонен к возмущениям и неоднократно убивал своих епископов и стратигов. Дальновидные василевсы, заключая договоры с варварами, неизменно упоминали в них, что в случае восстания херсонитов они обязаны подавить мятеж и привести их к повиновению власти, поставленной от бога. Об этом упоминается в сочинении об управлении империей. Константин Багрянородный, царственный автор, советует своему сыну Роману, для которого была написана книга, как надо действовать в случае отпадения Херсонеса. Для этого достаточно захватить в столице и в гаванях Пафлагонии херсонесские корабли, запретить продавать в Херсонесе пшеницу и прекратить всякое сообщение с полуостровом. Предоставленные собственной участи, херсониты должны погибнуть.

Во всяком случае, все в этом городе зиждется на прибыли, и когда вспоминаешь о Херсонесе, видишь, что ничему не предаются люди с таким прилежанием, как торговле. По Борисфену и по далекой русской реке, впадающей в Хазарское море, плывут многочисленные ладьи с товарами. Встречаясь в пути с другими ладьями, купцы перекликаются:

— Откуда вы плывете?

— Из Самакуша.

— Не видели ли вы в Фулах хазарского купца Исаака Самана?

— Видели. Закупает меха и воловьей кожи.

— В какой цене теперь кожи?

— Цены на кожи поднимаются.

Но торговцы пользуются не только кораблями. В хазарских солончаках движутся караваны верблюдов. Люди идут, неделями не встречая человеческого жилья. Но вот впереди поднимается пыль над дорогой и скрипят колеса встречного каравана. Волы тащат огромные повозки с товарами. Купцы останавливаются, с опасением осматривая друг друга. Потом завязываются разговоры:

— Точно ли, что в Таматархе чума?

— О чуме мы не слышали, но верно, что люди страдают там желудком и многие умирают.

— Не встретили ли вы на своем пути кочевников?

— Не встретили.

— А что происходит в Херсонесе?

— Беличьи шкурки идут хорошо, в большом спросе перец, цена на кожи поднимается.

— Не видели ли вы в Фулах хазарского купца Исаака Самана?

— Видели. Покупает воловьих кожи...

Сколько раз я ходил по улицам Херсонеса, бродил по его торжищам, с удивлением взирая на торговую суету...

Уже на рассвете продающие стекаются на городской рынок, где между колоннами висят перекошенные разновесами железные весы, а на каменных прилавках лежат пахучие кожи, зловонные сырые меха, серебряные чаши, мешочки с янтарем, женские украшения, амфоры с перцем, сосуды с мускусом, расшитые грифонами и цветами греческие материи. У базилики св.Богородицы в меняльных лавках разжиревших скопцов звенят номисмы и милиариссии. Люди самого различного облика — ромеи и варвары, иудеи и персиане, хазары, армяне и жители далеких сарацинских городов — бродят среди этих товаров, спрашивают о ценах, торгуются, клянутся всеми святыми, Перуном и мечом Магомета, продают и покупают. На рынке у Кентарийской башни торгуют вином, пшеницей и оливковым маслом, а у башни Синагры продаются кони и ослы, рогатый скот и жирные бараны. Верблюды торжественно входят в городские ворота. С тяжелыми вьюками на горбах, гордо подняв маленькие головы, позванивая колокольцами и амулетами, они идут один за другим на базарную площадь. В порту торговые корабли нагружаются рыбой и мехами, чтобы при первом же попутном ветре плыть в Константинополь или в порты Азии. Всюду разговоры о наживе, о прибыли, об удачном лове, о ценах на беличьи шкурки, доставленные из холодной Скифии русскими купцами. Продавец обманывает покупателя, а покупающий, может быть, платит серебром, похищенным из церковной сокровищницы! Зернохранилища, солеварни, склады и масличные точила важнее здесь, чем базилики. Разве способны эти жадные и лживые люди на великие деяния?

Но магистр Леонтий Хрисокефал, лукавый старик, поблескивая черными, полными ума глазами, говорил, когда речь заходила о Херсонесе:

— Хороша херсонесская рыба! Любят ромеи рыбку! Что может быть приятнее рыбной похлебки с чесноком и перцем?

Для него все ясно и просто в мире. Херсонесская соленая рыба — дешевая пища для черни и воинов. Чтобы покупать ее, нужны деньги. Деньги достает государство взиманием налогов и пошлин. Всю жизнь шуршит магистр бумагами, макает тростник в чернильницу, пишет доклады и списки. Все это — для пользы ромеев.

Египетский монах Косьма Индикоплов, совершивший в дни императора Юстина путешествие в Эфиопию и написавший ужасным слогом «Христианскую топографию», в своей книге уподобил мир скинии завета. Земля четырехугольная и представляет собою плоскую равнину, подобную горнице, в которой свод — небеса. Землю со всех сторон окружает океан. По ту сторону его жили в раю Адам и Ева. Солнце, раскаленный шар, возникший из небытия в четвертый день творения, освещает мир днем, луна — ночью. В час заката солнце прячется за коническую гору, расположенную на далеком западе.

Мы все живем в этом ограниченном океане мира: василевс, патриарх, патрикии, стратиги, епископы, простые башмачники и овчары, Димитрий Ангел и Никифор Ксифий, Лев Диакон и я. Люди привыкли к незначительному пространству. А меня это низкое небо сковывает, как железом. Порой хотелось бы разорвать его руками, прободать трезубцем, посмотреть, что скрывается за его голубой прелестью. Где конец земли? Существует ли еще за океаном тот материк, на котором жили наши праотцы? Что было бы, если бы плыть на корабле на запад до тех пор, пока не покажется земля? Что там?

Магистр Леонтий посмеивался надо мной:

— Умрешь — тогда узнаешь. А пока едва хватает времени управиться с земными делами. Откуда у тебя такое беспокойство? Смотри, чтобы тебя не отлучили от церкви. Зачем ты читаешь, патрикии, богохульные книги?

Сам он плавал в земных делах, как рыба в воде, был большим стяжателем, покупал земли и виноградники, содержал в порядке свой дом, выгодно выдавал дочерей замуж, неоднократно исполнял ответственные государственные поручения, мечтал, что со временем его сделают логофетом дрома, как называется в Священном дворце императорский чин, ведающий сношениями с другими государствами, и пока мы с Димитрием читали божественные строки о Психее, он играл с Ксифием в кости или осматривал лозы и порицал за нерадивость работающих на нивах...

Мы снова двинулись в путь. Но наши взоры непрестанно обращались к комете. В этом тягостном молчании я ехал на муле и размышлял о своей необыкновенной судьбе.

Земная деятельность Ираклия Метафраста, патрикия и друнгария ромейских кораблей, какового сарацины называют адмиралом, началась в бедной хижине, а закончилась в мизийских ущельях, где благочестивый ослепил пятнадцать тысяч болгарских воинов. Тогда я вложил меч в ножны и решил, что напишу эту хронику, рассказав в ней обо всем, что видели мои глаза.

Говоря простым языком, как в разговоре с приятелем, без метафор и украшений, я мог бы заплывать жиром и сытое существование предпочесть очищающим нас трудам и страданиям и, как многие другие, стремиться к земному благополучию, пресмыкаться, ползать на брюхе, льстить сильным мира сего, откладывать в глиняный горшок милиариссий за милиариссием. Однако во мраке земной ночи меня вел свет неразделенной любви. Она спасала меня от ничтожных устремлений, от чревоугодия и грубого смеха. Какая польза была мне в богатстве, если то, к чему я стремился, нельзя было приобрести ни за какие богатства мира? Голубка не захотела променять небеса на курятник.

В те годы любовь наполнила все мое существование. Руководимый ею, я пересекал житейское море, как ромейские корабли пересекают в бурю Понт, и равнодушно взирал на опасности и кипение пучин.

Я не хочу обелять себя, как тот фарисей, что с такой самоуверенностью обращался к богу. Я последний из христиан. Я проливал человеческую кровь, и язык мой изрыгал на людей злобу и хулу. Как часто, предаваясь бессмысленному гневу, я презирал их, хотя сам, может быть, был ничтожнее всех. Сколько раз я видел, как они метались, спасая свое жалкое достояние, и мое сердце оставалось холодным и недоступным для жалости. Люди полагают, что весь мировой порядок существует только для того, чтобы жить в тепле и довольстве, и не хотят помыслить о высоком. «Пусть гибнут в смятении, — думал я, — какая от них польза?» Только отдающий свою жизнь за других заслуживает сожаления и слез, и только погибающий ради высокой цели достоин бессмертия. А ромеи копошатся среди маленьких дел, трусливо прячутся от непогоды, закрывают уши от шума бурь. Спросите их: жаль им героя, который борется за спасение их ленивых и дрожащих от страха душ? Им все равно. Если случится

катастрофа, они предадутся унынию. Злобу возбуждает во мне нежелание этих торговцев, стяжателей, судей, писателей хроник и гимносластателей загореться ревностью к общему делу.

Одни говорят:

— Мы соблюдаем посты, платим налоги и подчиняемся законам. Пусть все останется как есть.

А другие уверяют:

— Мы пишем стихи, форма которых совершенна. Мы можем из гекзаметров «Илиады» составить новую поэму. Мы объяснили у Платона каждую строку и подсчитали число букв и придыханий в его диалогах. Чего вы еще хотите, любители прекрасного?

Ромеи живут как на вулкане, и каждый день нас могут затопить волны варварского моря, а эти люди не хотят расстаться с теплом супружеских постелей. Но сколько раз мы с василевсом поднимали их среди ночи, гнали жезлом на поля сражений, однако они не могли понять, что назначение человека — жить и умереть ради прекрасного, а не цепляться за ничтожную жизнь. Они плакали и жаловались на невыносимую тяжесть возложенного на их слабые плечи бремени. Не плакать надо, а пылать, как свеча среди ночного мрака, стоять непоколебимо среди бури! Только то прекрасно, ради чего человек согласен отдать свою жизнь, не имея от этого никакой личной выгоды. Иначе как вы проверите ценность вещи? Посмотрите на руссов и берите пример с них! Бесстрашно они идут на смерть в сражениях, презирая щиты и всякие военные ухищрения и считая, что умирают ради счастья своей земли.

Дни текли. Мрачные предсказания Льва Диакона сбывались. Как потом историк написал в своей книге, северная аврора возвестила ромеям о падении Херсонеса. Буря негодования возмутила душу благочестивого. А в это печальное время, как будто ничто не случилось и как будто не угрожала нам со всех сторон гибель, Константин, его брат и соправитель, беззаботно охотился с друзьями среди холмов Месемврии на диких ослов. На константинопольских базарах в те дни говорили: «Побрякушка и крест делаются из одного куска дерева».

Огненные столбы вставали на северной стороне неба, наводя ужас на городскую чернь. Страшная комета плыла в небесном пространстве, может быть предвещающая гибель мира. Мы были свидетелями того, как рушились с ужасным грохотом дивные купола церквей — непрочные создания человеческих рук. Потом полевая мышь пожрала посевы, и нашу державу посетил голод. Люди платили по номисме за медимн пшеницы. В бурном море погибло множество кораблей, и земля обильно оросилась кровью христиан.

Взятие варварами Херсонеса завершило наши бедствия. Падение этого города горным эхом отозвалось в кавказских ущельях, в тишине гинекеев, в бедных жилищах дровосеков, в становищах доителей кобылиц и даже в далекой Антиохии. Торговцы на сарацинских базарах, корабельщики в портовых кабаках, путники на далеких караванных дорогах или на ночлеге в придорожных гостиницах рассказывали друг другу о событиях в Таврике. Станный ветер веял из скифских степей. Судьбы человечества решались ныне не в Риме, а на берегах Борисфена, и символ власти над миром, хрустальный, увенчанный крестом шар, трепетал в руке василевса.

Но послушайте, о чем беспокоятся эти люди!

— Правда ли, что цена на хлеб поднялась на два фолла? — печалится табулярий.

— Кухарь, принес ли истец на поварню обещанного ягненка? — спрашивает судья.

— Церковный служитель, уплатила ли вдова положенную мзду за панихиду? — допытывается пресвитер.

Городские ворота были уже заперты, когда мы приблизились к башне, но мы выкрикнули свои имена стражам, и в исключение из правил они впустили нас в город, осветив факелами наши лица. Затем тяжелые ворота снова со скрежетом, медленно повернулись на медных упорах. На мгновение огонь блеснул на меди оружия, и мы снова очутились в темноте. На пустынной улице подковы мулов гулко цокали о камни. Видно было, что в некоторых домах еще были зажжены светильники. Пахло жареной рыбой. Люди оставили свои дела и вернулись к домашним очагам, принимали пищу, готовились отойти ко сну. Я распрощался с друзьями и повернул мула к форуму Быка, а оттуда на улицу Благоденствия, где стоял мой дом, недалеко от церкви св.Акакия. Со стороны Пропонтиды веяло прохладой.

Служитель разоблачил меня, и я опустил на ложе, но ночь провел в бессоннице: в голове теснились мрачные мысли, и предчувствия не давали мне покоя. Видя, что сон бежит от меня, я зажег свечу и взял с полки первую попавшуюся под руку книгу; она оказалась сочинением, в котором Феофан Продолженный пишет о восстании Фомы Славянина. Вероятно, это был такой же молодой раб, как те, что мы видели сегодня в имении Леонтия. У меня самого было некоторое число слуг, ибо и тогда, несмотря на мое скромное звание спафария, василевс осыпал меня милостями. Однако стихи Иоанна Геометра растревожили мое сердце, и я всегда соболезную участи бедных и поработанных. Может быть, рабы и теперь готовы восстать на нас, и мы живем как на вулкане, но откуда мне знать, о чем они замышляют: ведь при моем приближении они неизменно умолкают и потупляют глаза.

Я написал эту книгу на греческом языке, но чтобы явственнее стала для читателя логическая связь последующего, должен напомнить, что я в совершенстве изучил язык руссов. Этим я обязан тому обстоятельству, что провел детство в предместье св.Мамы, где останавливаются приезжающие в столицу ромеев русские купцы. Согласно существующим договорам, руссам отводится здесь помещение в странноприимных домах и в течение трех месяцев выдаются съестные припасы — мясо, рыба, вино и овощи. Они также имеют право бесплатно мыться в общественных термах, что они и делают с большим удовольствием.

Руссы привозят меха, воск, мед и порою закованных в железо рабов — пленниц и пленников или обращенных в рабство жестокими заимодавцами бедняков, продающих себя в годы неурожая. Наймиты тоже легко попадают на положение раба: всякая порча плуга или падеж хозяйского вола ставится им в вину, и они платят за все, и эти пени надевают на них петлю рабства. А при случае господин продает их купцам, плывущим в Константинополь. Потом они кончают свои дни евнухами, или гребут до последнего вздоха на хеландиях, или погибают в медных рудниках.

Русских купцов в Константинополе встречает легаторий, на обязанности которого — следить за иноземцами, и табулярий. Одним из последних был мой отец.

В предместье св.Мамы эти служители закона заверяют подписи в письменных документах и составляют договоры торгующих. Это весьма ответственная служба, и всякий табулярий должен владеть гибким слогом и уметь точно выражать свои мысли, чтобы совершающие куплю и продажу не могли вставить в текст двусмысленные выражения, которые потом возможно было бы истолковать во вред противной стороне. Впрочем, отец рассказывал мне, что руссы не прибегали к таким ухищрениям и строго соблюдали клятвы, принесенные на обнаженных мечах.

Получение звания табулярия обусловлено многими требованиями. Необходимо, чтобы человека единодушно избрали для выполнения этой должности все другие табулярий и

проверили его в знании законов Прохирона и шестидесяти книг Василиков. Кандидат не должен быть болтливым и высокомерным или распутником. Требуется, чтобы он был добропорядочных нравов и благочестивым в церковных делах. После же принесения со стороны избирающих клятвенных обещаний здравием императора, что они принимают в свою среду нового товарища не из лицепрятия или по родству, а за его добродетели, все направляются в дом к градодержцу, где происходит церемония возведения в сан. Затем табулярий идут в ближайшую по месту жительства церковь. Сняв плащ и оставшись в одной белой фелони, новый табулярий получает благословение от священника. Примикерий же, то есть старшина табуляриев, берет в руки кадило и совершает перед новоизбранным каждение, а один из присутствующих держит Евангелие. Этим воскурением показывается, что мысли табулярия должны возноситься перед господом, как фимиам. Потом все возвращаются торжественным образом домой, пируют и веселятся.

Отец неоднократно рассказывал об этом обряде и о том, что по своему званию должен был находиться во время императорских выходов в Ипподроме, и как однажды он опоздал и уплатил пени в размере четырех кератиев, о чем очень сожалел.

Пережил отец и другие неприятности. Был такой случай, что он заверил подпись какого-то константинопольского купца в документе, в котором была незначительная ошибка, что-то вроде пропуска значка, означающего придыхание, и другая договаривающаяся сторона протестовала действительность соглашения, и только суд признал его силу.

Случилось, однако, что отец захворал горячкой, и его лечил врач Никита, проживающий поблизости, и иногда дочь лекаря Ирина приходила, чтобы дать питье больному, и благодаря встрече сделалась потом женою табулярия, хотя Никита, весьма состоятельный человек, лечивший даже высокопоставленных людей, и противился неравному браку. Таким образом, суждено было, что я родился в предместье, где часто слышится русская речь. Кроме того, дед приставил ко мне свою старую служанку по имени Цвета. Девушкой пленили ее хазары и продали в рабство в Херсонес, где ее купил мой дед. Она не могла до старости забыть свою страну, томилась и плакала в плену, рассказывала мне русские сказки о добродушных медведях и хитрых лисицах. На улице я тоже часто разговаривал с руссами на их языке, и среди них у меня был большой приятель, научивший меня многим полезным вещам и даже стрельбе из лука. Впоследствии я научился у него вскакивать на всем скаку на коня, ухватившись рукою за гриву. Иванко, как звали моего друга, родился в Плескове, в одном из тех бревенчатых городов, что стоят на севере, на берегах богатых рыбой рек и во тьме непроходимых лесов. Когда ему исполнилось двадцать лет и юноша по обычаю своего племени получил право носить оружие, он нанялся в охранную дружину богатого купца, возившего вместе с другими княжескими людьми в Константинополь меха и воск. Ежегодно они приплывали в наш город, а когда руссы распродавали товары и приобретали потребные им греческие материи, пряности, вино и сушеные плоды, они возвращались в свою страну, получив от ромейских властей необходимые им в пути мореходные снасти, парусину и якоря. Иванко, румяный и светловолосый воин, был большим любителем виноградного вина и чувствовал себя хорошо при всяких обстоятельствах, будь то в константинопольской таверне или в сражении с печенегами, часто подстерегающими руссов на порогах. Теперь я с благодарностью вспоминаю этого человека, но мне неизвестно, что случилось с ним с тех пор. Тысячи людей встречаем мы на своем жизненном пути и потом теряем навеки из виду среди житейского моря.

Я с удовольствием проводил время на улице, в самой гуще ромейской жизни, пока пресвитер Иоанн, учивший меня чтению и письму, не усаживал своего непоседливого ученика за Псалтирь. Но уже приближалось время, когда я должен был начать учение в школе при церкви Сорока мучеников, где вместе с сыновьями богатых родителей я в течение нескольких лет с прилежанием изучал риторику.

Эта школа была славной наследницей древних Афин. В ней некогда учились патриарх Фотий,

проповедники Кирилл и Мефодий и многие другие знаменитые люди, и я не могу без слез вспоминать те счастливые годы, когда мы внимали в ее стенах обучающим нас истине. Лекарь Никита был просвещенным человеком и хотел, чтобы я постиг не только священное писание, но и светские науки. Полнота образования требует того и другого, но наши учителя неизменно и скучно настаивали на том, что нельзя ставить рядом человеческие познания и божественную мудрость, ибо никогда служанка не делается госпожой.

Во всяком случае, окончив школу, я научился многому, в том числе безошибочно определять размер стихов, хотя сам никогда не занимался стихосложением, а также искусству точно выражать мысли и украшать свой слог примерами из поэтов и цветами риторики. Затем я усвоил математическую четверицу — астрономию, которая изучает величины движущиеся, геометрию с ее постоянными величинами, музыку с соотношением величин, а также безотносительные величины арифметики. И только тогда я перешел к философии, познавая, что такое подлежащее и сказуемое, относятся ли они к целому или к части, сколько видов суждений, силлогизмов и фигур, все ли можно доказать сведением к невозможному, что такое аксиома, сколько видов тождества, непрерывна ли цепь причинности и прочее. И лишь потом я приступил к чтению Гомера и тайком, пряча книгу под подушкой, зачитывался при тусклом мерцании светильника Платоном, к которому нужно приближаться с большой осторожностью, чтобы не попасть в греховные тенета его очарования.

У лекаря Никиты был брат, астроном при прославленной Трапезундской школе. Дед, ставший уже человеком преклонного возраста, хотел, чтобы я там закончил свое образование. В те годы этот город был важным центром по торговле с Востоком, в нем были прекрасные здания и церкви, а на его улицах толпились арабские купцы и армяне, персиане и иверы; властители последних хвалятся тем, что ведут свой род от жены воина Урии — Вирсавии, на которой самовольно женился царь Давид, и поэтому считают себя родственниками не только псалмопевца, но и богородицы, так как она происходила из семени Давида, и утверждают, что венец его перешел в Иерусалиме к Навуходносору, а от него к иверийским царям. Известно, что иверийская знать женится только на родственницах, чтобы не терять чистоту крови.

Для меня это было первое далекое путешествие, и я никогда не забуду плавания на морском корабле в Трапезунд, слезы матери при расставании и потом прохладные ночи на плоской крыше, небо, усеянное звездами, и костлявый палец астронома Никона, показывавший мне Стрельца, Кассиопею или какое-нибудь другое созвездие. Трепет охватывал сердце, когда вдруг раскрывались передо мною тайны небес и светила, плывущие в эфирном океане, располагались в стройном порядке в хрустальных сферах. Седая борода Никона, аскета и терпеливейшего из учителей, щекотала мне шею. Звездные небеса медленно кружились вокруг Полярной звезды. Тихим голосом астроном сказал мне однажды:

— Прочел я в одном древнем трактате, что земля круглая, как шар, и не солнце совершает путь над нею, а земля вращается вокруг солнца. Но это ересь, осужденная церковью.

Я взглянул на него с волнением. Лицо старика было освещено слабым светом звездного неба. Мне показалось, что в глазах у него блеснула лукавая искорка, и мне стало страшно. У меня было то чувство, которое испытывает ходящий по краю пропасти. Вот еще одно небольшое усилие — и все станет понятным. Но мне трудно было превозмочь тайный ужас перед опасностью заблудиться в этих глубинах и погубить себя навеки. А между тем я предполагал, что Никон относится с большим доверием к утверждению древнего мудреца, и при одной этой мысли сомнения рождались в моем сердце, все меняло свои места во вселенной, верх становился низом, а низ верхом, но я опасался спросить о разъяснениях, потому что подобное знание противоречило священному писанию.

Однако вскоре я отыскал в библиотеке Никона тот трактат, о котором он говорил. Это было сочинение Аристарха Самосского, весьма ветхий список. На нем с большим трудом можно было разбирать отдельные слова, и в свитке не было конца. Земля — шар? Не солнце

плывет по небу с востока на запад, а наша планета вращается вокруг небесного огня?

Тысячи раз задавал я себе подобные вопросы и не решался на них ответить. Тайна осталась скрытой навеки. Теперь я жалею, что у меня не хватило смелости откровенно побеседовать с Никоном. Теперь уже никто не ответит на мои недоуменные вопросы — астроном давно лежит на трапезундском кладбище под высокими кипарисами. С собой он унес и тайну небес, а свиток затерялся.

Не меньше, чем звезды, я полюбил книги. Забывал о времени и пище, с упоением читая Платона, который так замечательно умел говорить о любви. Равного ему в этой области не было и не будет на земле. Отраженная в душе, как в некоем божественно тихом море, любовь очищается от всего плотского и нечистого. Та же, но совсем иная. Неудовлетворенная, но счастливая, ликующая даже в страдании.

Потом прочел я Плотина и Прокла и поражался их гению, увлекался некоторое время Дионисием Ареопагитом. В этих книгах мир был совсем другим, не грубым, как наше тело со всеми его низменными желаниями, а легким, лишенным неприятных запахов и слишком резких цветов, и я блаженно вдыхал его прохладный, разреженный воздух и только впоследствии познал на жизненном опыте, что подобные рассуждения бесплодны. Необходимо вспахать землю, чтобы на ней колосилась пшеница, нужны искусные человеческие руки, чтобы построить корабль или мельницу для зерна, и во всем требуется труд.

Но годы шли. Из Трапезунда я возвратился домой уже не на корабле, а в повозке, пересек Пафлагонию и Вифинию, посетил многие города, а ночуя в гостиницах или останавливаясь на постоянных дворах, встретил тысячи людей.

По возвращении в Константинополь я поселился в доме деда, лекаря Никиты, который искал благоприятного случая получить для меня какую-нибудь должность. Жизнь протекала без больших потрясений и была полна приятных переживаний. Я наслаждался стихами Иоанна Геометра и в большие праздники посещал вместе с другими Ипподром и там в тумане курений старался разглядеть в императорской кафизме василевса.

Однажды я встретил Иоанна, прославленного поэта, на площади около св.Софии. Мы шли с дедом к ранней литургии. Придворные чины направлялись в сопровождении слуг к Священному дворцу. Дед сказал мне, указывая перстом на бледного, задумчивого человека в придворной красной хламиде:

— Смотри, вот стихотворец Иоанн. Говорят, у некоторых его стихи вызывают слезы на глазах...

Я удивился могуществу поэзии.

Событием в предместье св.Мамы по-прежнему было прибытие из Понта Эвксинского русских купцов, привозивших товары из Скифии. Сначала они распродавали меха и шкурки и прятали деньги в кожаные пояса. Потом значительная часть денег уходила на покупку тканей, на вино и развлечения.

Из любопытства я иногда сопровождал варваров в город. Мне было интересно наблюдать, как они с изумлением смотрели на великолепие нашей столицы. Их, как детей, поражала величина триумфальных колонн и храмов. В храм св.Софии язычников не впускали, но они могли вдоволь наглядеться на красоту наших дворцов, на статуи и водометы. Потом варвары возвращались в предместье св.Мамы, пили в тавернах вино, шумели, хватались за мечи, и тогда являлись присланные градодержцем отряды городской стражи с привычным к таким делам кандидатом. Он прикладывал руку к сердцу, увещевал, старался уладить ссору миром, не прибегая к оружию, чтобы не затруднять отношений с варварами в будущем. Три месяца

спустя варвары покидали ромейские пределы.

Кроме Иванка, у меня было много других друзей среди руссов. Это были рослые и красивые люди, искусные в употреблении меча и секиры, и многие из них превосходные наездники. От них я научился умению владеть оружием, ездить верхом без седла. Беседуя с ними, я совершенствовался в русском языке, и впоследствии его знание мне пригодилось.

Но однажды лекарь Никита вернулся из дворца и заявил, что теперь мы можем надеяться на исполнение наших желаний. Оказалось, что ему удалось излечить от бессонницы какого-то важного придворного чина и тот обещал в благодарность за это оказать содействие в приискании для меня подходящего места в Священном дворце. Надежды наши вскоре оправдались, и спустя несколько дней дед сообщил, что меня принимают на службу.

— И не в звании кандидата, как это обычно делается, — ликовал старый лекарь, — а спафарием, то есть меченосцем. Кто знает, может быть, настанет время и ты будешь протоспафарием?

О лучшем нельзя было и мечтать.

В назначенный день мне надлежало надеть праздничную одежду и отправиться во дворец. Исцеленный сановник просил за меня хранителя императорской печати Василия, всесильного в те дни евнуха, чтобы я был приставлен к юным сыновьям покойного императора Романа, еще не вступившим на престол.

При этом известии мать всплеснула руками и заплакала не то от счастья, не то от горя.

— Куда ты вознесся, сын мой! Теперь ты и взглянуть не захочешь на наше ничтожество!

А я и не знал в тот вечер, что отныне судьба моя будет связана с судьбою василевсов.

Время было тревожное. Над ромейским миром сгущались черные тучи. Все труднее и труднее становилось отражать удары многочисленных врагов. Но чтобы понять положение, в каком очутилось ромейское государство, надо оглянуться на некоторые события, среди которых прошло детство Василия и Константина.

Когда почил блаженной памяти император Константин, автор замечательных книг, трудолюбивый, как пчела, писатель, на престол василевсов вступил его сын Роман, двадцатилетний юноша, любимец Ипподрома и черни, белокурый красавец, как все представители македонской династии. Он предпочитал государственным делам конские ристания и охоту. За спиной мужественного и сурового Никифора Фоки, носившего под пурпуром власяницу, не снимавшего много лет панциря, Роман мог расточать поцелуи черноглазым ромейским красавицам. Это Никифор Фока повел на Крит дромоны и хеландии с метательными приспособлениями для огня Каллиника и лучшими воинами империи, славянскими и армянскими наемниками, чтобы изгнать с острова нечестивых агарян. Из гавани фиголы, около Эфеса, вместе с флотом в море вышла ромейская слава. Агаряне были разгромлены, и христианские церкви на Крите вновь огласились пением. Победы были одержаны также в Сирии, и Алеппо подвергся разграблению, но события в городе Константина побудили Никифора Фоку вернуться с Востока в столицу.

Роман был женат на Феофано, дочери простого трактирщика, пленившей легкомысленного кесаря изумительной красотой. История их встречи похожа на сказку.

Но бывает на земле, что любовь разит человека как молния, и, увы, я сам испытал подобное.

Магистр Леонтий Хрисокефал, бывший в те дни юным кандидатом, рассказывал мне об этой истории.

Шел дождь. Охота была удачной — на повозках лежали туши черных вепрей. В деревушке, которая попала по дороге, охотники решили остановиться на ночлег. Деревню наполнил лай охотничьих псов, и с ними немедленно ввязались в драку деревенские овчарки. Псари и ловчие разместились по хижинам. Для василевса нашли помещение в придорожной харчевне. Над ее воротами висел на шесте сноп житной соломы — символ приятного ложа.

Постель готовила Роману молоденькая дочь трактирщика. Она принесла охапку свежей соломы и, стоя на коленях, взбивала ее усердно. Василевс любовался ее проворными руками.

— Как тебя зовут, дитя? — спросил он.

— Феофано, господин, — ответила девушка и опустила необыкновенные ресницы.

— Сколько тебе лет?

— Пятнадцать, господин.

— Какие у тебя длинные ресницы... Сними с моих ног обувь, красавица!

— Я сделаю, как ты повелишь...

Леонтий только что прибыл из Константинополя с важным посланием, трясясь весь день в почтовой тележке.

— Выйди, — сказал ему василевс, даже не взглянув на государственную печать красного воска с изображением павлина.

Ночью в деревне лаяли псы, шел дождь, пахло сыростью и навозом...

Прошли немногие месяцы, и прекрасная Феофано, дочь трактирщика, стала августой. Ее красота покорила всех ромеев, и льстецы называли ее второй Еленой. Но на базарах и в тавернах шепотом говорили, что это она дала яд своему легкомысленному супругу. Роман умер. Вернувшийся с Востока Никифор Фока привел из Каппадокии войска азийских фем, и ничто не помешало ему сменить меч, увитый лаврами, на скипетр. Новый василевс женился на Феофано и объявил, что считает себя только опекуном Константина и Василия — малолетних детей покойного Романа.

Надев пурпурные кампагии, Никифор продолжал походы, вернул ромеям Адану, Мопсуэстию, Тарс, а из сирийских городов — Лаодикию, Иераполь, Арку, Эмессу и даже Антиохию, где в числе добычи оказался меч Магомета. Патрикий Никита Халкуци завоевал Кипр.

Затем разыгрались известные всем события на Дунае, прекращение дани болгарам, посольство Калокира в Киев, появление Святослава. Император решил сокрушить Болгарию силами русского князя, которому было послано из Константинополя тысяча пятьсот фунтов золота. Святослав появился со своей дружиной и печенегами на берегах Дуная и быстро завоевал северную Болгарию. Русскому князю понравились горы и долины Дуная. Но это был бы слишком опасный сосед. Ромеям снова пришлось вести войну. Однако походы и лишения сломили силы василевса, тем более что, несмотря на блистательные победы, положение государства было тяжелым. Никифор не пользовался любовью населения. В его наружности не было ничего такого, что мило народу, — ни величия, ни приятного взгляда. Низкорослый, коротконогий, с большой головой на толстой шее, темнолицый, с глубоко сидящими в орбитах жестокими глазами, он больше походил на мясника, чем на императора. Победы его стоили слишком дорого. Народ изнывал под бременем налогов, воины роптали на невыносимую тяжесть службы. Кроме того, он был слишком стар для прекрасной Феофано. В одну страшную зимнюю ночь, с ведома коварной августы, Иоанн Цимисхий, пахнувший духами

щеголь и необузданный честолюбец, ворвался во дворец и предательски убил в постели безоружного героя Антиохии и Аданы.

Цимисхий, ловкий и обаятельный, начал с того, что отправил в монастырь влюбленную в него без памяти сообщницу и тем обелил себя в глазах христиан. Во главе государства был поставлен евнух Василий. Сам василевс поспешил на поля сражений. Ведь Святослав захватывал на Дунае, в союзе с болгарами, один город за другим. Предоставив болгарскому владыке Борису носить царские инсигнии, сам русский лев сражался как простой воин. Руссы перевалили Балканские горы и ворвались в Филиппополь, где они предали мечу двадцать тысяч человек. Но под Адрианополем, можно сказать, уже под самыми стенами столицы, Варда Скпир, лучший полководец ромеев, с крайним напряжением всех сил нанес первое поражение северным варварам, ряды которых значительно поредели к тому времени от болезней, и вынудил их уйти обратно за Балканы. В это время на театр военных действий прибыл Иоанн Цимисхий.

Флот из трехсот дромонов был послан к устьям Дуная, чтобы преградить врагам путь к отступлению. Окруженные со всех сторон в Доростоле, испытывая крайний недостаток в съестных припасах, с одними мечами против метательных машин и огня Каллиника, руссы бесстрашно шли против закованных в железо катафрактов и погибали героями. Святославу ничего не оставалось, как предложить мир. Предложение было принято с радостью, ибо всякий мир лучше войны, а двадцать тысяч варваров еще могли причинить ромеям немало вреда.

Уступая желанию русского князя, Иоанн согласился на свидание с ним. Сияя металлом панциря, в пурпуре и в осыпанной жемчужинами диадеме на голове, завитый и надушенный, в окружении придворных и телохранителей, василевс спустился верхом на коне к Дунаю. Святослав прибыл в условленный час на ладье. Он был в белой рубахе и штанах, босой, и его одежда отличалась от других воинов только чистотой. В одном ухе он носил золотую серьгу с двумя жемчужинами и яхонтом. У него были длинные светлые усы, голова выбрита, и только сбоку оставлен длинный локон, как это в обычае у некоторых варварских народов. Князь сидел с веслом в руке и греб наравне с воинами.

Иоанн сошел с коня и приблизился к ладье, обворожительно улыбаясь, поблескивая красивыми глазами. Святослав молча смотрел на него. За смелость, благородство и, может быть, за легкую походку или быстроту передвижения руссы называли своего князя барсом. Когда Святослав шел на врага, он предупреждал: «Иду на вас!» В этом сердце не было места предательству. Князь доверчиво протянул руку императору, но не потрудился встать со скамьи. Побеседовав некоторое время о мире, они расстались. Писатель Лев Диакон, мой друг, который присутствовал при этой сцене и рассказывал о событиях болгарской войны, уверял меня, что никогда в жизни он не видел более достойного воина, чем Святослав.

В конце концов нам удалось закончить войну. Получив по кошнице хлеба на воина, руссы ушли из Болгарии и поплыли в свою страну. Но на порогах, где им пришлось зимовать в ужасных условиях, на них напали печенеги, вероятно брошенные на руссов коварным Иоанном Цимисхием. Святослав погиб, и лишь немногие вернулись домой и рассказали о том, что случилось. На некоторое время опасность со стороны руссов была устранена.

Удалось достичь некоторых успехов и на западе. Выдав замуж племянницу, благонравную Феофано, названную этим именем в честь августы, за Оттона, незаконно именующего себя императором, Иоанн прекратил войну в Италии. Апулия, Калабрия, Салерно и Неаполь остались в руках ромеев. На востоке стратиг Николай продолжал громить сарацин, завоевал Амиду и Нисибис, памятный сражениями древности. Апамея, Эдесса и Бейрут вернулись в лоно империи. Множество святынь было вырвано из рук нечестивых агарян. Уже василевсу мерещились холмы Иерусалима...

Среди этих потрясений прошли мои детство и юность. О победах мы слышали из уст глашатаев, с амвонов церквей, на форумах и на базарах. Но хлеб был дорог, и все реже приходили в предместье св.Мамы русские купцы. Жить бедным людям было тяжело. Никогда в городе не было такого количества нищих, калек, безруких, безногих и слепцов, как в те годы. При таких обстоятельствах для меня начиналась новая жизнь.

С бьющимся сердцем я прошел под аркой огромных, сделанных из меди дворцовых ворот, под которой гулко отдавались шаги. Меня сопровождал какой-то воинский чин в синем плаще, с красным украшением на груди. Мы вошли в залу ожидания. Зала была круглая, и вдоль стены стояли обитые полосатой и довольно потрепанной материей скамьи. На них скромно сидели явившиеся сюда по Делах люди — поставщики минерального масла для светильников, торговцы мясом и овощами, просители. Какой-то чернобородый человек несколько раз пробежал мимо нас с пачкой бумаг в руке. Мой провожатый обратился к нему, и тот осмотрел меня с ног до головы. Некоторое время, скривив рот, он ковырял пальцем в ухе, а мы почтительно смотрели на это занятие. Потом чернобородый внимательно посмотрел на палец и сказал:

— Юноша! Ты будешь лицезреть Багрянородных!

Он рассказал подробно, как я должен вести себя, начиная с тройного земного поклона и кончая тем, каким голосом отвечать, если меня соблаговолят спросить о чем-нибудь. Втроем мы двинулись в глубину мрачного дворца. Сопровождающего меня чернобородый называл кандидатом, а тот его спафарием, и я понял, что это низшие придворные служители.

В полутемных переходах и галереях, опираясь на страшные секиры, стояли огромные варяги. Чем больше приближались мы к внутренним покоям, тем сильнее было мое волнение. Наконец чернобородый остановился перед обитой металлом дверью и шепнул нам:

— Подождите здесь...

Мы остались ждать с кандидатом у двери, и я с любопытством рассматривал на стенах изображения морских сражений. На них ромейские дромоны метали огонь на врагов, и сарацинские корабли пылали, как костры. В потемневшей от времени и копоты морской воде на картинах плавали серебряные и красные рыбы. Вдруг дверь отворилась, и незнакомый человек, в желтой одежде до пят, судя по лицу — евнух, поманил меня пальцем. Чернобородый выглядывал из-за его плеча. С биением сердца я переступил порог. Чернобородый поклонился и вышел, а я направился с евнухом дальше.

— Как тебя зовут? — спросил он, справляясь с восковой табличкой.

— Ираклий Метафраст.

Скрипучим голоском он тоже стал наставлять меня по поводу троекратных земных поклонов.

В конце перехода была низенькая, судя по литью — серебряная, дверь.

— В имя отца, и сына, и святого духа... — постучал евнух.

Служитель отворил дверь. Едва сдерживая волнение, я переступил порог, и моему зрению представилось обширное помещение с узкими окнами в непомерно толстых стенах. Перед глазами плыл туман, но евнух подталкивал меня, и я увидел, что на пурпурной скамье сидят два юноши. Это были сыновья покойного василевса, Василий и Константин, в легких домашних одеждах и обшитых жемчугом шапочках. Один — постарше, с мрачно насупленными бровями, другой — совсем еще мальчик, с любопытством уставившийся на меня голубыми глазами. Около них стоял тучный злой человек, евнух, с лишенным растительности лицом. Он тоже рассматривал меня заплывшими, маленькими глазками, не

говоря ни слова. Потом я узнал, что это был всесильный паракимомен Василий.

Помня о наставлениях, сопровождавших меня, я упал троекратно ниц.

— Приблизься, — услышал я голос евнуха.

Я подошел.

— Отныне ты будешь служить здесь, — опять сказал евнух, — но смотри, чтобы не было на тебя нареканий. Или попробуешь плетей!

Я стоял, не смея поднять глаз. Сюда я вошел как в храм, а мне говорили о плетях! Но все-таки я успел рассмотреть, что братья отличаются большим сходством, оба светловолосые и голубоглазые. Василий все так же угрюмо смотрел на меня, а Константин беззаботно показывал в детской улыбке белые зубы.

На столе, покрытом зеленой материей с золотыми узорами, можно было видеть письменные принадлежности — глиняную чернильницу, тростник для писания, прекрасно отполированный пемзой пергамент, красный воск для печатей. Тут же лежала раскрытая на титульном листе книга. Скосив глаза, я прочел ее заглавие. Это был «Стратегикон» — сочинение о воинских предприятиях, написанное императором Львом. Очевидно, юные кесари только что закончили утренние занятия.

Евнух сказал:

— Ты будешь являться сюда ежедневно в положенное время и исполнять то, что тебе скажут. Тебе выдадут приличествующую твоему званию одежду и возведут в чин спафария, как это положено в подобных случаях...

Так началась моя служба в императорском дворце. Но я не обманывал себя и не забывал, что это произошло не по моим личным заслугам, а по ходатайству высоких особ, которых успешно лечил мой дед. Для входа во дворец мне был выдан соответствующий пропуск; на красной печати был изображен павлин. Каждый день, на рассвете, я являлся к медным воротам, слушал утреню и обедню в одной из дворцовых церквей, а потом выполнял различные поручения юных василевсов и нес службу наравне с сыновьями благородных родителей. Обязанности мои не были очень трудными, и, помня о словах деда, что пути к преуспеванию в жизни не на полях сражения, а в огромных царских залах, я пользовался каждым удобным случаем, чтобы привыкнуть к дворцовым порядкам. Впрочем, большая часть времени проходила в ожидании повелений, в игре в кости, которой тайком занимались от скуки молодые кандидаты, или в пустой болтовне.

Начальником моим в те дни был протоспафарий Иоанн Кириот, по прозванию Геометр, тот самый, стихами которого я увлекался. Он действительно усердно изучал геометрию и в свое время даже преподавал эту науку Никифору Фоке, но с особенным блеском проявил он свои поэтические способности и написал немало стихов. В этих двестишестидесяти стихах он то прославлял богородицу и христианские праздники, то воспевал любовь, хотя свою знаменитую элегию о девушке, у которой юноша просит воды у колодца, он тоже заканчивает словами о Христе — подателе истинной воды, утоляющей человеческую жажду. Был Иоанн Геометр сыном дворцового сановника и сам получил высокое звание, но любил писать о заботах и трудах простого народа, бедных земледельцев, как он это сделал, например, в звучных стихах, описывающих его путешествие из Константинополя в Селиврию. Впрочем, он обладал неиссякаемым богатством тем, и стихи сыпались у него как из рога изобилия — о пренестинском вине, о красной императорской печати, о красивом молодом человеке, о Каллиоппе и Урании. Он много читал. Платон и Аристотель, Ливаний и Василий Великий были его знакомцами с самых ранних лет, но во дворце он не пользовался большим влиянием, ибо Василий, как я уже говорил, недолюбливал поэтов и философов и, зная это, многие

дворцовые чины подсмеивались над научными занятиями Иоанна, хотя он и был верным слугой отечества, проявлял неоднократно воинскую доблесть и воспел ее у Никифора Фоки.

Я счастлив, что встретил на жизненном пути людей, подобных Иоанну, а тогда смотрел на него как на чудо. Может быть, протоспафарий заметил это, потому что однажды, после какого-то неприятного объяснения с евнухом Василием, сказал мне, качая головой:

— Удались, юноша, от тех, кто презирает истину. Полагаю, что ты не похож на этих бездельников, что толпятся у трона в ожидании подачек!

Этими словами Иоанн дал мне понять, что отметил меня среди прочих служителей. Иногда он беседовал со мною о стихах, удивляясь, почему я не посвящаю свой досуг поэзии. Но я довольствовался тем, что переписывал его произведения, никогда не расставался с ними и черпал в них мысли для понимания мира и людей. Впоследствии, когда жизненный опыт дал мне возможность взирать спокойно на человеческие деяния, я понял, что в стихах Иоанна Геометра было много искусственности и что от них веял порой холодок, но то, что поэт пережил лично, он живо изобразил в своих творениях, и я уверен, что они переживут века. Порой Иоанн забавлялся аллитерациями или совпадением собственных имен и содержащихся в них понятий — Коминопула соединял с кометой или Константина, что значит постоянный, с постоянством, иногда жалил в своих эпиграммах, как пчела, но в жизни это был любезнейший и полный благожелательности человек, и можно было позавидовать богатству его души.

Иногда целый день проходил в томительном бездействии. В толпе служителей, евнухов и кандидатов я ждал часами, когда меня позовут, чтобы читать вслух Василию «Стратегикон». Но у меня было много случаев, чтобы присмотреться к моему господину. Василий был мрачного характера, молчалив, угрюм. К наукам относился с нескрываемым презрением, читал с удовольствием только Плутарха и с жадностью набрасывался на военные трактаты. Часто он покидал дворец, садился на коня, укреплял тело на дворцовом Ипподроме упражнениями, расспрашивал опытных воинов, как лучше наносить удары мечом или как надо отражать щитом стрелы и копья врагов. Константин предпочитал воинским упражнениям пирушки.

Во дворце было скучно и тихо. Мать Багрянородных, прекрасная Феофано, томилась в заточении, в далеком монастыре на армянской границе; Феодора, на которой женился Иоанн, почти не показывалась из своих покоев. Другая Феофано была в далекой Саксонии. Сестра Василия и Константина, Анна, как потаенный цветок, неслышно жила в тишине гинекея. Василевс Иоанн воевал в Исаврии. Во дворце царил всемогущий евнух. Все говорили шепотом, боялись сказать лишнее слово. Что-то страшное висело в воздухе. Казалось, самые стены дворцовых покоев были пропитаны ядом, интригами, заговорами, тайнами и кровью.

По городу ходили тревожные слухи о положении на восточных границах. Люди с опаской шептались, что василевс страдает неизлечимым недугом. На базарах откровенно говорили о яде, якобы посланном евнухом в императорскую ставку. Но всюду шныряли соглядатаи и доносчики. Все трепетали. Я сам, возвращаясь под родной кров, боялся говорить о том, что мне приходилось слышать и видеть во время церемоний.

Наконец император возвратился, оставив воинские предприятия незаконченными. Увенчанный лаврами побед, но изнуренный лишениями и снедаемый страшной болезнью, он походил на живого мертвеца. Его встречали патриарх, епископы, весь синклит, народ, и я видел, как василевс улыбался искаженной улыбкой в ответ на приветственные клики.

Вступление василевса в город происходило, как это было освящено обычаем, через Золотые ворота. Потом шествие направилось по Триумфальной улице к Августеону. Было заметно, что Иоанн с трудом держится в седле.

Но умолкли приветственные клики — и в Священном дворце стало еще тише, еще страшнее.

Однажды, проходя мимо опочивальни императора, я почувствовал в воздухе запах лекарственных снадобий. Василевс умирал. Серебряная дверь бесшумно открылась, на пороге показался евнух Василий, задержался на мгновение, и тогда мы услышали заглушенные, но звероподобные вопли больного.

В ту зимнюю жуткую ночь над городом шел снег. Казалось, что вся Скифия опрокинулась на ромейские форумы и стогны. В дворцовых залах до утра горели светильники. В отблеске разноцветных лампад странно взирали огромные и печальные глаза икон. И вот распространилась весть:

— Ромеи! Василевс Иоанн в бозе почил! Ромеи, умер наш герой!

В гинекее слышались рыдания и вопли.

Какой-то просто одетый старик, может быть истопник, плакал у камары Феодора:

— Скончался наш лев! Что будет с нами, грешными? Мы веруем в Троицу, и было у нас три василевса — Иоанн, Василий и Константин. А теперь мы погибнем...

Во дворце люди метались по залам, как в час землетрясения.

Вдруг знакомый спафарий коснулся моего плеча и шепнул:

— Тебя требует Порфирогенит.

В смятении я поспешил к Василию. В знакомом покое находились друзья юного василевса: Никифор Ксифий, Лев Пакиан, Феофилакт Вотаниат, Евсевий Ангел — в те дни domestик дворцовых телохранителей. Мне показалось, что под плащами они прячут мечи. Василий стоял взволнованный и мрачный. Все посмотрели на меня.

Василий подошел ко мне и сказал:

— Верен ты мне или неверен?

В слезах я ответил, что готов жизнь отдать ради его спасения. Василий положил руку мне на плечо, и сердце мое наполнилось ликованием.

— Доставь это письмо, — зашептал он, — domestикку Запада. Пусть он немедленно явится сюда! Пусть окружит дворец схоляриями и экскувиторами!.. Тебя он знает и поверит тебе. Спеш!

Василий всегда говорил отрывистым и резким голосом. Так говорят непросвещенные поселяне или простые воины. Но по его шепоту я понял, что жизни Порфирогенитов угрожает опасность. Брат его, отрок Константин, плакал в углу. Василий толкнул меня к дверям.

— Смотри, чтобы никто не остановил тебя! Торопись! Иначе враги возмутят воинов!

Я спрятал письмо в складках плаща и бросился вон из покоя.

Никто не остановил меня, потому что все знали мое скромное положение во дворце и никому в голову не могло прийти, что мне доверено важное государственное поручение.

Стояла тихая ночь. На улице медленно летали хлопья снега. В городе было пустынно. Но где-то вдали слышался глухой ропот человеческих голосов. Оказалось, что то спешил со своими воинами Варда Склир, назначенный три дня тому назад domestиком Запада. Я побежал навстречу шуму, прижимая к груди послание Василия.

Весть о смерти василевса распространилась по городу с быстротою молнии. Уже со всех сторон ко дворцу бежал народ. Свечники, чеканщики, торговцы, корабельщики, шерстобиты, водоносы бежали толпами. За падающим снегом пылали адским огнем смоляные факелы. Все ближе слышался мерный топот ног и звон оружия. Приближались схолярии. Впереди ехал на коне великий domestik. Я поспешил к нему и протянул послание.

Domestik остановил коня.

— Кто ты? — спросил он.

— Спафарий Ираклий! Я из дворца. Вот послание тебе от Василия.

— Дайте мне свету! — крикнул он.

Несколько воинов приблизили факелы. При этом чадном и смоляном огне Варда Склир прочел письмо и крикнул, подняв руку:

— За мной, схолярии!

Мы все побежали за его конем. На бегу воины выкрикивали ругательства. Несколько раз до моих ушей долетало имя евнуха, сопровождаемое самыми нелестными эпитетами.

— Лиса! Жирная свинья! Отравитель! — кричали воины.

Другие ругательства были слишком площадными, чтобы их можно было здесь привести. Я еще раз убедился, что ненависть народа к богатым была велика, и люди искали защиты у василевса, потому что молитвы их не доходили до небес, а больше им некуда было обращаться со своими нуждами.

Дворец наполнился народом. Скандинавские варяги пропустили схоляриев и, отиснутые к стене, мрачно стояли, опираясь на секиры. В прекрасных залах чадили факелы. На одно мгновение я увидел растерянного евнуха. Как Иуда, он целовал domestика, плакал у него на груди. Вырвавшись из иудиних объятий, Склир кинулся во внутренние покои и, гремя латами, упал ниц на мраморный пол перед лицом нового господина. Василий пылающими глазами смотрел на нас. Вокруг василевса стояли его преданные друзья. Уже лъстецы взирали на юношу как на бога, теснились к нему, чтобы лобзать край его одежды, плакали от умиления. Тело блаженнопочившего Иоанна остывало, покинутое всеми.

— Патриарх! Патриарх! — слышались голоса.

Патриарх, ведомый под руки иподиаконами, в лиловой длинной мантии, появился среди оружия и факелов и преклонился перед новым господином мира, касаясь рукой земли. Воины грубыми, непривычными к пению голосами затаили:

— Многая лета! Многая лета, автократор ромейский!..

Был ли то пустой случай или воля провидения? Но с этой памятной ночи я вошел в доверие к Василию. Василевс приблизил меня к себе, и я стал делить его воинские предприятия. Я полюбил эту жизнь, полную перемен, волнений, глубокого дыхания на полях сражений и незабываемого привкуса конского пота. Мое сердце не отвращалось от крови, пролитой в битве, от гор трупов после победы, и рука у меня не дрожала, когда требовалось обнажить меч. Но не хочу возомнить себя героем. Одно дело — стоять в первых рядах и рубить секирой, другое — принимать участие в военном совете или сидеть на коне за непоколебимой стеной воинов, прикрывающих тебя щитами, и с каждым истекшим годом я все больше и больше постигал, что пролитие крови противно христианскому сознанию.

Пришлось мне читать в житии Андрея Юродивого предсказания о том, что Египет снова принесет свою дань ромеям, и я знаю, что победы любезны константинопольской черни, так как отмечаются раздачей денег и съестных припасов. Но не вздыхал ли сам Андрей, подобно пророку Исайе, о том времени, когда мечи превратятся в серпы, копья — в полезные в сельском хозяйстве шести или в орудия для возделывания почвы?

Евнух Василий уцелел, зубами цеплялся за власть, лукавил, всячески ублажал юных василевсов и соблазнял их молоденькими иверийскими наложницами. Константин подрастал и вполне удовлетворялся охотой, а Василий с каждым годом все больше мрачнел, все чаще метал молнии из голубых глаз, все крепче сжимал в руках кормило ромейского корабля. Свое внимание он направил на борьбу с самоволием стратигов, на воинские предприятия и приготовления к походам, предоставив ведение запутанных государственных дел евноху Василию, хранителю государственной печати.

Но ради чего, спрашивал я себя иногда, цепляется за власть этот человек? Не ради же одного корыстолюбия? Должно быть, вкусившему власти уже трудно оторваться от этой сладостной чаши, и каждый мнит себя спасителем отечества.

Сколько событий совершилось в эти годы! Когда евнух заподозрил в противогосударственных замыслах Варду Склира, героя победы под Адрианополем, победителя варваров, прекрасного тактика, но мужа с беспокойным характером, он лишил его звания доместика и сделал стратигом отдаленной Месопотамской фемы. Обиженный полководец поднял восстание. Тогда пришлось вызвать из тихого хиосского монастыря его личного врага и соперника Варду Фоку. На Павкалийской равнине разыгралось решительное сражение, в котором с обеих сторон лилась кровь ромеев. В это же время сарацины вторгались в наши италийские владения, а Мизия глухо волновалась.

После смерти Иоанна Цимисхия болгары снова вышли из горных берлог и отнимали у нас город за городом. Самуил завоевал Ларису и даже похитил мощи св.Ахиллия, ревнителя православия на Никейском соборе. Затем он двинулся на Коринф, но здесь ему преградил путь стратиг Василий Апокавк. Сам василевс впервые в этой войне попробовал свои львиные когти. Желая оттянуть от Коринфа полчища Самуила, он изнурительными переходами привел ромеев к Сардике и осадил этот крепкий город. Двадцать два дня мы стояли под его бревенчатыми стенами.

Я был вместе с Василием под Сардикой. Этот город расположен среди живописных гор, по которым выются тропы, известные только пастухам. Среди диких скал прыгают горные козлы и серны. Воздух здесь полон горной бодрости, приятно дышать таким воздухом путнику.

Обложив со всех сторон крепость и надеясь осадой принудить болгар к сдаче, мы укрепили свой лагерь палисадами, разорили соседние селения, с нетерпением ожидая, когда у осажденных иссякнут съестные припасы. Каждое утро василевс выходил из бревенчатой хижины, которую ему срубили и где он спал, как простой воин, на овечьей шкуре, и смотрел на крепость, грозно стоявшую на возвышенном месте. Мы окружали его, как птенцы орла, — Никифор Ксифий, Феофилакт Вотаниат, Лев Пакиан, Василий Трахомотий, Константин Диоген, протоспафарий Иоанн Геометр и другие. Василевс хмуρο взирал на городские башни. Слышно было, как осажденные кричали со стен и осыпали василевса оскорблениями, надругаясь над его священной особой. Василий в гневе щипал завитки русой бороды.

С утра военные машины начинали метать в осажденный город камни. Но ромейские баллистиарии не отличались большой опытностью, и наш обстрел не причинял врагу большого вреда, а осажденные отвечали тучей стрел.

Слыхали ли вы, как поет стрела над головой, когда, оторвавшись от тугой тетивы и описав в воздухе красивую кривую, она летит, оперенная, втыкается в землю и дрожит, вся еще в

нетерпении полета? Дышали ли вы этим воздухом, насыщенным яростью, криками воинов, конским потом, вонью греческого огня, запахом свежесрубленного дерева на осадных сооружениях и вкусом металла? Видели ли вы, как плачет от бессилия в своем шатре мужественный, но побежденный вождь? Я был под Сардикой, дышал воздухом поражения, слышал пение вражеских стрел и видел слезы героя.

Когда наступал вечер и прекращались военные действия, мы собирались вокруг василевса. В хижине тускло горели светильники, пахло овчиной, а в лагере ржали кони, догорали дымные костры. Стояла осень, часто шли дожди, закрывая туманом горы.

Василия терзали мысли о будущем. Его сопровождал в походе историограф Лев Диакон. Лев захватил с собою редкий список «Последнего видения Даниила». По вечерам, покончив с трапезой, мы читали вслух эту страшную книгу и пытались найти в ее темных словах намеки на судьбы ромеев.

Будущее покоилось во мраке. Уже истекало первое тысячелетие с того дня, когда родился в яслях спаситель мира. Последние годы были полны таинственных событий. Прошлой зимой в Месемврии родился младенец, у которого было три глаза, а руки росли из горба на спине. В Константинополе на императорской псарне каждую ночь выли псы, и псари не могли заставить их умолкнуть даже плетьюми. Затерянные во мраке гор, мы трепетали. Василевс, подпирая рукой усталую голову, забыв о торжественных церемониалах, сидел с нами, как равный среди равных, смотрел на пламя светильника, и его голубые глаза становились совсем черными.

Как сейчас я слышу монотонный голос Льва, прерываемый иногда вздохом кого-нибудь из присутствующих:

— «В третье лето царствования Кира Персидского послан был архангел Гавриил к пророку Даниилу. И сказал ему архангел: „Муж, преклони ухо твое, ибо я открою тебе все, что совершается на земле, до самых последних дней...“

Мы не отрывали глаз от шевелящихся губ чтеца. Со всех сторон нас окружала черная ночь. Мы знали трудности, которые стояли перед нами. В воздухе явственно чувствовалась трагедия.

— «Пошлет господь огонь с небес, — читал Лев Диакон, — земля покроется водою, а Седмихолмный будет окружен врагами! Горе тебе, Седмихолмие! Увы тебе, Вавилон! Вода потопит высокие твои стены, и не останется в тебе ни одной колонны, и возрыдают о тебе приплывшие к твоим башням корабли...»

Кто-то вздохнул за спиной василевса:

— Господи, спаси наши души!

— «Стены его падут, и будет царствовать в нем юноша, который наложит руки свои на священные жертвы. Тогда восстанет спящий змей и убьет юношу и будет царствовать пять или шесть лет. После него воцарится дикий волк, и поднимутся народы севера, которые приступят к великой реке...»

С перекошенным лицом, с глазами, наполненными безумием, василевс протянул руку.

— Остановись!

Лев прекратил чтение. Мы с замиранием сердца обратили свои лица к благочестивому. Простирая руки в ту сторону, где был осажденный город, Василий взывал:

— Какие стены падут? Какой юноша будет царствовать? Какие народы севера придут?

Руссы?

Голос василевса звенел, поднимался с каждым словом, поражал наш слух, как звон кимвала.

— К какой реке приступят народы севера?

Мне было не по себе. В воспаленной голове теснились мысли. В самом деле

— какие стены падут? Эти стены, перед которыми мы стояли? Кому грозит гибель? Может ли человеческий ум верить в эти пророческие слова или все это жалкий бред? Но как иначе предвидеть то, чему суждено случиться? В самом деле — какие народы севера? Руссы? Это им уготовлены мы в жертву?

Василий сжимал голову руками, вперив взгляд в пространство, точно пытаюсь проникнуть в тайны будущего.

— Продолжай, Лев!

Лев снова склонился над страшной книгой.

— «Восстанет великий Филипп с шестнадцатью языками, и будет битва. Но глас с небес остановит сражение. Тогда перст судьбы укажет человека. Ангел возьмет его в святую Софию и скажет ему: „Мужайся!“...»

— Читай, читай!

Но Лев хотел перевести дух и остановился.

— Читай!

Лев продолжал:

— «Тогда настанет изобилие плодов и мир на земле. Тогда лоза будет приносить тысячу гроздий, а жатва даст неисчислимое множество колосьев, но зубы у антихриста будут железные, и скоро во всем мире останется одна мера пшеницы...»

В лагере послышался шум, топот коней, крики воинов. Ксифий вышел посмотреть, что там происходило.

— «Десница его будет медная, а когти в два локтя длиной. И будет он долгонос, глаза его будут как звезды, что сияют утром. И на челе его будут написаны стихи...»

При этих словах вернулся Ксифий. Он вошел в хижину, даже не сделав положенного земного преклонения перед василевсом. Лицо его слегка побледнело. Лев невольно прекратил чтение, повернув лицо в сторону вошедшего, и так и остался с открытым ртом.

— Что случилось? — с раздражением спросил Василий.

— Благочестивый...

Присутствующие в волнении встали. Ксифий едва мог говорить.

Сигнальные огни сообщали о приближении Самуила. Мы были окружены.

Василий немедленно снял осаду, ибо был способен принимать быстрые решения, но болгары настигли нас в ущельях и нанесли страшное поражение...

Помню, что в пути, когда мы поспешно и в беспорядке отходили с остатками сил на

Филиппополь, была остановка на ночлег в каком-то разоренном селении. Наши разгромленные фемы устремлялись на восток. Душераздирающе скрипели возы. Дорога была усеяна трупами людей и тушами животных. К ним уже слетались вороны. Этого невозможно забыть: страшная заря на западе, скрип возов, а на пламенеющем небосклоне тучи черных птиц...

Толпы беглецов поспешно уходили под покровом ночной темноты. В селении, через которое мы проходили, стояла скромная каменная церковь с круглым куполом, а вокруг нее раскинулись крытые соломой хижины. Только дом священника был под черепицей. В нем устроили постель для василевса, затопили очаг, потому что ночь была холодная, и к дверям приставили стражу.

Остальные разместились где пришлось. Воины спали на земле, положив под голову щит, укрывшись плащом или зарывшись в солому. В деревне нельзя было найти ни горсти муки, ни одного куса хлеба. Все было разграблено нашими же воинами, не пощадившими даже церковь. Жители, может быть тайные богомилы, убежали в соседние леса, захватив с собой скот и все имущество. Мы расположились в покинутых хижинах.

Среди этого невероятного беспорядка не могло быть и речи о том, чтобы устроить лагерь так, как этого требуют рижские воинские обычаи, и укрепить его валом и рвом. Лагерь должен занимать четырехугольное поле, на котором пересекаются две дороги с воротами. В центре его помещают императорское знамя, шатер василевса и другой шатер — так называемый архонтарий, в котором пребывают военачальники. Вокруг размещаются гетерии бессмертных, телохранители и конные тагмы, а затем ополчения фем. Для каждого чина, для столъника или доместика, в лагере предназначено раз навсегда установленное место. Но в тот день даже патрикии и стратиги расположились там, где им привелось. Однако я настоял, чтобы вокруг селения была протянута прикрепленная на низких колышках веревка с привешенными на ней колокольцами — на тот случай, если вражеские лазутчики попытаются проникнуть в селение, чтобы узнать положение вещей. Такая веревка служит в ночное время прекрасным средством для предупреждения неожиданных нападений.

Сердце мое было полно стыда и отчаяния. Я видел бегущих ромеев, бросивших оружие, растерявших воинские отличия, ни о чем другом не помышлявших, кроме спасения своей жизни. Сам василевс сменил пурпурные кампагии, которые положено носить только василевсам и царям Персии, на обыкновенные башмаки, чтобы не быть узнанным в случае пленения. И ты, лев!..

Отборные воины, гетерия закованных в железо «бессмертных», знаменитый легион Сорока мучеников, еще при Августе прозванный Молниеметательным и оправдавший это название во время войны с квадами, когда буря и гром, вызванные молитвами христианских воинов, устрашили врагов, бежали под стенами Триадицы, как овцы, гонимые жезлом пастыря. Прославленные вукеллари, как назывался другой легион, или, по-гречески, фема, потеряли покрытые лаврами знамена.

Только армянские пешие воины отходили непоколебимым строем, огрызались, как волки, когда на них наседали враги. Но разве я сам не трепетал, не наклонял голову, когда слышал пронзительное пение стрелы, и не бледнел, когда блистал перед моими глазами ослепительный меч?..

Лагерь понемногу затих. Была надежда, что мы ушли от преследования врагов. Ко мне явились посланцы и сказали, что меня желает видеть благочестивый.

Василевс сидел на жалкой постели священнослужителя, уронив голову на грудь. Никого около него не было. Я сделал преклонение и стоял, ожидая, когда мне скажут о том, для чего меня позвали. Василий поднял глаза и спросил:

— Что ты смотришь на мою обувь? Я сделал это не из страха. Я не хотел умножать торжество врагов. Они не должны были знать, кого поражают.

Я видел, что по щеке василевса скатилась слеза. Поймав мой изумленный взгляд, Василий смутился и сказал:

— Никому не говори об этом. Я плачу не от слабости, а от злобы. Бежали, как овцы... С тех пор, как я живу, я не встретил в своей жизни ни самой малейшей удачи, и напротив, кажется, не осталось такого несчастья, которое не выпало бы на мою долю...

Он говорил со мной, как простой смертный, и я понял, как тяжело переживает он наше поражение.

Василевс сказал мне, что нужно сделать, и, получив приказание, я оставил его наедине с мрачными мыслями.

Мне надо было найти великого domestика. В поисках этого человека я ходил от одной хижины к другой, шагая через спящих и натываясь на распряженные везы. На повозках стонали обмотанные кровавыми тряпичами раненые. Тысячи их мы бросили во время панического бегства. Кое-где догорали костры, около которых грелись люди. На дороге еще слышался скрип везов, шелканье бичей. Измученные везы ревели.

Наконец я разыскал хижину, в которой нашел себе ночлег великий domestик Георгий Лаханодракон. Проходя мимо овечьего загона, я услышал в темноте человеческие вопли. Кто-то стонал за плетнем, проклиная мир и василевса, хулил бога. Хотя голос был искажен страданием, мне показалось, что я знаю несчастного. Но сердце мое окаменело. Не обращая внимания на стоны, я вошел в хижину.

На грубо сколоченном столе горел глиняный светильник. В его мигающем свете я мог рассмотреть несколько человек в воинских одеяниях. Кроме domestика, тут были Давид Нарфик, Феофилакт Вотаниат, Лев Пакиан, Никифор Ксифий и брат domestика, по имени Андроник. Сидя за убогим столом, они подкреплялись хлебом, так как не было времени резать вола и приготовить ужин. Я видел, как эти знаменитые мужи брали пальцами из деревянной солонки щепотки соли. Domestik уронил голову на стол и, видимо, дремал. Рядом с ним сидели Лев Диакон, положив на стол худые белые руки, и протоспафарий Иоанн Геометр. Протоспафарий Никифор Ксифий протянул мне кусок хлеба и сказал:

— Утоли хоть немного голод, Ираклий!

Я взял кусок деревенского хлеба и стал его есть, орошая ломоть слезами, которые как бы заменяли соль. Уже два дня, как у меня во рту не было ни крошки пищи.

В хижине стояла тишина. Ее лишь порой прерывали вздохи, кашель, ругательства. Чтобы нарушить тягостное молчание, я спросил:

— А где же патрикий Иоанн?

Domestik поднял голову и посмотрел на меня воспаленными глазами.

— Благочестивый повелел его ослепить.

Так это патрикий Иоанн стонал в загородке для овец, гордый муж, владетель такого богатства, домов и виноградников! Еще вчера он был всемогущ, а сегодня лежал на овечьем навозе, ослепленный, оставленный льстецами, покинутый друзьями из страха, что оказанное ему внимание может возбудить гнев в сердце благочестивого.

Все сидели мрачные, подавленные несчастьем последних дней. Только Никифор Ксифий,

расстилая в углу овчину для ночного ложа, хотя через два часа мы снова должны были двинуться в путь, не удержал негодования:

— Сегодня ты сидишь на коне, а завтра тебя карают, как разбойника. За что ослепили Иоанна?

— Власть василевса подобна секире, лежащей у корня дерева, — вздохнул Лаханодрокон.

— Секира? Лицемерие! — продолжал распаляться Ксифий. — Пришлось мне видеть в Италии, как живут лангобардские бароны. Поистине они патрикий, а не рабы, как мы. У нас...

Никифор Ксифий был мужественным человеком. Уши у него заросли волосами, как у волка. Он воевал в Италии, защищая ромейские владения от сарацин, и любил рассказывать о том, как в Риме в обществе красивых женщин пируют бароны, под музыку виол и охотничьих рогов. Пусть пируют! Зато гореть еретикам и латинянам в геенне огненной!

Все еще стоя на коленях и отстегивая меч от пояса, Ксифий негодовал:

— А у нас? Ползают, как пресмыкающиеся. Ходишь осторожными ногами, опустив глаза долу.

— Замолчи! — крикнул я ему.

Доместик заткнул пальцами уши, чтобы не слышать предосудительные речи.

— Благочестивый один отвечает за наши поступки. Твое дело — сражаться и умереть, а не богохульствовать и осуждать установленные порядки. Положи предел твоему безумию! — удерживал от греха Никифора патрикий Феофилакт Вотаниат, человек большой осторожности и много претерпевший в жизни.

— Иоанн получил по заслугам, — сказал Лев Диакон.

Никифор Ксифий укрылся с головой плащом, но слышно было, как он скрежетал зубами. Да, он слыл храбрецом, плащ его был в крови врагов, и он сам получил ранение в этом сражении. А патрикий Иоанн, как я узнал потом, первым покинул поле битвы и во время отступления велел зарезать вола, тащившего метательную машину, чтобы насытить свое чрево, поэтому баллиста досталась врагу.

Я переговорил с доместиком и сообщил ему то, что мне было сказано василевсом.

Подражая Ксифию, присутствующие стали укладываться на земляном полу, расстилая свои одежды. Я вышел, чтобы выполнить еще одно повеление — проверить заставы. Лев Диакон и Иоанн Геометр присоединились ко мне. На обязанности историка лежало записывать все достойное запоминания, хотя он и не любил писать о поражениях, но, во всяком случае, ему надо было взглянуть на картину ночного лагеря. Протоспафарий же был крайне потрясен событиями и не захотел оставаться в хижине. Лагерь спал. В воздухе пахло гарью затухающих костров. Если бы враги настигли нас, никто не оказал бы им сопротивления, и тогда последние остатки ромейского войска погибли бы во главе с василевсом. Люди устали безмерно и забылись в тяжелом сне. Многих мучили сонные видения, судя по стонам. А ведь через два часа мы снова собирались поднять их и вести на восток, чтобы успеть запереться в Филиппополе. В этом хаосе моя душа, уже привыкшая к благоговейной тишине дворцов, испытывала смятение.

На заставе у дороги стояли армянские воины. Среди общей растерянности они одни сохранили спокойствие духа, равнодушно переживая наши победы и поражения. Что для них была слава ромеев! Но это они провели по горным тропам и спасли от смерти василевса и всех нас.

Один из воинов, уже седобородый и со следами старых ран на лице, сказал товарищу, сидевшему на придорожном камне с копьем в руках:

— Смотри, друг, вот пришли храбрые патрикий.

Взглянув на меня еще раз, он прибавил:

— Этого, большеглазого, черного, как сатана, я где-то видел...

Я немного изучил армянский язык в бытность свою в Трапезунде, но сделал вид, что не понимаю, о чем он говорит, и по-гречески спросил, не заметил ли он чего-нибудь подозрительного. Он ответил дерзко:

— Медведь никогда не догонит бегущего зайца.

Мы пошли прочь. Чтобы перевести разговор на постороннюю тему, я спросил историка:

— Откуда ты родом?

Лев вздохнул.

— Отечество мое — Калоя. Тихое селение среди холмов Тмола, на берегу Калистра, впадающего в море недалеко от Эфеса. Дивная там природа!

В это время где-то в отдалении послышалось петушиное пение.

— Слышишь? Вторые петухи! Вот так же они поют в этот час и в моей Калое. Но как там все дышит миром! А здесь я едва не сделался жертвой скифского меча...

Ни для кого не было тайной, что в этой войне вместе с болгарам действовали против нас и отряды скифов, которые Владимир тайно послал на Дунай, чтобы издали добиться осуществления своих планов. Теперь я понял, откуда возникли разговоры о браке Анны с Владимиром. Дело в том, что ее руки добивался Самуил. Но к нему отправили не Порфирогениту, а простую девицу, выбранную потому, что она походила лицом на Анну. Однако болгары немедленно раскрыли обман и в наказание сожгли митрополита Севастийского, который привез им подложную царевну. Об этом событии было много разговоров, но мое внимание в данное время привлекают другие и более важные события. Скажу только, что именно тогда в Священном дворце и подумали о браке русского князя с Порфирогенитой, чтобы возбудить его ненависть к Самуилу. А вместо этого Владимир послал ему на помощь своих воинов! Можно подумать, что он обучался в Магнарской школе, откуда выходят наши хитроумные логофеты.

Осмотрев заставы, мы повернули назад и шли некоторое время молча. Иоанн Геометр вздыхал, обуреваемый какими-то печальными мыслями. Впрочем, они были понятны. Потом Лев Диакон продолжал свой рассказ:

— Отца моего звали Василием. Когда решено было послать меня в царственный город, чтобы я вкусил там плодов просвещения, твой покорный слуга отправился в путь на корабле, нагруженном быками. Это был сущий хлев под парусами! В Константинополь я прибыл в тот самый день, когда происходил триумф императора Никифора. Спокойно он ехал на коне среди всеобщего ликования и улыбался. Это был титан! Сражался, как лев, а под пурпуром носил власяницу. Но как он притеснял церковь, разорял монастыри, гнал митрополитов и епископов!

— А зачем им богатство? Стяжание мешает спасению души. Легче верблюду...

— Знаю, знаю...

— А они строят пышные дома, имеют табуны коней и множество скота. Вспомни, как жили святые в египетских киновиях и в других обителях, как будто бы уже достигая бесплотности ангелов; у нас епископ говорит, что не надо печься о завтрашнем дне, а у самого лари набиты номисмами...

— Это Ксифий заразил тебя богохульством, — сказал Лев, — смотри, погубишь себя дружбой с этим человеком.

— Благочестивому известно мое рвение.

— А длинные языки? Подлые уста, нашептывающие в совете про приятеля?

В темноте мы не без труда нашли хижину. На пороге спала стража. Лев остановился и прислушался.

— Слышишь ли ты в воздухе веяние катастрофы?

Я тоже напряг внимание. Да, это была катастрофа.

Но историк, может быть, видел далее меня и говорил:

— Не следует забывать, что эту войну василевс начал не столько движимый благоразумными расчетами, сколько пламенным гневом. И вот расплата. Мы проводили время под стенами Триадицы Сардики в бездействии и гадали на священном писании, а болгары сражаются за свою свободу.

Вдруг произошло невероятное. Над лагерем возникла огромная звезда, озарила светом шатры, хижины, церковь и даже отдаленные горы и, упав на землю с западной стороны, рассыпалась на мелкие искры и погасла.

Я никогда не видел ничего подобного и окаменел.

Лев Диакон произнес:

— Боже!..

Но он первым пришел в себя и прибавил:

— Это означает всеобщее истребление...

Я не понял толком, что он хотел этим сказать, но я знал, что историк хорошо знаком с небесными явлениями, и мне стало не по себе. На земле происходили необъяснимые вещи.

Большинство людей в лагере продолжали спать, а те, что проснулись, потрясенные случившимся, громко обсуждали необыкновенное явление.

Мне было неизвестно, как отнесся к тому, что произошло, василевс, который, конечно, всю ночь не сомкнул глаз. Но историк был подавлен. Сделав неопределенный жест рукою, он ушел куда-то в темноту. Мы остались с поэтом вдвоем.

Всю дорогу Иоанн Геометр молчал. Может быть, в его сердце уже рождались те горькие стихи о гибели ромеев в ущелье Родопских гор, которые мы потом прочли, обливая строки слезами. Но я не знал тогда, о чем он думает, и спросил протоспафария, бывшего некогда моим начальником, а теперь все более и более отдалявшегося от милостей василевса, не хочет ли он отдохнуть в моей хижине. Иоанн был уже в годах, и первые седые нити блистали в его бороде, но живые глаза сверкали по-прежнему любопытством к жизни. Он поблагодарил меня и охотно согласился. Однако мы не уснули с ним и проговорили до зари.

В ту ночь я рассказал ему о ветхом трактате Аристарха Самосского, который мне пришлось держать в руках в библиотеке Никона, и о странных утверждениях этого философа, но Иоанн покачал головой и сказал:

— Ты настоящий эллин. Вокруг нас смятение и гибель, а ты говоришь об Аристархе.

— Не попадалось ли тебе в руки это сочинение?

— Вероятно, ты видел очень редкий список, и я не читал такой книги, но слышал о ней. Полагаю, что этот человек прав.

— Прав? И земля, как шар, вращается вокруг центрального светила?

— Не приходилось ли тебе, едучи на корабле, видеть, как мимо обманно двигаются берега, в то время как корабль якобы стоит на месте? То же самое можно сказать и о солнце. Нам представляется, что оно движется, а в действительности стоит на одном месте, и доказательством этому служит то обстоятельство, что другие планеты кружатся вокруг солнца. Ты знаешь это не хуже меня. Почему же исключение должно быть для земли?

Никон учил меня всему, что положено знать астроному, но не посягал на области, запрещенные церковью, а в словах Иоанна блеснула некая надежда среди мрака нашей ночи, и я запомнил этот разговор на всю жизнь. К сожалению, вскоре наши жизненные пути разошлись. Этот глубоко верующий человек принял сан священника и позднее постригся в монахи, оставив навсегда суету дворцовой жизни. Только изредка я встречался с ним, когда он приходил ко мне из Студийского монастыря, пешком через весь город, и мы беседовали с ним о поэзии, так как и в монашеском чине он сохранил интерес к книгам.

На земле медленно разгоралась заря. До выступления в путь осталось ждать уже недолго. Но я все-таки прилег на несколько минут, чтобы дать отдых измученному телу. Протоспафарий Иоанн умолк и лежал, заложив руки под голову. Меня не покидали мысли о василевсе. Что он делает в этот час? Мы могли поучиться у него твердости в несчастьях.

Лежавшие рядом со мной на соломе стонали и метались во сне. Воздух был испорчен человеческим зловонием, и даже сюда доносились вопли ослепленного патрикия.

На полу спали, как простые поселяне, богатейшие люди, представители древних фамилий, имеющие власть судить и разрешать, блистающие разумом магистры и доблестные доместики, разделяющие помыслы василевса в Сенате. Повозки с нашим достоянием, одеждой и серебряными чашами были брошены во время бегства или захвачены неприятелем, слуги разбежались, воины часто отказывали в повиновении, и первые стали последними, а некоторые военачальники изменили василевсу.

Течет неуловимое время, увлекая в небытие людей, их важные и пустячные дела, трагедии героев и жалкие иллюзии глупцов. Среди этих перемен иногда казалось, что государство ромеев уже на краю гибели. Внутри Василию приходилось бороться с надменными магнатами, собравшими в своих руках огромные богатства и окруженными тысячами слуг, а на границах — сражаться с внешними врагами.

Василий пытался обуздать своеволие гордых, но спустя два года после трагических событий под Триадицей поднял мятеж Варда Фока. Заговорщики собрались в отдаленной Харсианской феме, в доме одного из влиятельных людей, по имени Евстафий Малейн, и провозгласили Фоку василевсом, избрав его орудием своих черных замыслов. Пожар восстания быстро распространился по всему Востоку. К счастью для Василия, он мог поставить во главе оставшихся верными ромейских войск Варду Склира, неожиданно превратившегося из

беглеца в великого domestика. Но Фока вероломством захватил Склира и уже без всякой помехи двинулся на Константинополь.

Это был полный сил и весьма предприимчивый человек. Мятежника озаряла слава почившего Никифора, и у него нашлись деятельные помощники. Брат узурпатора Никифор и Калокир Дельфина взяли Хрисополь. Остальные восставшие войска под начальством Льва Мелисена осадили Авидос, расположенный на азиатской стороне Геллеспонта. В то же время мятежный флот отрезал подвоз продовольствия в столицу.

Ничто, казалось, уже не могло остановить победоносного шествия Фоки. Что оставалось делать среди таких испытаний? Пришлось униженно, с улыбками и дарами, просить помощи у варваров.

Именно в те дни было получено взволновавшее всех нас известие, что князь руссов Владимир принял крещение. К нему отправили незамедлительно посольство с богатыми подарками, чтобы заключить с ним договор. Выполняя условия подписанного соглашения, киевский князь прислал нам на помощь шесть тысяч руссов и варягов, которые разгромили под Хрисополем войско Фоки и освободили осажденный Авидос. Мятежник умер на поле сражения под Лампсаком, пораженный апоплексическим ударом. Дельфина попал в плен и кончил свою жизнь в ужасных мучениях, так как Василий не знал пощады, а войско мятежников разбежалось. Однако Владимир настаивал на выполнении заключенного с ним договора.

Это время было наполнено страшными потрясениями. Ходили слухи, что Владимир сам водил своих варягов на Хрисополь, но это не соответствует действительности: князь руссов был слишком гордым, чтобы снизить до роли наемника.

Но нельзя винить в отсутствии гордости и Василия. В тот час, когда на ромеев разгневались небеса, доведенный до отчаяния несчастьями, так выразительно описанными Иоанном Геометром, он согласился принести неслыханную жертву и отдать русскому князю Анну. Когда же обстановка несколько изменилась к лучшему, было решено повременить с выполнением данного обещания. Василевсу казалось, что еще не поздно исправить ошибку слишком поспешного решения, принятого в таких трагических обстоятельствах. Однако вдова Варды Фоки возобновила преступное предприятие мужа. Теперь восставших повел против василевса Варда Склир. Снова в Азии запылал пожар мятежа. А в это время болгары обрушились на Веррею, шеститысячный отряд варягов отказался выполнять наши приказания и готов был сокрушить все на свете за одну какую-нибудь охапку сена, как это случилось впоследствии, и в довершение всех бедствий Владимир, рассерженный невыполнением договора, осадил Херсонес.

По словам магистра Леонтия, это был исключительно одаренный вождь, в юности предававшийся страстям, а в зрелом возрасте посвятивший все свои силы государственным делам. Я еще не знал тогда, что скоро судьба столкнет меня на узком пути с этим человеком.

Началом к этому послужил вызов меня логофетом Фомой Амартолом во дворец. Я направился туда на рассвете. На востоке едва занималась заря, но лавки уже были отперты и с Месы доносился вкусный запах свежее испеченного хлеба. Накануне происходил silentий, как называются тайные заседания Сената, когда были приняты какие-то важные решения в присутствии василевса. Со всех сторон по улицам спешили сановники, церемонно приветствуя друг друга и спрашивая о здоровье или о том, хорошо ли преславный провел ночь, и потом продолжали путь, чтобы ожидать в Ипподроме приглашения в Священный дворец. Некоторые ехали на мулах в сопровождении друзей и служителей. Еще с вечера улицы были украшены гирляндами лавра и оливковыми ветвями и посыпаны древесными опилками, так как предстоял царский выход. В утреннем воздухе было слышно, как невдалеке гремела карруха эпарха, который один имел право езды по городу в повозке.

Маяк строителя Льва еще блистал мутным светом на высокой башне над храмом богородицы Фаросской. Это был последний светоч в длинной цепи сигнальных огней, устроенных на всем протяжении от столицы ромеев до сарацинской границы. Всякий раз, когда в Азии или в Сирии совершается какое-нибудь примечательное событие или на границах происходит вторжение неприятеля, эти огни передают с холма на холм и потом по берегу моря весть о случившемся в Константинополь.

Еще спали в предутренней свежести константинопольские сады, а во дворце уже начиналась церемониальная суэта. Служители гасили лампы, накрывая светильники медными колпачками на длинных тростях. Как в церкви, всюду пахло гарью фитилей. У серебряной двери, по преданию сделанной по рисунку самого Константина Багрянородного, ведущей во внутренние покои, стояли светлоусые варяги, все так же небрежно опираясь на страшные секиры. Неоднократно я видел на полях сражений ужасные ранения, нанесенные этим варварским оружием, отсеченные головы и раскрытые груди: кровь из таких ран мешается с розовыми пузырьками воздуха. Варвары равнодушно смотрели на нас, позевывая после бессонной ночи.

Великий ключарь, ведавший дворцовым распорядком, позвякивая связкой серебряных ключей, открывал двери в сопровождении начальника стражи, которого только и признавали варяги. Кивком головы евнух отвечал на наши приветствия. Веститоры, или облачатели, уже приступили к исполнению своих обязанностей и шептались с озабоченным видом. Одни из них отправились в камару св. Феодора, чтобы взять там жезл Моисея и другие реликвии, остальные принесли пурпуровый императорский скарамангий и положили его, как некое сокровище, на дубовую скамью, поставленную здесь для этой цели. Веститоры со страхом косили глаза на церемониария, ожидая, когда тот тремя установленными ударами постучит в серебряную дверь и можно будет приступить к первому облачению автократора. Уже здесь собрались все, кому надлежит находиться перед серебряной дверью. Люди, прикрывая рот рукой, шепотом переговаривались между собой, передавая новости. Несколько раз я слышал:

— Херсонес... Херсонес... Анна... Анна...

За серебряной дверью послышался утренний кашель. Тогда наступила тишина, нарушаемая только шорохом парчовых царских одежд, приготовляемых для василевса. У меня забилося сердце. Мне было известно, зачем меня вызвали во дворец. Убедившись в моем знакомстве с морским делом, василевс решил назначить меня друнгарием царских кораблей и возвести в сан патрикия, чтобы я мог выполнить то ответственное поручение, о котором говорилось на последнем заседании Сената.

Выполнявший обязанности великого ключаря евнух Роман, маленький, заплывший жиром, с неприятными глазами, строго оглядывал присутствующих. Увидев меня, он тихо побряцал ключами. К нему тотчас склонился один из служителей.

— Проводи спафария Ираклия к камару Феодора, — сказал евнух, указывая на меня пальцем, украшенным золотым перстнем.

Служитель поцеловал руку евнуха и подошел ко мне с поклоном. Вместе с ним мы вошли в лабиринт зал и церквей. В Илиаке и в Хрисотриклине, изящнейшей зале с такими же аркадами, как и в церкви Сергия и Вакха, стояли чины синклита в ожидании, когда здесь появится василевс. В этой зале особенно прекрасны широкие окна, из которых в покой в изобилии льется свет. На золотом фоне мозаики сияли широкие глаза спасителя мира, скорбные от грехов человечества. На возвышенном месте были поставлены в симметрии три золотых трона, а под куполом необыкновенной легкости стоял круглый, украшенный искусной инкрустацией стол, чудо трудолюбивого ремесла.

Служитель поднял занавеску, и я очутился в камаре. На мягких, обитых алым шелком скамьях сидели сановники, которым по церемониалу полагалось встречать здесь василевса. Среди них я увидел знакомое лицо — магистр Леонтий Хрисокефал улыбался мне и кивал головой. Он еще не потерял надежды выдать за меня последнюю из своих многочисленных некрасивых дочерей.

Я сел рядом с ним, но мы едва осмеливались обменяться словом. Где-то далеко в глубине дворцовых зал уже началось торжественное шествие, и время от времени до нас долетали глухие приветственные клики. Василевс, облаченный в пурпуровый скарамангий, со свечой в руке, окруженный телохранителями, шествовал из залы в залу.

— Говорят, опять не спал всю ночь, писал... — шепнул мне магистр Леонтий.

Я сочувственно покачал головой.

— А братец охотится в Месемврии... Вот уже поистине побрякушка и крест делаются из одного дерева!

Вошел озабоченный папий и движением руки пригласил нас соблюдать тишину. Приветственный шум приближался, усиливался. Вместе с ним приближалась для меня торжественная минута посвящения в сан патрикия, или хиротония. Мне стало трудно дышать. По выражению лиц соседей я мог судить, что и они разделяют мое волнение.

Вдруг служители отпахнули тяжелую завесу из золотой парчи, вышитую черными орлами в зеленых кругах, в симметричном порядке перемежающихся с красными крестами. Бронзовые кольца со скрежетом скользнули по металлу, и в арке появился автократор ромеев. Мы пали ниц.

Я часто имел возможность встречать василевса во внутренних покоях, получал от него приказания на полях сражений, видел, как он вкушал пищу, подставлял чашу виночерпию и рыгал, поев рыбы. Сколько его посланий domestикам и стратигам читал в свое время, в которых говорилось о самых житейских вещах! А теперь я лежал на прохладном мраморном полу, едва дыша от волнения, и мне казалось, что над нами, распростертыми во прахе в земном преклонении, совершается какая-то тайна.

— Встаньте! — услышал я знакомый голос, и все снова стало обычной жизнью.

Мы поднялись. Папий, обернув краем красной хламиды руку, поднял ее, как диакон поднимает перед царскими воротами орать при чтении великой ектеньи, и возгласил пискливым голоском:

— Веститоры!

Препозит повторил этот возглас громоподобным голосом:

— Веститоры!

Роман был смешон в своей красной хламиде, маленький, большеротый, тучный.

Облачателю приблизились, держа в руках небесной голубизны дивитиссий, украшенный золотыми розами. Облачателей было четверо, в белых плащах, откинутых за плечи, чтобы одежда не мешала движениям рук. Руки у них заметно дрожали.

— Приступим! — опять пропел папий, подняв руку.

— Веститоры, приступите! — повторил препозит.

Веститоры стали облачать василевса. Торопясь и волнуясь, они подали василевсу сосуд для омовения рук и золотой кувшин. Из этого кувшина ему полили над сосудом воды на руки, и кто-то вытер их полотенцем, которое было на плече у одного из облачателей. Потом они накинули на господина вселенной тяжкую от жемчуга и золотого шитья хламиду и возложили на него лор — узкое одеяние, обвивающее шею и грудь и ниспадающее на правую руку. Оно должно изображать собою те пелены, в какие был обернут в гробу Христос.

Лицо Василия было по обыкновению мрачным. Он терпеть не мог этих пышных церемоний, и брови его хмурились. Но василевса уверили, что все это необходимо, и он выполнял церемониал, только старался попутно передать какое-нибудь повеление, выслушать доклад, если это было возможно, или совершить хиротонию, которая как бы входила в обряд шествия.

Желая использовать время, пока его облачают, Василий сказал, ни на кого не глядя:

— Елевферий!

Протасикрит Елевферий Харон приблизился с поклоном. Облачатели все еще суетились над широко разведенными руками василевса, завязывая золотые поручи.

— Что у тебя есть для оглашения? — спросил василевс Елевферия.

— Письмо епископа Мелетия, ваша святость.

— Огласи!

Развернув трепетными руками послание, Харон быстро стал читать письмо, но тем медовым голосом, какие бывают только у протасикритов, ведающих перепиской императоров. Как из далекого тумана до меня доносились скорбные жалобы епископа:

— «Злоба их замышляла отнять наше достояние, ибо они говорили: „Языком нашим переселим“. И вот, изблевав яд аспидов, враги возбудили против нас горечь в сердце благочестивого. Они переписывают каждую лозу наших виноградников и уменьшают длину измерительного вервия, ибо какая им забота о геометрии! Прекраснейшие храмы наши остались без церковного пения, уподобившись тому винограднику Давида, который сначала пышно расцвел, а потом стал добычей для хищения всех мимоходящих...»

Я видел, что в душе василевса накупала горечь. Еще дымились развалины Верреи, агаряне опустошали италийские владения, Варда Склир двигался снова на Авидос, князь руссов осаждал Херсонес и из Таврики приходили тревожные известия, а во внутренних делах царил беспорядок, всюду имели место самоволие, хищения, вымогательства и мздоимство, и епископы, стратиги и евнухи не давали покоя василевсу кляузными и жалобами. Манием руки Василий велел прекратить чтение. Таких жалоб были сотни. Сладкий голос протасикрита умолк.

— Потом, потом! — сказал Василий.

У него не было свободного времени. Надо было урвать несколько минут и для рукоположения меня в сан патрикия и друнгария императорских кораблей, ибо только через хиротонию, или рукоположение, могла излиться на меня благодать святого духа, без которой ничто не совершается в государстве ромеев.

Скосив в мою сторону взгляд, Василий поманил меня:

— Сколько кораблей готово к отплытию?

Едва сдерживая волнение, под взглядами многих людей, в эту минуту завидовавших моему

возвышению, я объяснил благочестивому, сколько дромонов стоит в Буколеонте, сколько хеландий грузится сосудами с огненным составом Каллиника, сколько закуплено италийских кораблей для перевозки в Херсонес пшеницы и оружия.

— Когда ты можешь отплыть?

— Через три дня, с помощью пресвятой девы, мы можем поднять паруса.

— Торопись, торопись! Каждый час дорог для меня...

Больше говорить не пришлось. И так уже священный церемониал нарушался житейскими заботами. Папий возводил глаза горе, вздыхал и даже слегка пожимал плечами, недовольный задержкой, так как на нем лежала обязанность соблюдать тысячелетний порядок. А поговорить хотелось о многом, особенно о преступном небрежении лукавого Евсевия Маврокатакалона, но я понимал, что сейчас не время и не место докучать благочестивому.

Владимир, разоритель вертограда божьего, сей волк, похищающий лучших овец нашего стада, сильно теснил в Херсонесе стратига Стефана. Об этом рассказывал нам вчера на винограднике Лев Диакон, присутствовавший как писатель истории на силентии.

Уже были разрушены десятки цветущих селений, а Херсонес, владеющий быстроходными кораблями, ценными солеварнями и обильными рыбными промыслами, изнывал в осаде. Было необходимо подать Херсонесу руку помощи, а почти весь ромейский флот перешел на сторону Варды Склира, подкупленный золотом вдовы Фоки. Но Василий все-таки решил снарядить оставшиеся верными корабли и спешно послать их в Готские Климаты. Согласно его плану, флот должен был прорваться в херсонесскую гавань и доставить туда припасы, оружие и некоторое число воинов. Во главе этого рискованного предприятия благочестивый поставил меня.

Тут же была совершена моя хиротония с сокращенным церемониалом. В соседних залах, полных людьми, которым полагалось ожидать там появления василевса, стоял глухой ропот голосов.

— Препозит! — сказал Василий.

Препозит подошел, совершил земное преклонение и поцеловал край священной хламиды. А потом смиренно стал ждать распоряжений.

— Подведи ко мне спафария Ираклия!

Сердце у меня снова забилося. Я приблизился, упал на колени, припал к пурпуровым башмакам, на которых жемчугом были вышиты кресты. Василевс поднял полу хламиды. Мою щеку оцарапало золотое шитье. Василевс накрыл меня полою, как на исповеди священник накрывает епитрахилью верующего, и в золотой тесноте я обонял запах парчи, пахнувшей металлом и духами.

Благочестивый возложил мне на голову костлявую руку и произнес:

— Во имя отца, и сына, и святого духа... Властью, данной мне от бога, посвящает тебя наша царственность в друнгарии ромейского флота и патрикии. Встань, патрикий Ираклий! Аксиос!

— Аксиос! Аксиос! — хором нестройных голосов повторили присутствующие.

Шествие продолжалось. По новому моему званию мне надлежало находиться в зале, которая называется Онопод, чтобы приветствовать там василевса вместе с воинскими чинами и оруженосцами. В моих ушах еще звенели клики: «Аксиос! Аксиос!» Мне очень хотелось хоть

раз в жизни испытать это и приветствовать василевса со стратигами и domestиками. А так как папий тоже спешил в Онопод, чтобы устранить там какое-то упущение, то мы отправились туда вместе по переходам и улиткообразным лестницам, чтобы сократить путь и опередить шествие.

Мы торопились, и Роман, казавшийся мне в эти торжественные минуты, когда я был полон восторженных переживаний, любезным и приятным человеком, задыхался от быстрого передвижения. Но вдруг мы услышали в одной из зал женский смех. Роман в изумлении остановился и раскрыл рыбий рот. По мраморному полу к нам навстречу бежал черный пушистый котенок, играя с золотым шариком. С хищной грацией он сгибал бархатную лапку и ударял шарик. Позолота игрушки казалась особенно яркой рядом с его чернотой. Шарик летел в сторону, и котенок стрелой бросался за ним. Однако спустя мгновение мы увидели, что за маленьким проказником бежали с радостными восклицаниями две молодые женщины. На одной из них был пурпур, присвоенный только рожденным в Порфире, как называется древний дворец Константина. Другая была, по-видимому, прислужницей, но из благородных дев, дочь какого-нибудь стратига.

— Порфиrogenита! — в ужасе всплеснул пухлыми ручками евнух.

Это была Анна, Багрянородная сестра василевсов! Но какая причина побудила ее выйти из укромного гинекея? Может быть, она возвращалась от утрени в одной из дворцовых церквей? Возможно, что этот проказливый зверек, на поиски которого она отправилась с прислужницей, был причиной того, что она заблудилась в лабиринте зал.

В тот день я впервые увидел Анну. Опомившись, мы упали ниц. А когда поднялись, Порфиrogenита все еще стояла перед нами и широко раскрытыми глазами смотрела то на евнуха, то на меня. Эти глаза были ослепительны! Глаза, унаследованные от прекрасной Феофано! Никогда в жизни, нигде и ни при каких обстоятельствах, я не видел таких огромных, глубоких, немигающих глаз. Только однажды по делам службы пришлось мне побывать на короткое время в Равенне, и там в одной из церквей я видел мозаику, изображающую императрицу Феодору. В этих устремленных на зрителей глазах есть некое подобие Анны. Они ослепили меня, закрыли своим сиянием пышную залу, малахитовые колонны, мозаики Юстиниановых побед, всю вселенную! Мгновения бежали, а мне хотелось, чтобы они остановились. Как сладко было стоять и смотреть на Анну!

Прислужница, красивая девушка с лукавыми глазами и румянцем на щеках, поймала котенка и принесла госпоже. Тогда лицо сестры василевсов озарилось смущенной улыбкой.

— Порфиrogenита! — опять воздел ручки евнух. — Пристойно ли твоей особе находиться в сем месте?

Анна ничего не ответила, еще раз взглянула на меня, повернулась и ушла, наклоняя голову с женственным изяществом, как бы говоря этим жестом: «Ах, не докучайте мне вашими скучными правилами! Я знаю, что делаю!»

Она скрылась за малахитовыми колоннами, с нежностью прижимая к своей груди котенка.

Прошло еще мгновение, и Анна растаяла, как видение. Так два корабля, затерянные в пустынном море, вдруг встречаются в один прекрасный день и расходятся навеки. Шумят снасти, волнуется беспокойная стихия, а корабли неумолимо удаляются друг от друга. Уменьшается их величина, и корабельщики с волнением смотрят вслед уплывающим товарищам. Но я не знал, что отныне жизнь моя до конца дней связана с судьбою Анны.

— Скорей! Скорей! — торопил папий. — Как бы нам не опоздать к выходу.

Василевс шествовал, облаченный в пурпур и в голубой дивитиссий, неся бремя жемчугов на

золотой хламиде. Препозит уже возложил на его чело диадему императоров. Под сводами гремели слова древнего латинского гимна:

Annos vitae...

Deus multiplicet feliciter...

Обширной залой Дафны, Августеоном и Октогоном, Триклином кандидатов, залой Девятнадцати экскувиторов, мимо икон, триумфальных мозаик, светильников и знамен, со свечой в руке, в облаках фимиамного дыма, в ропоте восторженных голосов и под музыку органа василевс шествовал в Лихны. Особый чин, посланный патриархом, возвестил василевсу, что приближается малый выход. Вдоль шествия рядами стояли воины. Церемониарии с позолоченными жезлами в руках вводили в залы магистров, патрикиев и стратигов. Время от времени слышался густой голос препозита:

— Повелите!

Шествие приближалось. В следующей зале, которую называют Онопод, полагается находиться друнгарию городской стражи, друнгарию императорских кораблей и спафариям, на обязанности которых нести оружие василевса. Уже слышен был волнующий шорох башмаков о мраморные плиты. И вдруг мы увидели над толпою пурпуровый балдахин, на котором покачивались пышные страусовые перья, розовые и белые. Перед василевсом несли жезл Моисея, чтобы пасти народы, и крест Константина, чтобы просвещать вселенную истинной христианской верой. Уже присоединился к шествию со своими сcribes и нотариумами заведующий письменной службой во дворце, оруженосцы и другие дворцовые чины. Силенциарии в нужное время поднимали свои жезлы, сделанные из палисандрового дерева, с серебряными шарами, и тогда восстанавливалась тишина и люди с удвоенным вниманием ждали торжественной минуты. Раздавался медленный, тяжкий голос препозита:

— Повелите!

В ответ на возглас василевс благословлял свечой присутствующих...

Захватывало дыхание от этой пышности и великолепия. Из Триклина Девятнадцати экскувиторов уже несли древние, покрытые римской славой велумы. Одни из них были увенчаны золотыми статуэтками Фортуны, другие — серебряными орлами или раскрытой в благословении рукой, приносящей счастье на полях сражений. За римскими орлами следовали пышные знамена протекторов, так называемые драконы и лабарумы.

Подчиненные хранителя императорской печати запели латинский гимн. Окруженный синклитом и воинством, с лабарумом Константина над головой, в сияющей диадеме, с которой свешивались жемчужные нити, особенно оттеняющие суровость лица Василия, император показался наконец в Трибунале народу.

Здесь его приветствовали представители партии Голубых. Великий доместик, обернув руку полую белой хламиды и обратившись лицом к василевсу, трижды медленно осенил его в воздухе широким крестом. Сливаясь с музыкой органов, хоры пели:

Annos vitae...

Под сводами гремел хорал:

Многая лета!

Многая лета тебе, Автократор ромеев, Служитель господ...

Эпарх и все, кто зависел от него, а также множество народа, представители различных

ремесел — свечники, серикарии, торговцы рыбой, водоносы, виноградари из долины Ликоса, каменщики, булочники, корабельщики

— и находившиеся в те дни в городе иноземцы подхватили торжественный напев.

Великий доместик еще раз поднял руку для крестного благословения.

Хор пел:

Взирайте, как утренняя звезда восходит и затмевает свет солнца!

Се грядет Василий, бледная смерть сарацин...

Мелодично и четко звякали кадила, взлетая в воздух на тонких серебряных цепочках. Впереди лежал усыпанный цветами путь в храм св.Софии. Василевсу еще предстояла длительная церемония каждения престола и прикладывания к св.Кладезю, к тому самому, у которого Христос беседовал с евангельской самаритянкой. Священные камни перевезли в храм из Самарии. Потом следовало целование любви с патриархом и другие обряды. Я их знал наизусть...

Я шел, по своему новому званию, совсем близко от василевса, и мне было грустно, что среди присутствующих на Ипподроме уже нет моего отца. Как рады были бы они с матерью, видя такое возвышение сына!

В св.Софии насыпали в кадило фимиамные зерна, чтобы благочестивый император мог совершать в алтаре каждение престола. Толпы народа — Голубые и Зеленые, Красные и Белые — поочередно приветствовали василевса кликами. Трудно было представить себе что-нибудь более величественное, чем это зрелище. У меня в сердце был праздник, но среди орлов и лабарумов неотступно сияли глаза Анны! Я понял, что теперь не будет для меня покоя на земле до конца дней, что дромоны и огонь Каллиника и оружие фем существуют только для того, чтобы служить ей.

В тот день была Троица. Священный гимн, положенный для этого праздника, начинался так:

Да возрадуется вся вселенная, ибо победа И радость царствуют у Ромеев... Слава богу, Венчавшему тебя на наше спасение...

В этот момент с василевса снимали одну диадему и надевали другую, еще более пышную. Возложив ее, патриарх вручал императору просфору и пузырек с благовонным розовым маслом, а от него получал в дар пурпуровый мешок с золотыми монетами. Все имело свой смысл и значение. Лор означал погребальные пелены, крест на скипетре — победу над адом, акакия, или киса с землею, — смертность человека, обертывание ног льняной материей, как это в обычае у поселян, и расшитая золотом обувь — смирение и блеск империи...

Впрочем, мне скоро пришлось покинуть шествие, потому что меня ждали в гавани самые неотложные дела в связи с оснасткой кораблей и приготовлением к отплытию. Бросив последний взгляд на василевса и как бы испросив его позволения, я незаметно вышел из рядов патрикиев, и когда пробирался сквозь толпу к тому условленному месту, где меня должен был ждать с мулом слуга, я вдруг увидел среди любопытных стихотворца Иоанна Геометра. Он уже несколько лет тому назад покинул Священный дворец и удалился в Студийский монастырь, где принял монашеский сан. Теперь он был не в красной хламиде, а в черном одеянии, и борода его стала длинной и запущенной. Но Иоанн с видимым интересом смотрел на шествие.

— Здравствуй, отче, — сказал я со всем возможным уважением. — Не правда ли, какое великолепие?

Иоанн горестно покачал головой.

— Опиши все это в звучных стихах!

Но он ответил:

— Я уже не пишу о земном. Ты говоришь — великолепие... Но посмотри вокруг себя со вниманием, и ты увидишь рубища и бедность.

Я последовал его совету и окинул взором толпу, что была передо мной, и мое праздничное настроение во мгновение ока растаяло. Я действительно увидел тысячи бедняков, вероятно пришедших сюда в надежде на бесплатную раздачу хлеба и вина. За пурпуром и парчой царственных одеяний, за шелком знамен и дымом кадил я не заметил их раньше.

«Ты испортил мне радость сегодняшнего торжества», — хотел я сказать поэту, из смирения облачившемуся в монашеское одеяние, но он уже исчез в толпе.

Это происходило в те дни, когда пал Херсонес...

Некоторое время ушло на приготовление к отплытию в Понт. Необходимо было спешить, а драгоценное время приходилось тратить на препирательства с медлительным префектом арсенала, на волокиту и переписку с великим доместиком. Оказалось, что ничего не было готово — ни сосуды с огненным составом, ни метательные машины. Большинство кораблей было в руках Варды Склира, не хватало рабочих рук, чтобы приготовить состав Каллиника, и Василий не знал предела своему гневу. Многие в те дни были наказаны и ползали, как побитые псы, у пурпурных кампагий василевса.

У меня не было ни одного свободного часа. На рассвете я уже отправлялся в порт, к Влахернам, где смолили корабли. Там стучали молоты и топоры, пахло смолой, коноплей, холстом новых парусов. С божьей помощью наш флот, вопреки всем препятствиям, снаряжался в путь, и я с удовольствием глядел на громады дромонгов, на которых возможно поместить значительное число воинов и два ряда прикованных цепями гребцов.

На носу и на корме таких судов возвышаются башни, откуда лучники мечут стрелы. Мачты стояли, как непоколебимые дубы. На хеландиях — кораблях меньшего размера — уже были установлены и прикрыты кожами от любопытных глаз соглядатаев медные трубы для метания греческого огня, как варвары называют состав Каллиника. Я взирал на корабли и спрашивал себя: неужели может погибнуть в море подобное искусство человеческих рук?

В Мангале, как называют в Константинополе арсенал, у ворот днем и ночью стояла неусыпная стража — там хранились оружие и всякого рода военные припасы. В низких помещениях со сводчатыми потолками пахло невыносимой для дыхания серой. Глухонемые рабы (им отрезали языки, чтобы они не могли выдать тайну ромеев врагам) толкли в огромных каменных ступах секретные составы, растирали на ручных мельницах селитру, доставляли сосуды с горной смолой. Лишенные в молодости языка, они здесь быстро глохли и не слышали грохота медных пестов о каменные ступы. Как в безмолвном аду, они готовили для василевса огонь Каллиника, а по ночам им не давал спать мучительный кашель, и жизнь их была недолговечной.

Куратор арсенала Игнатий Нарфик, армянин по происхождению, бледный человек с черной бородой и охрипшим от зловредных испарений голосом, даже ко мне относился с недоверием. Пуще всего он хранил тайну огня Каллиника. Но у меня был пропуск в арсенал, и, являясь туда по повелению василевса, я узнал этот состав. В него входит сера, селитра, древесный уголь и горная смола в строго определенных количествах. Достаточно на одно

измерение нарушить пропорцию — и огонь уже не будет приносить вреда. Однако ни одного слова я не могу прибавить к сказанному.

Удостоверившись, что работы в Мангале идут полным ходом, я отправился к великому доместику, чтобы узнать, как обстоит дело относительно тех воинов, которых я должен был взять на корабли. Евсевий Маврокатакалон, обжора и стяжатель, медлил, вздыхал и жаловался на болезни.

— Поменьше бы думал о брюхе, — говорил я ему.

Но он отвечал, отдуваясь после еды, ковыряя в зубах зубочисткой из гусяного пера:

— Все будет во благовремени. Судьба наша в руках господя. Покров богородицы охранит нас вернее всех стен и кораблей.

Самые неприятные разговоры приходилось вести с Агафием — государственным казначеем, от которого во многом зависело получение денежных средств для нашего предприятия. В противоположность Евсевию, он был худ и суетлив. Этот способный на всякое зло интриган, возомнивший о своем уме и весьма завистливый человек, с низким недоброжелательством смотрел на мое возвышение и вредил при всяком удобном и неудобном случае. К счастью, василевс обратил в прах все его происки и сослал его на остров Хиос, когда обнаружилось, что отчеты государственной сокровищницы не соответствуют действительности. Принимал участие в подготовке экспедиции в Таврику также Исидор Антропон — логофет дрома, по своей должности ведавший сношениями с иностранными государствами и варварами, хотя он и был ничтожеством, — но с ним имел дело магистр Леонтий Хрисокефал, а не я.

У меня было достаточно забот и без логофета. Целыми днями я метался из Вуколеонфа в арсенал, из арсенала во дворец, а оттуда снова в порт, едва успевая проглотить кусок хлеба, как будто бы я был не патрикий, а простой поденщик. Василий мне говорил:

— Бей их жезлом! Сокруши их, но не медли!

Но однажды он сердито посмотрел на меня и постучал пальцем по мраморному столу.

— Мне известно о тебе... Читаешь стихи и диалоги Платона. Не до стихов теперь. Ногами растопчу риторику Демосфена и силлогизмы Аристотеля! Брошу в огонь легкомысленные произведения поэтов! Мне нужны воины, а не музы! Закрою школы, усмирю болтунов, но научу ромеев сражаться! Трусливых псов, возвращающихся на свою блевотину!

И я заушал, грозил ссылкой на острова или темницей, не зная покоя ни днем, ни ночью. Но иногда вдруг представлял на мгновение залу малахитовых колонн, сияющие глаза Анны — и останавливался, прерывая речь на полуслове.

— Что с тобой? — спрашивали меня.

— Ничего.

Люди многозначительно покашливали и переглядывались. Агафий уже шипел, нашептывал что-то влиятельным друзьям, — змея, ползущая у ног господина. Даже Никифор Ксифий, с которым я в те дни делил труды, по-дружески спросил меня:

— Что с тобою, патрикий? Станный ты человек! Муж, наделенный крепостью в мышцах и разумом, осыпанный милостями благочестивого, а презираешь радости жизни. Другие имеют жен, потомство, приобрели имения, а ты тратишь средства на переписку книг, как будто они могут заменить человеку земные блага. Почему ты не хочешь быть таким, как все?

— В книгах и есть настоящая жизнь.

Но Никифор неодобрительно относился к моему поведению.

— А вчера тебя опять видели с этим агарянином. Неприлично!

— С Сулейманом?

— С Сулейманом.

— В чем же дело?

— Что тебе надо от этого врага христиан?

— Мы беседовали с ним о путешествиях. Сулейман хорошо знает греческий язык, любит Аристотеля. Он рассказывал мне о Дамаске и Иерусалиме. Даже об Индии. Это — путешественник, астроном, любитель красивых вещей. Он как-то сказал мне, что мы плохие наследники Платона. Но на это я ответил, что мы, однако, блестяще разрешили проблему купола... Сулейман в юности совершил путешествие в страну шелка. Там живет странный народ, отличающийся необыкновенной вежливостью, и очень мудрый.

Ксифий смотрел на меня как на безумного.

— Все-таки он враг. Тебе лгут, а ты внимаешь подобным вещам, — сказал он, и я понял, что не стоит метать бисер перед свиньями.

Работы по оснастке и вооружению кораблей приближались к благополучному окончанию. Однажды я был в порту, наблюдая за смоловарами. Опять явился Никифор Ксифий в сопровождении каких-то иноземцев. Я старался припомнить, где я их видел. Потом вспомнил. Это было во время шествия в Трибунале. Один из них, юноша с красным пером на шляпе, похожей на колпачок, сказал тогда своим соотечественникам по-итальянски, очевидно по поводу наших воинов: «Оружие у них плохойковки и легковесное. Больше знамен, чем копий...»

Подойдя ко мне, Ксифий шепнул:

— Это латыняне, прибывшие из Флоренции по Торговым делам.

Итальянцев было трое. Самый молодой из них. Лука Сфорти, происходил, вероятно, из патрицианской семьи. Он был в зеленой тунике и в черном коротком плаще. Голени его были обтянуты, как у плясуна, сырыми тувеями, а на ногах прихотливо загибались острые носки желтых итальянских башмаков. На поясе у него висел кошелек из черного шелка, полный серебряных монет, как потом я узнал. Маленькая черная шляпа с красным длинным пером довершала этот красивый, но не очень благопристойный для наших глаз наряд. Сфорти был молод, румян, беззаботно улыбался среди чужих людей, красивый юноша с черными кудрями до плеч. По всему было видно, что это расточитель отцовского богатства, блудный сын. Остальные двое были значительно старше его и одеты не так нарядно, но с такими же кошельками у пояса. Они были купцы.

Юноша снял шляпу и непринужденно поклонился мне. Ксифий смотрел на него с таким видом, как будто гордился своим гостем.

Я стоял на потрепанном коврикe, который мне постлали на грязном помосте пристани, патрикию и друнгарию императорских кораблей. На моих плечах была старая хламида, которую не жаль было носить в порту, где всегда можно испачкать одежду смолой. Не до красоты было в такое время! Меня занимали государственные заботы. Я наблюдал, как корабельщики смолили огромный корабль. Он назывался «Жезл Аарона».

Ксифий, любитель греховного времяпрепровождения, бывавший в Италии, хорошо знавший

тамошние обычаи, тихо сказал мне:

— Надо показать гостям наши злачные места. Они люди молодые и не откажутся от чаши вина.

Сфорти слышал его слова и улыбался. Великолепные зубы его сверкали.

— Пойдем сегодня в Зевгму, Ираклий, — предложил Ксифий.

Я отстранил его рукой.

— Как тебе не стыдно думать о подобных вещах! И в такое время! В нашем ли звании посещать кабаки? Предоставь это грубым корабельщикам...

Но дьявол бродит не в пустынных местах, а во дворцах, поблизости от церквей и монастырей, там, где высокие помышления.

Когда стемнело, мы надели плащи с куколями и, как воры, пробрались в запретный квартал, над воротами которого сохранилась статуя Афродиты. Здесь часто происходили драки, убийства и ограбления.

— Сюда, сюда! — показывал нам путь Никифор Ксифий, очевидно хорошо знавший эти места.

Нагибаясь, мы вошли в низкую дверь какой-то таверны. В помещении пол был густо посыпан опилками. Чадили вонючие светильники. Самого разнообразного вида люди — корабельщики и наемники дворцовой стражи, гуляки и портовые грузчики — сидели за столами и пили вино из глиняных чаш. Им прислуживали растрепанные женщины. Смуглые, белокурые, рыжие, толстухи и худощавые, на все вкусы. Они охотно смеялись.

Мы уселись за свободный стол, с которого одна из женщин лениво смахнула тряпицей остатки пищи и хлебные крошки. Мне показалось, что эти глаза я тоже видел однажды, но не мог припомнить, где и когда. Она равнодушно молчала, глядя куда-то в сторону, пока мы требовали принести нам хорошего вина. А потом, не произнеся ни единого слова, ушла, и в ее худобе было что-то трогательное, хотя это была блудница, каких тысячи в портовых кварталах.

Старуха, только что подсчитывавшая медные монеты, подошла к Ксифию и стала ему о чем-то шептать.

— Таких красавиц и у багдадского калифа нет, — сказала она в заключение и прищелкнула языком.

— Потом, потом! — отмахнулся от ее назойливых предложений Ксифий, с опасением поглядывая на меня. — Сначала пусть нам подадут вина. И не какую-нибудь кислятину, а из старой амфоры.

— Ладно, — согласилась старуха.

Я знал, что мой друг был легкомысленным человеком и любил всякого рода приключения. Молодые итальянцы тоже с любопытством осматривали помещение и находившихся в нем людей. Женщины, оценив молодость и богатый наряд иноземцев, умильно им улыбаются. Судя по всему, Сфорти понравилась полная белокурая женщина с серыми и как бы сонными глазами. Свои обильные волосы она стянула красным платком. Сфорти попробовал завязать с нею знакомство, что было нетрудно сделать, но Ксифий остановил пылкого юношу:

— Сначала выпьем вина.

Итальянец покорился, осушил, не отрываясь, кубок, хотя и поморщился.

— Что за манера подмешивать в вино вонючую смолу!

— Это полезно для здоровья, — пояснил Ксифий.

— Но отвратительно на вкус.

— Да, — заметил один из купцов, по имени Марко, тот, что был, кажется, самым рассудительным среди них и скромным по своим выражениям, — если говорить откровенно и никого не обижая, то мое небо не привыкло к таким напиткам.

— А рыбный соус! — поднял обе руки Бенедетто, второй купец, полный человек с бритым желтоватым лицом и тяжелыми веками. — Ваша кухня наполняет зловонием весь город. Как вы можете есть такую гадость? Нас угощали у епарха — баранина в рыбном соусе, с чесноком и луком!

— У вас тоже любят острые приправы, — отозвался Ксифий. — Но это еще ничего, а вот жить у нас действительно скучновато. Хорошо в Италии! Музыка, за столом пьют вино, и тут же сидят синьоры! Красавица бросает цветок с балкона, и влюбленный юноша прижимает его к устам. А у нас женщины томятся, как в тюрьме, в гинекеях. Скучная жизнь! Плети свистят в воздухе. За любую вину — ослепление... И еще падение ниц, ползаешь у пурпурных башмаков...

— Смотри, не ослепили бы тебя за такие речи, — предостерег я друга.

— Плети и у нас свистят, — рассмеялся Марко.

— Может быть, для смердов, а не для людей благородного звания, — сказал Ксифий и потыкал в воздухе пальцем.

Молодой итальянец, которого звали Сфорти, уже выпил несколько кубков вина. Вино было крепкое, с острова Хиоса, и юноша опьянел. Стукнув кулаком по столу, он надменно заявил:

— Никто не посмеет у нас ударить плетью человека благородного происхождения!

Марко, очевидно, более здраво смотрел на вещи и пожал плечами:

— Всякое бывает.

— Мы терпим многое, — заметил я, — потому что служим великой цели. Вот почему мы переносим лишения и сражаемся с мечом в руках.

— Вам псалмы петь, а не носить меч! — разразился пьяным смехом Сфорти.

— Золотом и лукавством вы поднимаете на свою защиту варваров, воюете оружием наемников.

Ксифий нахмурился, а мне пришло в голову, что не так уж далек Сфорти от истины.

— Поражали и мы полчища сарацин, варваров, лангобардов и прочих, — сказал Ксифий.

— Поражали греческим огнем, — не унимался юноша, — а попробуйте сразиться с варварами в открытом поле! Вам не устоять против их натиска, и вы побежите, как овцы.

Ксифий вскочил и с ненавистью посмотрел на Сфорти. Разговор готов был превратиться в пьяную ссору. Мы и заметить не успели, как вино отуманило наши головы. Ксифий кричал:

— Не важно, какими способами добывается победа — оружием или хитроумием логофетов!

— Важно, ради чего проливается кровь, — поддержал я его.

— Ромеи проливают ее ради истинных догматов. Мы — ромеи, что значит римляне! — наступал Ксифий на итальянца.

Соседи, корабельщики или люди из предместий, тоже готовы были вмешаться в драку. Раздавались выкрики:

— Латыняне! Причащаются опресноками!

— Какие вы римляне? — не уступал итальянец. — Вы греки. Это мы римляне, и наш господин есть император священной Римской империи!

— Вы не римляне, а франки, ломбарды, саксы. То есть варвары. Рим находится в запустении. На форуме бродят козы. Я видел. Всюду развалины и полынь. И у вас неправильно совершают крестное знамение.

— А вы совершаете великий выход против солнца! От вас все ереси.

— Вы же будете гореть в геенне огненной.

— Это вам придется в аду щелкать зубами, глядя, как мы наслаждаемся в раю. Ваш патриарх носит палий по милости папы. Пожелает римский папа...

— Ну, заткни глотку, молокосос! — не выдержал Ксифий и схватил молодого итальянца за одежду. — Скажу одно слово кому следует, и тебя бросят в темницу за оскорбление величества и патриарха.

— Герои! — издевался Сфорти. — Любому варвару продают своих принцесс!

Очевидно, он намекал на переговоры с русским князем. Об этом говорили в порту, на рынках и в тавернах.

— Этого не будет! — воскликнул я.

— А болгарам вы разве не отдали дочь Христофора?

— Во-первых, — пытался я спорить, — дочь Христофора не была Порфиригенитой. Во-вторых...

— Во-вторых, все вы лжецы...

Я был пьян, как последний корабельщик. Обняв голову руками, я сидел за столом в каком-то блаженном забытьи и не находил слов, чтобы достойно ответить заносчивому мальчишке. Что ему известно о римлянах. Разве он может понять величие нового Рима?! Не станет нашего града, и на земле наступит мрак.

Прислушивавшиеся к ссоре простолюдины окружили нас толпой. Какой-то пьяненький человек с красным носом, судя по внешнему виду скриба или церковный прислужник, подзадоривал огромного рыжеусого наемника:

— Как можешь ты терпеть такую хулу на ромеев! Пойди и ударь его твоей десницей!

Марко, по-видимому очень осмотрительный человек, пытался успокоить Ксифия и Сфорти, готовых пустить в ход кулаки. Опытная в таких делах трактирщица тоже принимала меры, чтобы предотвратить драку: она видела, что мы не простые корабельщики, и с нами были

иностранцы, а повреждение тела в подобном случае могло вызвать неприятности. Она что-то шептала своим девчонкам, показывая на нас пальцем. Полная белокурая женщина подошла и обняла за шею Сфорти.

— К чему эти пустые споры, юноша! — привлекла она его к себе.

Ее короткая одежда оставляла обнаженными белые, нежные ноги. Она была голубоглазая и с синеватым румянцем на щеках. Такие женщины приезжают к нам из страны франков.

Ксифий тоже улыбался ей. Но итальянский юноша не хотел уступить, отталкивал спафария, плакал пьяными слезами. Я смотрел на эту суету угасающими глазами и шептал:

— Анна! Анна!

Ко мне подошла служанка, подававшая вино, почти девочка, смугловатая, и эта смуглота оттеняла блеск ее зубов. Она отличалась худобой, и в ней ничего не было привлекательного, но ее огромные глаза и ресницы мне что-то напоминали.

— Анна! Анна! — повторял я.

— Что ты говоришь? — удивилась она. — Меня зовут не Анной. Мое имя — Тамар.

— Тамар означает на каком-то языке пальму. Тамар!..

Мне было грустно от вина и оттого, что я губил свою душу, оттого, что уже, видимо, не было никакой надежды на спасение. Казалось, что опьянение сняло с меня все то, что опутывало меня в ромейской жизни. Тоненькая Тамар напоминала мне о прекрасных глазах Анны. Вокруг шумели и горланили пьяные. Брошенный кем-то в драке кувшин с грохотом ударился в стену и разбился на мелкие черепки. Я слышал, как Тамар сказала буяну:

— Осел!

Но, обращаясь ко мне, прибавила шепотом:

— Здесь для тебя не безопасно. Пойдем со мной!

Под утро я покинул Тамар. Ксифий и итальянцы исчезли. Но я не стал разыскивать их, вышел на улицу, огляделся, как вор, по сторонам и быстро направился домой.

Посадив на корабли шестьсот воинов — это было все, что мог дать мне великий доместик, — погрузив военные припасы, сосуды с огнем Каллиника и двенадцать тысяч медимнов пшеницы на тот случай, если бы оказались пустыми зернохранилища осажденного города, и вознеся хвалу господу, сотворившему небо, землю и морские пучины, мы подняли паруса и проливом Георгия вышли в Понт Эвксинский. Четырнадцать дромонгов, семь хеландий и два торговых корабля, приобретенных у генуэзских купцов, отплыли на одоление врагов.

Нас провожали напутственными речами и благословениями. Накануне отплытия василевс принял меня втайне и разъяснил, как я должен был поступить во всех вероятных случаях. Пришел на пристань, чтобы пожелать мне счастливого пути, и Димитрий Ангел. В минуты расставания, весь в мире своих мечтаний, он говорил мне что-то о споре с маститым стихотворцем Иоанном Геометром, но я пропустил его слова мимо ушей, так как был занят более важными делами. В лицо нам уже веял морской ветерок. Озаренный зарей купол Софии, розоватый и совершенный по форме, стал медленно уплывать в облака. Одна за другой скрывались крепостные башни; церкви, сады и дворцовые здания плыли мимо и кружились за кормой.

Соблюдая всяческую осторожность, корабли медленно прошли мимо Диплоциония, и вдруг свежий ветер Понта наполнил упругим дыханием огромные красные паруса.

Я находился на головном корабле «Двенадцать апостолов». На корме трепетала пурпурная хоругвь с изображением богородицы — охранительницы города Константина. Над ее главой сиял полумесяц со звездой внутри — знак Артемиды-звероловицы, богини луны. Однажды она спасла Византию от нашествия Филиппа, и в благодарность жители назвали в честь богини залив Золотым Рогом.

Рядом со мной на помосте стояли мои спутники — магистр Леонтий Хрисокефал, с которым не разлучала меня судьба, и протоспафарий Никифор Ксифий. Я упросил послать этого воина в Херсонес, чтобы заменить меня в случае, если мне суждено было погибнуть преждевременно.

Корабельщики грубыми голосами нестройно затагнули: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!»

Позади шли в походном порядке остальные суда, напоминая стаю гигантских птиц. В ответ на наши молитвы оттуда тоже доносилось церковное пение. Следуя за кормой моего дромона, величественные корабли один за другим огибали пустынный мыс. Первым сделал широкий поворот «Жезл Аарона», за ним последовали «Святой Иов» и «Победоносец Ромейский». Остальные скрывались в утреннем тумане.

Так плыли мы два дня и две ночи.

В пути мы часто беседовали с магистром Леонтием и Никифором о трагическом положении в мире. Леонтий, поседевший на ромейской службе, хорошо знал состояние дел в Таврике, Скифии и соседних странах. Всего год тому назад он возглавлял посольство, отправленное в тяжелую минуту к русскому князю. Пройдя пороги и избежав опасности со стороны кочевников, магистр Леонтий поднялся по Борисфену в Киев, который хазары называют Самбатом, подсчитал силы руссов, осмотрел их города и склады товаров, и теперь мы с большим интересом расспрашивали магистра о его путешествии, князе Владимире и Херсонесе.

В данное время этот город сделался центром мировых событий и поэтому был главной темой наших разговоров. В существовании ромейского государства Херсонес всегда играл огромную роль. Отсюда мы получаем в большом количестве дешевую соленую рыбу, которой кормится бедное население столицы, соль и необходимых для наших войск коней. Херсонес является местом, где скрещиваются торговые пути из Азии в Скифию, а из Скифии к берегам Понта. Этими путями с необыкновенной предприимчивостью пользуются русские, хазарские, греческие и даже сарацинские купцы. Ладьи, караваны верблюдов или запряженные медлительными волами повозки везут в Херсонес самые различные товары. Из глубины Азии сюда доставляют шелк и индийские специи, особенно перец, а потом переправляют в Константинополь или на Запад. Отсюда важная торговая дорога лежит в Киев, в другой славянский город — Фрагу, где много каменных зданий, в Саксонию и города на Рейне. На обратном пути торговцы останавливаются в Самакуше или поднимаются по Танаису в Хазарский город, где среди шатров из верблюжьей шерсти стоит дворец кагана, платят ему десятину и проникают в Хазарское море. Переплыв его, они выходят на персидский берег, грузят товары на верблюдов и доставляют в Багдад меха. Из Багдада они везут в Скифию цветные материи, финики, сушеные смоквы и рожцы.

Но в последние годы этот вековой кругооборот золота и товаров превращается в хаос. В необозримых степных пространствах передвигаются огромные орды кочевников, ищущих новых пастбищ и лучшей участи. Номады не сеют и не жнут, а разводят крупный и мелкий скот и питаются мясом и молоком животных, а из шкур изготавливают огромные повозки, в

которых они передвигаются с женами, детьми и рабами и со всем домашним скарбом. Жизнь их полна перемен и движения, и иногда я спрашиваю себя: не счастливее ли они нас, запертых в каменных городах?

Кочевники часто нападают на купеческие караваны — поэтому торговля в последние годы терпит большой ущерб, и в связи с этим беднеют приморские города. Понимая важность торговых сношений с греческим миром и с Багдадом, Владимир прилагает все усилия, чтобы сделать степные пути безопасными. Его владения огромны и полны богатств всякого рода. На берегах русских рек стоят многочисленные города, где живут искусные ремесленники. Русские пахари сеют жито или пшеницу, охотники занимаются звериными левами, а бортники ищут в лесах мед диких пчел. Но знатные люди промышляют торговлей, однако приобретают и села, и смерды обрабатывают их нивы.

В зимнее время, когда замерзают реки и установившийся санный путь позволяет привезти в Киев меха с погостов Древлянской земли и других областей, он собирает дань, продает меха и на эти деньги содержит воинов.

О том, что происходит в русских лесах и болотах, мы отчасти знаем из описаний Константина Багрянородного, хотя сведения эти в значительной степени устарели.

Вот что писал об этом царственный автор.

В месяце, который называется сечь, прекрасные северные леса наполняются стуком секир. Это жители тех областей — кривичи, лутичи и остальные славяне — рубят в зимних рощах деревья, главным образом ивы и липы, так как они легче поддаются обработке, и выдалбливают из них однодревки, как руссы называют изготовленные из одного ствола лодки. А когда начинается таяние снегов и освобождаются ото льда реки, они выводят эти утлые челны в ближайшие заводы. Но так как эти реки впадают в Борисфен, то возможно провести водою однодревки до Киева, где лесорубы продают их местным купцам, которые снимают со старых, пришедших в негодность ладей весла, мачты, кормила, железные уключины и другие снасти и снаряжают купленные однодревки. В месяце, когда уже поют кузнечики, купцы плывут до города Витичева, а оттуда, когда соберутся все ладьи, отправляются через пороги в Понт Эвксинский и, укрепив свои неустойчивые ладьи досками или связками сухого тростника, поставив мачты и подняв паруса, бесстрашно плывут в Константинополь.

Но не всегда они были мирными гостями. Неоднократно, подобно хищным волкам, руссы спускались на тысячах челнов в Понт, разоряли Амастриду, появлялись даже под самыми стенами Константинополя, как это было, например, в дни Олега, и тогда приходилось откупаться от них золотом. Однако с помощью мидийского огня ромеи обычно отражали варваров, а бури топили их непригодные для морского плаванья ладьи. Но вот теперь снова народы с изумлением повторяют имя Владимира.

Леонтий рассказывал нам о нем любопытные подробности. Князь был сыном Святослава, того скифского героя, с которым сражались Варда Склир и Иоанн Цимисхий, как мы рассказывали в свое время. Русский герой погиб на порогах во время предательского нападения кочевников. Они оковали его череп серебром и сделали из него чудовищную чашу, из которой пили во время пиров хмельное молоко степных кобылиц. Матерью Владимира была, по слухам, некая женщина по имени Малуша, прислужница Ольги. О приеме Ольги, замечательной и мудрой правительницы, приходившейся Владимиру бабкой, я читал в «Книге церемоний», и о ней существует много легенд, вроде хитроумной истории о том древлянском городе, который она сожгла, взяв с горожан дань по голубю и воробью от дома, чтобы привязать к их хвостам зажигательный состав и таким образом сжечь непокорный город, так как птицы возвратились в свои гнезда.

Под свист ветра в корабельных снастях магистр рассказывал нам о событиях, которые совсем недавно происходили в Скифии, как мы привыкли называть страну руссов. Осторожный, ненавидящий латынян и опасавшийся варваров, магистр не без тревоги говорил о планах Владимира. Мы спрашивали:

— Не от латынян ли принял крещение русский князь?

— С какой целью посылает римский папа посольство в Киев?

Магистр ничего не мог ответить на эти вопросы.

Жизнь Владимира была полна превратностей. После Святослава, погибшего на Борисфене, осталось три сына. Ярополк сидел в Киеве, Олег — в дикой стране древлян, Владимир — в богатом и торговом городе Новгороде, в котором было много варягов.

Дальнейшие события разыгрались таким образом. Ярополк пошел войной на Олега и захватил его земли. Олег погиб. Это происходило в Овруче. Олега столкнули с моста в ров, когда он хотел спастись в городе, и его задавили трупы коней и людей. Ярополк заплакал, когда нашли тело брата, и сказал варягу Свенельду, уговорившему его на войну: «Этого ты хотел?»

Опасаясь за свою участь, Владимир бежал в страну Олафа, чтобы наембовать там большой отряд варягов, используя золото, которое собрали для него новгородцы. Вернувшись с наемниками в Новгород и вооружив большое новгородское войско, он напал на Полоцк. В Полоцке правил Рогвольд. Владимиру хотелось взять в жены его дочь Рогнеду, просватанную уже за Ярополка.

Отец красавицы заперся в городе и сказал:

— Не боюсь новгородских плотников!

А на предложение выйти замуж Рогнеда ответила с городской стены:

— Не хочу развязывать обувь у сына рабыни!

У руссов существует обычай, по которому в первую брачную ночь жена развязывает ремни на обуви мужа, чтобы показать свою покорность его воле.

Слушая Леонтия, я представлял себе эту необузданную скифскую любовь, дикую страну, где шумят дубы и кукуют кукушки, белокурую красавицу на бревенчатой стене, а под стеной новгородский лагерь и звон гуслей — и понимал, что это совсем другой мир, чем наше ромейское государство, и что страсти пылают здесь, как в трагедиях Софокла.

Любовь Владимира или, вернее, новгородское войско оказались сильнее городских укреплений. Полоцк был взят, Рогвольд зарублен, а гордая девушка развязала обувь у сына Малуши. Затем двинулся Владимир с Добрыней на Ярополка, которому изменили собственные воеводы, осадил брата в Родне, и во время осады в этом городе людям было так тяжело, что у руссов до сего дня существует поговорка: «Худо, как в Родне». Ярополка убили мечами два варяга, Владимир сделался единовластным господином Русской земли.

Но он не успокоился на этом, воевал с ляхами, присоединил к своим владениям многие города у подножия Карпат, ходил войной на восточных болгар. В своих походах воинов он переправлял на ладьях, а конницу, которая играет все большую и большую роль на полях сражений, водил берегом. Потом он помогал дунайским болгарам в войне против ромеев. Теперь осадил Херсонес.

Беременную жену Ярополка, гречанку родом, Владимир взял себе ради красоты ее лица. Она

родила сына, которого называли Святополк. Но у Владимира было много других жен и наложниц, и по женолюбию, рассказывал Леонтий, это был второй Соломон.

Погода была тихая, на море почти не наблюдалось волнения. Корабельщики расстилали на помосте ковер, и мы беседовали о судьбах мира. Обычно моими собеседниками были магистр Леонтий, Никифор Ксифий и библиотекарь херсонесского епископа, монах Феофилакт, великий книголюб, кроткий человек, испортивший свое зрение чтением и перепиской книг. Он был застигнут событиями в Константинополе, но, опасаясь за библиотеку, воспользовался удобным случаем и бесстрашно возвращался в осажденный город.

Леонтий, сложив руки на животе, говорил:

— Все человеческие дела имеют своим побуждением выгоду. Золото — кумир всех людей. Оно не знает ни границ, ни религии. Сегодня оно в золотохранилище василевса, завтра в руках у хазарских каганов, потом в Багдаде. Это оно заставляет людей вставать на заре, отправляться в дурную погоду в дальний путь, где человека, может быть, поджидают разбойники и воры. Но золото необходимо государству. Вот почему так тяжки налоги.

Ксифий смеялся от души:

— Да, что касается налогов, то их у нас немало.

В ответ Феофилакт стал загибать пальцы:

— Поземельный, подушный, подымный, мытный, налог с пастбищ, налог на скот, на пчел...

Но пальцев не хватало, и он прекратил подсчитывать.

— Золото — двигатель торговли и государственной машины. Все остальное — химеры, — произнес с горькой усмешкой Леонтий. — Такова жизнь, и на песке нельзя строить здания...

Я вспомнил, с какой настойчивостью собирает деньги в государственную сокровищницу Василий, но не выдержал и прервал магистра:

— Ты, конечно, прав, такова жизнь... Но есть нечто более высокое, чем золото, расчеты торговцев и нажива.

Вспомни, сколько раз ромеи проливали кровь ради высоких целей. Читай у Георгия Амартола, какая радость овладела сердцами людей, когда удалось вырвать из рук неверных хитон Христа! Только тот народ достоин славы, который ставит перед собой великие задачи, а не заботится о брюхе.

Леонтий поморщился.

— Ты, может быть, прав, но если покопаться хорошенько, то всюду ты найдешь стремление к пользе.

Феофилакт, бородатый, как древний мудрец, произнес с печалью:

— Богатые думают о наживе, строят дворцы, а бедняки умирают от голода.

— Как же обойтись без купцов? — простодушно заметил Ксифий. — У одних есть рыба и нет соли, чтобы ее посолить, у других есть бобы, но нет горшка, чтобы сварить пищу...

Феофилакт перебил его:

— Посмотрите, что творится в мире. Помните, у Иоанна Геометра:

Весь урожай погиб на поле, Как уплатить теперь мой долг Жестокому заимодавцу?

Как прокормлю детей, жену?

Кто подати теперь внесет В сокровищницу василевса?

Я знал эти стихи — они назывались «На разлуку с родиной», в них стихотворец изображал страдания бедных и угнетенных.

Феофилакт говорил.

— Сборщик податей, пользуясь простотой поселянина, берет с него неполагающиеся фоллы, и люди ослепли от слез.

Подпирая голову, тяжелую от сомнений, я не знал, что ответить Феофилакту. Люди уходят в тихие монастыри, чтобы спасти душу постом и молитвами. Уйти туда? Но не значит ли это покинуть в трудную минуту василевса и товарищей по оружию? Нет, будем тянуть ярмо, пока хватает сил. Я знаю, не так-то легко сделать мир справедливым и удобным для жития. Пусть жадные думают о наживе, а раболепные ползают на брюхе! Когда-нибудь и их поразит гнев небес.

— Не ради временных благ мы страдаем, а для того, чтобы небеса озарили светом землю, грубую и жалкую, — сказал я.

— Ты начитался Платона, мой друг, — заметил магистр.

— Наша цель — преуспевание ромейского государства. Нельзя без страданий служить великому делу...

— А где же завещанная нам милость к падшим и убогим? — спросил с мягкой улыбкой Феофилакт.

У меня закипало на сердце.

— Пусть страдают! — крикнул я. — Сейчас не до страждущих. Ты видишь, все рушится у нас под ногами. Сама земля колеблется. Люди жрут, спят, удовлетворяют свои естественные надобности и воображают, что они венец творения.

— Жестокое сердце у тебя, патрикий, — покачал головой Феофилакт.

— А почему они не хотят оторваться от корыта? Почему они не хотят стать в наши ряды? Только воины в эти дни достойны преклонения. Помнишь, Никифор Фока требовал от церкви, чтобы были причислены к лику святых все павшие на поле брани? Ему отказали. Патриарх говорил, что среди павших могут быть грешники и даже еретики. А по-моему, кровь воина смывает все грехи и все заблуждения. Подвиг его, отдавшего свою жизнь за других, выше, чем молитвы епископа. Слишком высока цель, за которую они умирают.

— Какая цель? — спросил тихо Феофилакт.

Я не привык принимать участие в спорах, был плохим диалектиком и не знал, как высказать словами то, что я чувствовал всем своим существом. Феофилакт ждал ответа. Я ему сказал:

— Понимаешь? Мы страдаем, чтобы на земле не угас светильник.

— Светильник есть церковь, — с убеждением ответил монах.

— Не только церковь, но и другое. Диалоги Платона, которые ты сам читаешь тайком от епископа. А разве ты не будешь жалеть, если погибнет в Херсонесе твоя библиотека?

Я затронул болезненное место у собеседника. Теперь лицо его выражало беспокойство.

— Ты думаешь, книги могли погибнуть?

— Все может быть, когда свирепствует война.

— Какие книги! — схватился руками за голову Феофилакт. — «Шестоднев» Василия Великого! С изумительными украшениями! Золотом и красками. «Трактат о постройках» и «Тайная история» Прокопия Кесарийского... Павел Силенциарий, воспевавший красоты Софии... Фукидид и Аристотель...

— А Платон?

— Есть и Платон и Прокл...

— Вот видишь! Погибнет государство ромеев, и некому будет защищать твоего Прокла...

Магистр Леонтий с его обычной улыбочкой произнес:

— Мы погибнем, но будут другие светильники на земле. У тебя много гордыни, Ираклий. Вспомни, какие государства погибали. Всему свой черед.

— И никого не хочет пожалеть патрикий, — прибавил монах.

— А они нас жалеют, когда мы погибаем? — ответил я ему.

Как обычно, разговор снова вернулся к рассказам о Владимире. Меня удивляло, как мог этот непросвещенный человек, варвар, может быть еще совсем недавно приносивший человеческие жертвы своим скифским богам, совершить предприятие, начатое им с таким успехом. Библиотекарь Феофилакт рассеял мои недоумения.

— У вас в константинопольских оффициях имеют довольно смутное представление о стране руссов. Вас интересует только, какую пользу вы можете извлечь из их оружия. А я родом из Херсонеса, где по торговым делам бывает много руссов, сорок лет прожил в этом городе, отлично знаю пресвитера Анастаса, который переписывал книги для богатых русских купцов, принявших крещение. В епископской библиотеке хранится Псалтирь, написанный русскими письменами. Сам Владимир читает книги. Подумай: как мог бы властитель такой обширной страны править многими народами, издавать законы и заключать договоры, не зная грамоты? Уже его бабка была христианкой и собирала книги, и я своими собственными глазами видел, как русские торговцы мехами и перцем заключают в Херсонесе торговые сделки в письменном виде. В Киеве — тысячи иноземных купцов, из многих стран, и там отлично знают о Константинополе, Херсонесе, Ани и других городах и любят слушать рассказы странников. Русские торговые люди охотно совершают путешествия вплоть до Багдада и не уступают никому в производстве оружия или украшений, но еще не научились строить каменные здания, так как их страна обильна лесными материалами.

Этот человек говорил убедительно и разумно, и я с удовольствием слушал его.

Никифор Ксифий, потягиваясь и собираясь отойти ко сну, сказал:

— Хотел бы я знать, что происходит сейчас под стенами Херсонеса...

По словам Феофилакта, русская страна переживала в настоящее время большие перемены. Первоначально Владимир пытался возвысить древних славянских богов и укрепить веру в них, поставив недалеко от своего дворца идолов и принося им жертвы. Но вскоре его внимание привлекли к себе другие боги. По этому поводу ходят любопытные рассказы. Говорят, что русского князя пытались склонить в свою веру болгарские мусульмане с реки

Камы и будто бы описание магометанского рая с гуриями весьма понравилось женолюбивому князю, но, узнав, что закон Магомета запрещает вкушать вино, он ответил болгарам: «Руси есть веселие пити!» Властелины хазар уже давно приняли иудейскую веру. Будто бы пытались и они обратить Владимира в иудейство. Но он отверг и это, так как иудеи находятся в рассеянии. Затем якобы князю пришлось беседовать с греческим философом, который рассказал ему историю сотворения мира, жизнь и страдания Христа и в заключение показал картину Страшного суда, на которой были красочно изображены праведники, идущие в светлый рай, и грешники, претерпевающие ужасные муки в аду, и будто бы эта картина произвела на князя сильное впечатление, что вполне возможно, так как у варваров есть что-то от детей.

Были, вероятно, у русского князя и более веские соображения, которые склоняли его к принятию христианства. Он не мог не видеть, что христианскую религию исповедуют самые могущественные и богатые народы и что язычникам грозит участь остаться в стороне от мирового потока жизни. Однако Владимир советуется во всех важных государственных делах с городскими старейшинами и боярами, и те сказали ему:

— Господин, каждый хвалит свою веру. Если ты хочешь узнать, какая из них самая лучшая, пошли разумных людей в разные земли, и пусть они исследуют, какой народ достойнее поклоняется божеству.

Владимир отправил послов. Они побывали в различных странах — у болгар, у немецких католиков, даже в Риме. Но больше всего им понравились храм Софии в Константинополе и греческая литургия, которую для них служил сам патриарх. Великолепие храма, богатые облачения, убранство алтарей, красота живописи и мозаик, благоухание фимиама и сладостное пение пленили варваров. Вернувшись в Киев, они рассказывали князю:

— Мы не знали, где находимся, на небе или на земле. Всякий человек, вкусив сладкого, не захочет горького. Так и мы. Не хотим иной веры, кроме греческой.

Вспоминая роскошь Софии, я охотно верил восторгу варваров. Необыкновенное волнение охватывает человека, когда он поднимает взоры к куполу, наполняющему храм светом и воздухом, ибо ничего подобного этому храму нет и не было на земле...

Так мы плыли два дня и две ночи. На третью ночь я решился на смелое предприятие. Отправляясь в Таврику, мы не придерживались обычая торговых кораблей идти мимо Месемврии, а затем вдоль мизийского берега, но по выходе в Понт повернули на восток, миновали Гераклею и Амастриду, которую мореходы называют оком Пафлагонии, и у мыса Карамбиса пошли на полночь, оставив землю за кормою.

Перевал через Понт Эвксинский совершается определенным образом. Как известно было еще Страбону, особенность этого моря заключается в том, что на нем существуют неизменные зефиры, днем они дуют с моря на материк, ночью — с берега в сторону моря. Чтобы использовать эту особенность природы, мы и повернули от берегов Пафлагонии ночью, чтобы плыть с попутным ветром и дойти с его помощью до середины Понта, где с наступлением дня другой ветер продолжал бы нести нас в Таврику. Расчет был точным и предусмотренным в мореходном трактате Птолемея, но простые корабельщики и воины, не знакомые с наукой о кораблевождении, оставляя позади земную твердь и пускаясь в опасное плавание, трепетали за свою жизнь. Не удалось выяснить, кто был зачинщиком этого дела, но они столпились в большом числе передо мной и вопили:

— Ты погубишь наши души! Молим тебя повернуть назад!

Как умел, я увещевал неразумных и доказывал им, что такое плавание не представляет собой никакой опасности и что завтра же они увидят противоположный берег Понта.

Недовольные разошлись, но ворчали, что я кудесник и веду корабли с помощью магии, и слабодушные плакали, как дети.

Небо было в звездах. Я без труда находил среди них Большую и Малую Колесницу. Проводя умозрительную линию по небу, я определял Полярную звезду. Она стояла над Херсонесом и указывала нам путь. А я спрашивал себя: что двигает моими поступками? Корысть? Честолюбие? Или помыслы о вечном спасении? Даже наедине с собой я не находил ответа, но мне казалось, что я, как вол, влеку некое ярмо.

Вместе со звездами сияли глаза Анны, и я не знал, несчастье или радость я нашел на земле, увидев эти глаза. Я потерял покой навеки. Но была какая-то сладость в беспокойстве, что овладело всем моим существом с тех пор, как ее встретил, и я готов был благодарить судьбу за свои муки.

Но мы уже приближались к цели нашего путешествия. Ночью все плывущие стояли на помосте и со страхом смотрели на звездное небо. Думал ли я, изучая астрономию в Трапезунде, что это послужит мне на пользу для кораблевождения?

Я тоже не сомкнул глаз, так как настроение на корабле было тревожное и я знал, что корабельщики всегда готовы к возмущению, и опасался неповиновения.

Ночь казалась необычайно длинной. И хотя звезды вполне убеждали меня в правильности взятого кораблями направления и ветер продолжал быть благоприятным, на душе у меня было беспокойно.

С наступлением рассвета ветер, дувший нам в корму, стал ослабевать. Однако я знал, что с его помощью мы уже дошли до середины Понта и что скоро начнет дуть ветер, веющий в дневное время в сторону Таврики, и, таким образом, мы благополучно будем продолжать наше плавание. Действительно, вскоре корабельщики увидели вдали узкую полосу земли и возблагодарили небо за спасение, а пафлагонский берег как бы растаял в тумане...

Я был в этот час в своей камере и услышал топот босых ног на помосте. На лесенке, что вела в мое помещение, вдруг показались сначала знакомые желтые башмаки протоспафария Никифора, потом появился он сам и стал кричать, наклоняясь ко мне:

— Поднимись скорее, виден берег Таврики!

Я поспешил наверх в крайнем волнении. Корабли пересекли Понт! На помосте люди тоже волновались и указывали руками в ту сторону, где находился Херсонес. Некоторые влезли на мачты и кричали, что уже появился мыс Парфений.

Земля медленно приближалась. Мы смотрели на нее с надеждой в сердце. Уже возможно было рассмотреть некоторые подробности береговых очертаний. По-видимому в своем движении мы несколько отклонились на восток. Можно было предположить, что скалы, которые мы явственно видели перед собой, возвышались недалеко от гавани Символов. Херсонес должен был находиться значительно левее. Города еще мы не могли увидеть в утреннем тумане.

Вскоре остров Климента как бы поплыл нам навстречу. Мыс Парфений далеко выступал в море, и можно было разглядеть в утренней морской дымке развалины на нем. Это блистали мрамором колонны древнего храма Артемиды-звероловицы, покровительницы Херсонеса. Может быть, именно сюда приплыли мореходы из Гераклеи и с острова Делос и привезли священный огонь, не угасавший в этом храме в течение веков. Жрицей в нем была Ифигения, дочь Агамемнона и Клитемнестры. Царь поразил на охоте лань, посвященную Артемиде, и богиня послала ахейским кораблям безветрие, когда они плыли под Трою. Прорицатель Калхас настоял, чтобы в жертву принесли дочь царя Ифигению. Но богиня сжалилась над

несчастной и заменила ее ланью, а девушку унесла в облаке в Таврику. Здесь Ифигения перед деревянной статуей богини умерщвляла корабельщиков, занесенных к этим берегам бурей. Здесь ее нашел брат Орест. Что случилось с нею? Некоторые утверждают, что она до сих пор обитает где-то в полуночной стране вместе с Ахиллесом, ибо боги даровали им обоим бессмертие...

Невольно хочется улыбнуться подобным вымыслам. Но мое внимание уже привлекли новые очертания берега. И вдруг мы увидели базилики и башни Херсонеса! Город стоял на возвышенном месте, обнесенный крепостной стеною. Когда наши корабли обогнули его с востока на запад, мы явственно различили вход в гавань и каменную лестницу, спускающуюся к морю.

Но увы, мы опоздали! Над городом медленно поднимался к голубым небесам черный столб дыма. Наделенные пронзительным зрением мореходы спорили о том, что горит. Потом оказалось, что это догорали западные кварталы города. Там жили главным образом ремесленники, земледельцы, виноградари, и поэтому много было деревянных домов и бедных хижин, ставших легкой добычей огня, когда руссы стали пускать в город стрелы с паклей, пропитанной зажигательным составом. Этому они научились от кочевников, в свою очередь перенявших такой способ боя из далекой хинской страны. Глядя на пожар, мы поняли, что прекрасный и сильный город, как его называли древние авторы, с неприступными стенами, протянувшимися на протяжении шестидесяти стадий, уже во власти руссов.

Пока я, подобно пророку Даниилу, обличавшему сильных мира сего, препирался по поводу сосудов с огнем Каллиника с Евсевием Маврокатакалоном, с этим нерадивым и невежественным человеком, не умеющим отличить йоту от ипсилона, пока я разбивал козни интригана Агафия, готового всячески оклеветать меня перед василевсом, Херсонес пал. О подробностях этого события я узнал потом от монахов острова Клименты и от жителей Таврического побережья.

Руссы приплыли к Херсонесу от устьев Борисфена, который на их языке называется Днепр. От реки до Херсонеса триста миль. На этом обширном пространстве находятся многочисленные озера и лиманы, где херсониты вываривают соль. На восток от города лежат многие другие селения и находится Боспорский пролив. Он ведет в Мэотийское озеро, которое по причине его величины называют также морем. В упомянутое море впадает множество полноводных рек. Эта область называется Готскими Климатами. Поблизости от нее обитают хазары и печенеги. Чтобы эти варвары не нападали на Херсонес, приходится платить им ежегодную дань и брать у них заложников. Мне приходилось видеть таких в Константинополе. Заложники являлись к нам пахнущие конским потом, но быстро перенимали греческие нравы, и больше всего им нравился в городе ромеев Ипподром, где они не пропускали ни одного ристания, хотя подобные развлечения бывают у нас все реже и реже.

Как меняется лицо земли! Некогда Херсонесу угрожала Хазария. На берегу Мэотиды стояли хазарские города, которые вели торговлю со степными кочевниками. Готские Климаты платили дань кагану. Бывали случаи, что хазарские принцессы выходили замуж за василевсов, пока хазары не обратились в иудейство. Смуглые красавицы привозили к нам азиатские одежды, золото и дурные манеры. Но хазар со всех сторон теснили кочевники. В царствование императора Феофила хазарский каган Иосиф обратился к ромеям с просьбой прислать ему искусных строителей, чтобы поставить на Танаисе каменную крепость для защиты торговых дорог от кочевников. Василевс послал известного протоспафария Петру Каматира с некоторым числом каменщиков. Такое предприятие было к нашей выгоде, так как за строительство укреплений возможно получить большие преимущества в торговле. На обратном пути из Хазарии протоспафарий побывал в Херсонесе, а по возвращении к

василевсу рассказал о положении вещей в Таврике и дал совет не доверять херсонесским архонтам и учредить в Херсонесе фему. Фема была создана. Первым стратигом ее был назначен сам Петрона Каматира. Таврика, освободившаяся из-под власти хазар, вошла в состав фемы под названием Готских Климатов. Но могущество хазар погибало под русскими мечами. Крепость, построенная Каматирой, вскоре была разрушена. Столица государства Итиль — восточный город с дворцом кагана среди войлочных шатров, синагог, мечетей и базаров

— доживала последние дни.

Около ста лет тому назад, когда в здешних местах побывал философ Константин, посланный в Хазарию на прение о вере, на острове Климента был построен небольшой монастырь. Выбрав удобное место, мы бросили якорь в шестидесяти стадиях от этого острова, и я отправился в челноке с Никифором Ксифием и несколькими воинами обследовать киновию. Когда мы высадились на берег, то поняли, что здесь уже побывали варвары. Монастырь был оставлен монахами, и в скромной церкви, сложенной из античных плит или простых камней, не было ни пения, ни фимиамного дыма. Священные предметы, потиры и Кадильницы, а также серебряный ковчег, в котором хранилась глава св.Климента, исчезли. Я думал, что их унесли в безопасное место иноки, но потом оказалось, что все это взяли руссы, чтобы увезти в свой северный город.

В бессилии мы грозили кулаками варварам, спускавшимся из города и собиравшимся все в большем числе на берегу. Но, не желая рисковать своей жизнью, мы оставили остров и отплыли в сторону кораблей, так как было необходимо не мешкая обсудить на военном совете план действий.

Отправляя меня в путь, василевс, положив мне руки на плечи и глядя в глаза, сказал:

— Ты сделаешь все, чтобы оказать помощь осажденным. А если Херсонес падет еще до твоего прибытия, возвратись ко мне. Впрочем, не отвергай вырваров, коль скоро представится случай завязать переговоры. Леонтий знает, о чем надо с ними говорить.

Я догадывался, какое тайное поручение было доверено магистру. Речь шла о том, чтобы ради спасения государства отдать Владимиру Порфиригениту и пойти на уступки по целому ряду других вопросов.

Теперь в падении города сомневаться не приходилось. Одна из наших легких хеландий побывала у самого берега, и корабельщики видели там множество русских воинов, разорителей вертограда божьего. Они толпами входили в городские ворота и вновь выходили из их, так как продолжали жить за городской стеной, около церкви Влахернской богородицы, где были колодцы питьевой воды и вдоль бухты тянулись каменные усыпальницы богатых херсонитов. Здесь руссы жили в шатрах и кое-как устроенных среди виноградников шалашах из тростника, но дневные часы проводили обычно в Херсонесе, любясь его зданиями и статуями и совершая омовения в термах, до чего эти люди, как я уже имел случай сказать, были большие охотники.

Уже давно Херсонес находился в упадке. Его разоряли хазары и кочевники. Русские владения были близко. На севере они простирались до устья Борисфена, а на востоке много руссов поселилось за Боспорским проливом. Прочные городские стены, сложенные из желтоватого камня, что дало повод хазарам называть эту твердыню «Желтым городом», стояли нерушимо. Но воинов в его ограде насчитывалось мало, и прославленные метательные машины давно пришли в негодность, и около них не было опытных баллистиариев. Жители Херсонеса считали всегда, что они живут не в городе, а в темнице, потому что за стенами было небезопасно. Даже некоторая часть собственно городского населения была варварского происхождения. Здесь насчитывалось много пришлых людей и среди них даже руссов,

которых забросили сюда торговые дела или страсть к перемене мест. Но за последние годы в Херсонесе снова стала расцветать торговля, и до таких размеров, что потребовалось вновь учредить монетный двор, чеканивший свою собственную серебряную и медную монету с монограммой василевсов. Увы, она уже не отличалась тем искусством чеканки, каким славились древние херсонесские драхмы. Я видел случайно одну такую драхму. На ней была изображена коленопреклоненная Артемида в коротком хитоне, поражающая копьем оленя, а на оборотной стороне — бодающий бык, атрибут Геракла, и, судя по чудесной работе, можно было сказать, что чеканщик был большим художником.

Уже за несколько дней до того, как варварские ладьи приплыли к берегам Таврии, в Херсонесе появились беглецы с солеварен и рыбных ловов и предупредили о грозившей опасности. Считая, что необходимо принять меры против предстоящего нападения, стратиг Стефан Эротик, в распоряжении которого была горсть воинов, роздал жителям оружие из городского хранилища и решил запереть ворота, надеясь, что руссы не обладают воинским искусством осаждать укрепленные города. Главные ворота выходили на север. Они были укреплены четырехугольной башней, но почему-то справа, а не слева, что позволило бы обстреливать неприятельских воинов при нападении с той стороны, где у них нет щитов. Но проход был достаточно узок, чтобы в этой каменной ловушке остановить нападающих, и, кроме деревянных ворот, обитых медью, снабжен еще так называемой катарактой, или огромной железной решеткой, опускаемой с грохотом в решительный момент.

В те дни только что расцвели миндальные деревья, зазеленели лозы на виноградниках и корабли смолились к открытию навигации.

Однажды на море показалось огромное количество русских ладей. Потом запылили дальние дороги, и ночью вспыхнуло зарево над каким-то захваченным селением. Пользуясь темнотой, русские челны проскользнули в гавань, и здесь варвары в полной безопасности высадились на берег. На востоке от города высадка была произведена в гавани Символов. Скрипели возы, ржали кони. В русском лагере загорелись первые костры.

Ту трагическую ночь херсониты провели без сна. Церкви были переполнены молящимися, а утром жители, стоя в безопасности на стенах, увидели варваров. Руссы подошли к городу на расстояние стрелы, но ничего не предпринимали. С удивлением они смотрели на каменные башни, которые казались им огромными в сравнении с их жалкими бревенчатыми оградами. Ни в одном ромейском городе, кроме Константинополя и Салоник, не было таких мощных крепостных укреплений. Вход в порт тоже был некогда защищен высокими башнями и прегражден железными цепями, но теперь русские челны свободно проникли в гавань и захватили там торговые пафлагонские корабли.

В тот же день Владимир послал к стратигу пленных ромеев с предложением сдать город. Стефан ответил отказом. Жители кричали руссам со стен:

— Уходите, пока мы вас всех не истребили! Знайте, что скоро придут ромейские корабли с воинами благочестивого!

Варвары пытались разбить окованные железом ворота тараном, и эти глухие удары тяжело отдались в сердцах христиан, но скифов отогнали стрелами и некоторых убили.

Начались тревожные дни осады. С городских стен было видно, как в лагере варваров горели костры, как они жарили под открытым небом туши быков, пировали, пели гимны и поднимали роги с вином. Но скоро все вино было выпито, и варварам стало скучно. В городе же было достаточно соленой рыбы, чтобы продержаться три года.

Тогда Владимир решил взять город, заваливая ров землей и присыпая к стенам холм, чтобы по этой насыпи можно было подняться на стены. Русские применяют этот способ осады с древних времен. Впрочем, не говорит ли пророк Иеремия: «Рубите деревья и возводите

насыпь вокруг Иерусалима!» Руссы тоже валили в рвы все, что попадалось под руку, — камни, хворост, лозы и даже туши животных.

Воины Владимира вели осадные работы неискусно: работали только днем, под стрелами, а ночью уходили спать в лагерь. И херсониты, сделав под стеною тайный подкоп, стараясь соблюдать тишину, уносили в кошницах землю в город. На городской площади с каждым днем все выше и выше рос земляной курган. Утром скифы просыпались, смотрели на город и не могли понять, почему насыпь не может достигнуть крепостных зубцов. Христиане в их рядах говорили:

— Это христианский бог помогает грекам!

Но Владимир грозил:

— Буду стоять под стенами три года, но возьму город!

Однако для него нашлись в городе неожиданные союзники. Это были варяг Жадберн, служивший раньше в войсках русского князя, и пресвитер Анастас, родом русс. В сообщничестве с каким-то херсонитом, имя которого мне не удалось установить, хотя по этому поводу я и производил тайное расследование, они решили войти в сношения с Владимиром. Эти достойные секиры богоотступники пустили в лагерь руссов стрелу с посланием. В нем было указано, где проходили трубы подземного акведука и на какой глубине. Анастас советовал Владимиру разбить трубы и перенять воду, чтобы принудить жителей сдаться по причине жажды.

Я отчетливо представлял себе, как это случилось.

Над сонным городом стояла звездная ночь. Анастас и его сообщник в плащах с куколями пробрались по безлюдным улицам на городскую стену. Воины на башнях спали, склонившись на копья. В тишине плескалось море. Послышался взволнованный шепот. Дрожащая рука натянула тетиву тугого лука...

Стрела оторвалась со свистом и полетела в ночную темноту, в ту сторону, где был расположен лагерь варваров, на месте разоренного виноградника. Она вонзилась в землю, затрепетала и осталась до утра на грядке с растоптанными лозами, оперенная птичьим пером, окованная железом легкая тростинка, символ страшного поворота в нашей жизни. Казалось, не будь ее — и стояли бы нерушимо крепкие стены ромейского города. Но одна обыкновенная стрела повернула огромное колесо истории.

Два человека, крадучись и прижимаясь к стене, спустились в город. У Кентарийской башни они расстались и разошлись в разные стороны. А утром молодой варвар, потягиваясь после короткой ночи, увидел стрелу, поднял ее, чтобы положить в свой колчан, и заметил кусок пергамента, на котором были написаны непонятные для него знаки. Не зная, как поступить, он отнес стрелу к своему князю. Княжеский белый шатер стоял среди оливковых деревьев. Какой-нибудь пленный ромей, которого держали в лагере для выполнения различных работ, прочел руссам греческое письмо. Может быть, оно даже было на русском языке. Но почему в ту ночь я находился там? Воины не спали бы, если бы я был начальником стражи в Херсонесе!

Акведук шел с восточной стороны. На расстоянии двадцати стадий от города находился источник, из которого вода струилась по глиняным подземным трубам в херсонесские цистерны. Найти трубы по указаниям в записке Анастаса большого труда не представляло.

С ужасом увидели херсониты, что вода перестала наполнять городские водохранилища. Теперь спасти их мог только василевс. Но напрасно они смотрели в сторону Понта — ромейские корабли не приходили.

Прошло три дня. Люди в Херсонесе стали походить на путников в Аравийской пустыне. Жители питались главным образом соленой рыбой и невыносимо страдали от жажды. Не выдержав мук женщин и детей, они решили сдать город.

На городской площади хриплые голоса зывали:

— Лучше смерть от секиры, чем от жажды!

Человеческие голоса стали как рев зверей. Гортани пылали.

— Воды! Воды! — умоляли женщины.

Плакали дети. Мычал скот.

А варвары в лагере показывали херсонитам горшки с водою, выливали ее со смехом на песок, и мукам христиан не было конца. Доведенные до крайности, они произносили пересохшими устами слово «мир».

Но еще до переговоров скифы ворвались в город. Многие тогда погибли. Стратиг Стефан Эротик был изрублен мечами. Вся Таврика, Готские Климаты, Киммерий, Лагира, Нимфей и целый ряд других селений были в руках варваров. В Херсонесе агора и базилика наполнилась варварскими голосами. Мы же стояли в отдалении и не знали, что предпринять. А надо было подумать о судьбе плененного ромейского города.

С наступлением темноты решено было послать хеландию в гавань Символов с поручением спустить на берег лазутчиков. Чтобы тайна огня Каллиника не попала в руки врагов, я велел снять с хеландии медные трубы и сосуды с огненным составом, так как русские однодревки могли окружить наше судно и захватить огнеметательные машины. В полной тишине стройный корабль отошел, и вскоре плеск весел затих в темноте.

С волнением мы ожидали его возвращения. Ничего не было видно во мраке безлунной ночи. Только в стороне Херсонеса поблескивали огоньки. Может быть, то были огни лагерных костров. Часы казались столетиями. Никто в ту ночь не ложился спать.

Вдруг послышались крики. Мы поняли, что это возвращается хеландия, а за нею гонятся русские ладьи.

Я отдал распоряжение, чтобы корабли приготовились к бою. Затрубили трубы. Корабельщики поспешно подняли якоря. Люди стали у огнеметательных машин, зазвенело оружие. Паруса надулись ветром, однако прошло некоторое время, прежде чем мы двинулись на помощь погибающей хеландии.

Ее уже настигли враги. В темноте трудно было рассмотреть, что там происходит, но, судя по крикам, можно было предположить, что скифы избивали корабельщиков. Стоявший впереди других корабль открыл огонь. Ослепительным светом блеснуло пламя и озарило высокие дромоны, черные воды моря и там, откуда доносился шум сражения, трепетавшую в агонии хеландию. С ромейских кораблей раздались вопли негодования.

Никифор Ксифий заскрежетал зубами.

— Теперь уже можно молиться о спасении их душ...

Я понял его. Единственное спасение в битвах с русскими однодревками надо искать в огне Каллиника. В тот час, когда руссы поднимаются на корабль, уже ничто не может противостоять их ярости. Ободренные успехом, опьяненные легкой победой, скифские ладьи неслись на дромоны, рассчитывая захватить нас врасплох.

Но трепещите, варвары, я уже принял меры! Тактика морского сражения учит, что в таких случаях лучше всего построить боевую линию в виде полумесяца, чтобы охватить врагов железным кольцом. Однако в темноте кораблям трудно было занять указанные им места. Напрасно я кричал, приложив ладони ко рту. Дромона натыкались друг на друга, как неуклюжие животные. Наконец с большим трудом они развернулись и выстроились полукругом. Два дромона я отрядил для охраны неповоротливых торговых кораблей, нагруженных пшеницей.

Корабль «Двенадцать апостолов» находился за первой линией, чтобы мне удобнее было управлять ходом сражения. Иерею и диакону, которые чувствовали себя в этой обстановке как в аду, я велел служить молебн о ниспослании победы. Они облачились в ризы и затянули молитву, но голоса их прерывались от волнения.

Стоявший со мной на кормовой башне Никифор Ксифий шепнул:

— Слышишь, какого козла пускают? Страх ради иудейского!

— Замолчи, грешник, — ответил я.

Уже на кораблях ревели огнеметательные трубы. Звук, с которым огонь вырывается из медного жерла, можно уподобить нечеловеческому вздоху гиганта. Людям казалось в темноте, что именно на их корабль несутся скифские ладьи, и они метали и метали огонь. Во мраке ночи поминутно возникали столбы пламени. Несмотря на ветер, в воздухе стояло удушливое зловоние горячей серы.

Дрожащими голосами священнослужители продолжали тянуть псалом, потом умолкли. Магистр Леонтий мучительно вдавливал в лоб пальцы, сложенные для крестного знамения. Он страшился исхода сражения. Это было не его дело — принимать участие в морских битвах.

Из мрака донеслись дикие вопли обожженных. Должно быть, одна из хеландий с помощью божьей удачно метнула огонь в какую-нибудь варварскую ладью. Так воют люди, когда с них сдирают заживо кожу. Жидкое пламя причиняло невыносимые ожоги, выжигало глаза, обваривало огромные куски кожи. Ничто так не чувствительно к страданию, как тонкая и болезненная кожа человека.

— Жарко? В другой жизни будет еще жарче! — кричал в темноту Никифор Ксифий и рукоплескал.

Сражение во мраке ночи можно было уподобить картине Страшного суда. Огонь адскими языками возникал в темноте и с треском горел на воде, как неопалимая купина. Тяжкие вздохи труб наполнили воздух зловонием серы. Как громом небесным поражали мы варваров. Вновь и вновь трубы изрыгали всепожирающий огонь, а с хеландий метали в ладьи руссов глиняные сосуды, наполненные тем же горючим составом. Когда такие горшки ударяются о ладьи и разбиваются, от удара состав Каллиника воспламеняется и вспыхивает нестерпимым пламенем. Скифы корчились и выли, как грешники в геенне огненной. Напрасно они бросались в воду, чтобы спастись от мучительных ожогов. Огонь пылал и на воде, потому что его можно погасить только песком или мочой. Затем к месту сражения медленно подходил дромон, и лучники, находившиеся на высоких кормовых башнях или в мачтовых кошницах, засыпали освещенное пространство стрелами, убивая врагов.

С мужеством отчаяния скифы еще раз сделали попытку овладеть нашими кораблями. Тщетно! Всюду их встречал огонь. Только дромон «Жезл Аарона» очутился в затруднительном положении. Ветром его отнесло на несколько стадий от того места, на котором действовали хеландий. Догадавшись, что на этом дромоне нет губительных труб, варвары окружили его и, подсаживая друг друга, пытались взобраться на высокий корабль.

Поняв по крикам, долетавшим с корабля, что ему угрожает опасность, две хеландий кинулись на помощь. В суматохе, разгоняя огнем однодревки, с одной из хеландий метнули сосуд с огненным составом на помост корабля. Пламя вспыхнуло с невероятной силой. Крики двухсот человек поразили наш слух. Еще мгновение — и «Жезл Аарона» запылал среди ночи гигантским смоляным факелом. Мы видели, как люди бросались с корабельного помоста в море и погибали в черной воде...

Убедившись, что ничего нельзя сделать против ромейского огня, однодревки рассыпались в разных направлениях и ушли под покровом ночной темноты. Кое-где еще догорали на воде языки пламени. Но я велел трубить в трубу. Это означало приказ прекратить битву. Необходимо было беречь драгоценный состав, и мы не преследовали врагов, чтобы не попасть в западню.

Так, заступничеством св.Димитрия, мы отбились от врагов, и я еще раз помолился об упокоении души раба божьего Каллиника, который из обыкновенной серы и безопасной селитры создал и дал в руки ромеев такое страшное оружие.

На востоке уже брезжил рассвет. Над водой возникал утренний туман. Тогда мы запели на корабле громкими голосами псалмы, благодаря небо за спасение от врагов.

Но бесполезной была наша победа. Произвести высадку мы не могли, так как на суше теряли единственное свое преимущество над врагами — силу греческого огня. В мгновение ока варвары смяли бы моих шестьсот схолариев, из которых многие были еще больны от непривычного морского пути. Таким образом, мы ничем не могли помочь плененному городу и кружились в море на виду у Херсонеса, иногда подходили на расстояние десяти стадий к берегу, вызывая на бой ладьи скифов, но наученные горьким опытом варвары не хотели нападать на ромейские корабли. Руссы стояли толпами на берегу и грозили нам мечами и секирами. Это ужасное оружие напоминало нам о том, какая участь ожидала бы нас, если бы мы вздумали расстаться с неприступным убежищем кораблей.

Опираясь на перила помоста, я смотрел в ночной мрак, и в голову мне приходили самые различные мысли. Какой отчет я дам василевсу в том, что произошло? Сколько дней я должен оставаться в этих водах? Почему василевс сказал мне, что в обратный путь мы должны пуститься только по указанию Леонтия, после того, как он закончит переговоры с варварами?

Ночь была темной, и небо усыпано звездами. Морская свежесть была сладостна для дыхания. Почему-то мне вспомнился рассказ Константина Багрянородного о Гикий.

Это произошло в глубокой древности. В Херсонесе в те годы градодержцем был Ламах, враждовавший с боспорскими царями. Но Асандр, царь Боспора Киммерийского, сказал ему: «У меня есть сыновья, у тебя — дочь. Пусть один из моих сыновей возьмет ее себе в жены, и тогда между нами воцарится навеки мир». Херсониты ответили: «Мы согласны взять в зятя твоего сына, но с условием, что он никогда уже не покинет наш город и не вернется в Боспор для беседы с отцом. Или он умрет в тот же час!»

Ламах по справедливости считался богатым человеком. Ему принадлежало много рабов и рабынь, многочисленный скот и имения. Дом Ламаха занимал четыре квартала в городе и был расположен в том месте, которое херсониты называют Сусы. Там он пользовался отдельными большими воротами в городской стене и четырьмя малыми, через которые возвращались с пастбищ его кони и кобылицы, быки и коровы овцы и ослы, шли в предназначенные для них стойла, особые для каждой породы скота. Сын Асандра приплыл в Херсонес и стал мужем Гикий, дочери Ламаха, а про прошествии двух лет старый Ламах умер. Гикий справила поминки и обещала, что каждый год будет повторять их с такой же щедростью, предлагая, чтобы все жители, с детьми и домочадцами, угощались в этот день ее

хлебом и мясом, рыбой и елеем, пили вино, веселились и плясали. Но коварный муж послал сказать боспорцам: «Мы легко можем завладеть городом. Присылайте мне тайно каждый месяц по десять вооруженных юношей». Так продолжалось в течение двух лет. Боспорцы небольшими отрядами проникали в город и прятались в подземных помещениях дома. Обычно они приплывали в гавань Символов, а оттуда являлись под покровом ночной темноты в Сусы, и боспорские рабы мужа Гикии заботились о них и приносили им пищу. Хитрец решил, что во время ежегодных поминок, когда жители утомятся от плясок и уснут, он выпустит юношей, и те перебьют спящих и завладеют городом. Но однажды служанка, ткавшая в гинекее лен, уронила веретено, и оно закатилось в щель. Чтобы достать его, ей пришлось вынуть кирпич в полу, и тогда она увидела в подземелье множество воинов. Служанка поведала обо всем госпоже, и та поспешила к городским старейшинам и сказала им: «У нас в доме творятся подозрительные дела! Поклянись мне, что похороните меня не за городской стеной, а в самом городе, и я открою вам важную тайну». Старейшины поклялись. Тогда Гикия сообщила им о том, что увидела служанка. Решено было в день ближайших поминок сделать вид, что никто ничего не знает, и веселиться, но пить не вино, а воду из пурпурных чаш, и потом разойтись по домам. Однако не лечь спать, а снова собраться с факелами и хворостом и, обложив горючим материалом дом Гикии, сжечь его и всех находящихся в нем боспорцев.

Когда все было готово и муж Гикии, решив подкрепиться сном перед ночным предприятием, уснул, она взяла из ларца свои драгоценности и увела преданных служанок. Дом подожгли, и когда боспорцы стали выскакивать из огня, херсониты перебили их и тем избавили город от грозившей ему опасности. В память этого события в городе водрузили две позолоченные статуи. На одной Гикия была изображена в богатой одежде, рассказывающей о коварном замысле мужа, на другой — сражающейся с боспорскими юношами. На постаментах было начертано повествование о ее подвиге. Но чтобы проверить нерушимость клятвы старейшин, Гикия сделала вид, что умерла. И действительно, херсониты нарушили клятву и решили, что можно умершую похоронить и за городскими стенами. Гикия встала из гроба и сказала: «Горе тому, кто поверит херсониту!» Жители устыдились и поставили Гикии еще одну статую, на месте ее будущей гробницы...

Как эта героическая повесть не походила на наши скудные времена! Но непостоянный характер херсонитов был передан в легенде достаточно точно...

На следующую ночь снова ужас овладел корабельщиками. Во мраке послышались крики:

— Плывут руссы! Скифы нападают на нас!

С хеландии «Великомученица Варвара» полыхнул огонь. Однако тревога оказалась напрасной. Скифов не было. Но при вспышке огня можно было увидеть в море ладью, которая приближалась к кораблям, стоявшим в ту ночь на якоре у острова св.Климента. В ночной тишине мы услышали диалог:

— Кто вы? — кричали с кораблей плывущим в ладье.

— Монахи из киновии святого Климента.

— Куда плывете?

— На пепелище.

— Сколько вас?

— Трое.

Дрожащие от страха монахи поднялись по веревочной лестнице на корабль «Двенадцать

апостолов». Обманув бдительность скифов, они вышли с наступлением сумерек из херсонесской гавани и пустились в опасное странствие с целью достичь ромейских кораблей. Им хотелось посмотреть, что осталось от монастыря на острове. Монахов привели ко мне, и они упали на колени.

— Что происходит в Херсонесе? — был мой первый вопрос.

Они стали вопить, перебивая друг друга:

— Погиб Херсонес! Разорен прекрасный город! Скифы наводнили его, как волны морские. Многих жителей убивают... Стратиг погиб от русских мечей...

От них-то я и узнал о том, что произошло за последние дни в Херсонесе. Монахи подтвердили, что некоторая часть города сгорела. Базары были разграблены, и в городе не осталось ни одной амфоры вина. Владимир занял со своими близкими дом стратига, и каждый день там происходят пиры. Руссы любят пить вино, может быть в связи с суровым климатом своей страны. Но князь запретил воинам осквернять церкви и наносить ущерб домам и имению священнослужителей. Якобы епископ уже дважды совещался с князем. Монахи уверяли нас, что на этих совещаниях речь шла не о чем ином, как о мирных переговорах с василевсами.

Дальнейшее подтвердило их слова. На другой день утром мы увидели, что из херсонесской гавани отплывает ладья, украшенная коврами. Это был христианский корабль, потому что солнце поблескивало на его крестах и хоругвях. К нашему удивлению, в ладье оказался сам херсонесский епископ Иаков с пресвитерами в золотых и серебряных облачениях. Заплаканный мальчик держал в руках икону богородицы. Диакон бряцал кадиллом. За священниками стояли скифы в красных и голубых плащах, но без оружия. Судя по одежде, это были знатные воины, посланцы князя. Мы смотрели на них изумленными глазами и не знали, что все это значит. Поразительны были красота этих людей, их спокойствие, их мощь и соразмерность всех членов.

Прежде чем ладья пристала к «Двенадцати апостолам», я успел надеть на себя воинские доспехи — панцирь, поножи и меч — и накинул на плечи вышитый золотыми орлами черный сагий. Леонтий тоже надел присвоенную его званию белую хламиду с золотым тавлием.

Корабельщики, свесившись за борт, с любопытством смотрели на приплывших в ладье. Епископ держал в руках дикирий и трикирий и крестообразно осеял ромейский корабль. Священники пели стихиры. Высокий, взволнованный голос мальчика звенел в хоре гнусавых басов. Епископ был тучным человеком, с лицом, заросшим до глаз черной бородой. Иподиаконы, повязавшие себя крест-накрест ораями, казались в сравнении с ним пигмеями.

Странно меняется жизнь, когда военные обстоятельства вдруг нарушают ее мирное течение. Подобное зрелище не могло бы представиться и во сне. Но я собственными глазами видел, как епископ в сияющем облачении, с осыпанной жемчугами митрой на голове поднимался на корабль по веревочной лестнице, а корабельщики протягивали ему с помоста мозолистые руки, предлагая сыновью помощь. Слабосильный иподиакон поддерживал его, как будто бы он мог справиться с тяжестью огромного архиерейского тела. За епископом поднялись на корабельный помост остальные. Вокруг расстилалось сияющее море. Солнце ослепительным шаром всходило над головой. Вдали были видны на херсонесском берегу городские желтоватые башни. Черные ромейские корабли неподвижно стояли на якоре.

На помосте постлали красный ковер. Мы встали на него, Леонтий и я: он — представитель гражданской власти, я — воинской. Заспанный Никифор Ксифий поспешно застегивал фибулу хламиды. Нас окружали схолярии в панцирях из медной чешуи.

Епископ тяжело дышал. Опираясь на посох, иерарх молча стоял перед нами и смотрел

мученическими глазами на ромейских воинов. Мы тоже молчали, потому что он прибыл на корабль в сопровождении врагов христиан. Наконец епископ скосил глаза на восковую табличку.

— Во имя отца, и сына, и святого духа... Приветствуем прибытие ромеев в сии воды. Да продлит господь дни христолюбивых василевсов наших Василия и Константина, а над врагами дарует им победу и одоление и во всем благое поспешение...

Небо сделало меня свидетелем величайших событий, ужасных войн, несчастий и катастроф. При одной из таких катастроф я присутствовал на помосте «Двенадцати апостолов». Необычайное действие разыгрывалось перед нами. Владимир предлагал мир, обещал вернуть ромеям захваченный город и всю Таврику, предлагал помощь в борьбе с азийскими мятежниками, но требовал соблюдения обещаний, данных василевсами. Они ни для кого не были тайной. За шесть тысяч варягов против Варды Фоки василевсы обещали отдать варвару руку своей сестры. Теперь он требовал соблюдения договора. В противном случае угрожал, что пошлет воинов на Дунай, сотрет с лица земли несчастный Херсонес.

Маленькие глазки Леонтия забегали. Это не ночной бой, теперь он был в привычной для него атмосфере. Уже его служители несли бронзовую чернильницу, папирус и трости для писания, как будто теперь что-нибудь зависело от тростника, а не от меча. Несдержанный на язык Никифор Ксифий шепнул мне:

— Шуршит папирусом, как мышь.

А мне казалось, что это только страшный сон. Вот все рассеется, как дым, и ничего не будет. Но все было по-прежнему. Море сияло. Черные ромейские корабли стояли на якоре. Иподиакон высыпал в море горячие угольки из кадила. Думая, что это пища, к ним подплыла стая серебристых рыбок.

На другой день переговоры продолжались в Херсонесе. Как обычно, ими руководил по всем правилам ромейской премудрости магистр Леонтий Хрисокефал. Дело было весьма ответственным. Теперь я понял, почему василевс послал в Херсонес этого опытного и ловкого человека. Сам я со своим вспыльчивым характером не был бы пригоден для такого предприятия.

Встречи с руссами происходили в белом доме покойного стратига. Владимир, окруженный самыми знатными воинами, руссами и варягами, сидел на короткой и обшитой золотой материей скамье, на которой раньше восседал в торжественные моменты стратиг Стефан Эротик. Князь широко расставил мощные колени, опираясь подбородком на тонкую, красивую руку. Пальцы его были украшены перстнями. Это была рука человека, возвращенного в холе. Но на князе была простая белая рубаха и такие же штаны с зелеными ремнями обуви. Один из воинов держал над его головой голубое знамя с изображением, которое напоминало мне лилию. Кажется, оно было знаком того рода, из которого происходил русский князь.

Я смотрел на князя с большим любопытством. Это был человек лет тридцати пяти, довольно высокого роста, стройный, с широкими плечами, но с тонкой талией. Под рубахой чувствовались сильные мышцы. У него были голубые глаза, над которыми нависали дуги густых рыжеватых бровей, и несколько плоский нос. На щеках играл легкий румянец. Как и его отец, он брил подбородок, но оставлял длинные усы. Они были у него такие же светлые, как у Святослава. Копну русых волос не украшала никакая диадема.

Да, это был русский герой, человек с жестоким сердцем, колебавший теперь самые основы нашего государства. Лев Диакон доказывает, что один из предков Владимира — Ахиллес. Такое заключение историограф сделал потому, что, подобно гомеровским мирмидонянам,

руссы сражаются в пешем строю и что у них мирмидонские погребальные обычаи. Лев убеждал меня:

— Вспомни! Подобно Владимиру, Ахиллес тоже был голубоглазым и русым и, по мнению Агамемнона, отличался вспыльчивым характером. И разве не носил он плащ с застежкой на правом плече, как это в обычае у руссов?

Еще я заметил, что в левом ухе у русского князя была серьга. Но почему он не хотел носить бороды, которая так украшает мужа и христианина?

Ненависть к этому человеку в те дни наполняла мое сердце до края. Но пусть она никогда не ослепляет мой разум и не ослабляет мое суждение.

Мы стояли перед ним полукругом — Леонтий, я, Никифор Ксифий, херсонесский епископ Иаков со своими пресвитерами и нотариусы — в ожидании, когда нам предложат сесть. Для ромеев были приготовлены скамьи, покрытые красивыми материями, и когда мы расселись, Леонтий с привычной торжественностью стал раскладывать на небольшом мраморном столе, позолоченные ножки которого были сделаны в виде когтистых лап, письменные принадлежности, папирус, копии договоров. Он улыбался, употребляя в речи изысканные метафоры, которые казались мне в этой обстановке неуместными. Владимира он называл то «новым Моисеем», то «вторым Константином», уверяя, что он «равноапостольный», ибо ныне выводит свой народ из языческого мрака и идолопоклонства в свет истинной православной церкви. А еще не так давно сам рассказывал нам, что русский князь ставил идолов на одном из киевских холмов и недалеко от своего дворца устроил капище, где приносились богу грома и молнии человеческие жертвы. И вот на наших глазах все менялось теперь на земле.

Но напрасно плел магистр, лучший выученик Магнаврской школы, сети неопровержимых силлогизмов или ссылаясь на благоприятные для нас параграфы прежних договоров. Победа сделала варваров неуступчивыми. Владимир требовал руку Порфириогениты. Иногда к его уху склонялся пресвитер Анастас, исполнявший роль переводчика, и что-то шептал ему, глядя преданными глазами на нового господина. Владимир сердито дергал ус, и я понял, что русский князь требует не только руки Анны, но целый ряд привилегий и отмены невыгодных торговых соглашений. Мало того — он хотел получить титул кесаря, который давал бы ему право носить диадему с жемчужными украшениями. Слава ромейского государства была еще высока, и варвары считали, что только василевс полномочен раздавать такие награды. Вдруг один из военачальников, уже старик с седой бородой, новгородец, по имени Велемир, сказал:

— Князь, эти люди хитрят, как лисы. Веди нас на Дунай!

Владимир нахмурил брови. Леонтий, плохо понимая язык руссов, вопросительно посмотрел на меня. Я перевел ему фразу, и руки магистра стали заметно дрожать.

Какие унижения приходилось испытывать ромеям! Я вспомнил, что писал Фотий, величайший из патриархов, об этом народе, называя руссов варварами, и вот ныне они вознеслись на такую высоту. «Помните ли вы рыдания, коим предавался город в ту страшную ночь, когда к нам приплыли варварские корабли?»

Владимир сидел, подпирая рукой подбородок, задумчиво смотрел перед собой. Он, казалось, ничего не слышал из того, что говорили вокруг. За князем стояли в своих живописных одеждах или белых варварских рубахах воины, сподвижники его дел. У некоторых была высокая обувь из желтой или зеленой кожи, у других ноги были перевиты ремнями. Магистр шуршал папирусом, разворачивал хартии, доказывал, что брак сестры василевсов даже с таким блистательным владетелем нарушил бы все благочестивые традиции Священного дворца, а русские воины спокойно стояли и ждали, и видно было, что они могут ждать еще тысячу лет. Как сейчас я слышу медоточивый голос магистра Леонтия:

— Позволь тебе сказать, достопочтенный архонт, что блаженной памяти император Константин Великий оставил нам грозное и ненарушимое запрещение. Оно хранится на престоле христианской церкви святой Софии и гласит, что василевсы не могут заключать брачные союзы с народами, нравы которых не сходны с ромейскими. Особенно же возбраняется родниться им с не принявшими святое крещение. Кроме одних только франков.

Анастас перевел князю, и тот спросил:

— Спроси у грека, почему кроме франков.

— Потому, что сам великий Константин был в родственных отношениях с франкскими королями, — пояснил магистр.

— Мы ни в чем не уступаем франкам! — сказал Владимир.

— Совершенно согласен с тобой, достопочтенный архонт, — продолжал Леонтий, — вы даже превосходите их во многих отношениях, но таков ромейский обычай. И нарушители его подвергнутся анафеме, то есть вечному проклятию во всех ромейских церквях. Тебя не должно оскорблять это. Василевсы весьма хотели бы этого брака и считают родство с тобой большой честью, но они вынуждены отвергнуть твое лестное предложение и не могут поступить иначе. Ведь несколько лет тому назад даже франкский король Гуго Капет, сватавший Порфирогениту, тогда еще отроковицу, для своего сына Роберта, получил самый решительный отказ и, насколько мне известно, весьма огорчился по этому поводу. Повторяю, сие невозможно...

— А когда им угрожала гибель, они считали это возможным? — тихо произнес Владимир, и я увидел, что в гневе он был ужасен.

Через широкие окна, разделенные пополам изящными колонками, с улицы доносился конский топот. Это варвары, напомилавшие кентавров своим искусством ездить верхом, вели лошадей на водопой.

Но зачем Владимиру нужна красота Анны? — спрашивал я себя. Разве мало было ему красивых рабынь и пленниц? Ходили рассказы, что у него в Киеве был гарем и что в гареме вздыхают сотни наложниц и само место поэтому называется Вздыхальницей. Но, видно, ему захотелось теперь озарить свою страну славой ромеев, породниться с наследницей Рима, возвысить в глазах народов темноту своего происхождения. Этого варвара вдруг обуяла ревность к христианской вере! Или у него возникли в мозгу какие-то гениальные планы? Мне передавали о его любопытстве к тому, что происходит в мире. Его интересовали Рим, Багдад, Константинополь. Он расспрашивал путешественников о нравах и обычаях чужих стран. Якобы огромное впечатление производят на него рассказы о великолепии наших зданий, о пышности ромейской литургии и ипподромных ристаниях.

Его ум и ясность мысли необычайны. Как орел, он окидывает умственным взглядом огромные пространства и морские побережья, не имея перед собою никаких путеводителей. Он взвешивает все обстоятельства и с необыкновенной быстротой разбирается в хаосе современного политического положения. Владимир прекрасно понимает важность водных и караванных дорог, по которым товары и золото совершают мировой оборот. Он отлично знает о всех затруднениях, которые испытывало в данный момент ромейское государство, и всегда искусно пользовался этими обстоятельствами. Сейчас он имел возможность настаивать на своих требованиях, потому что за его спиной стояли тысячи воинов, и магистр Леонтий не один раз вынимал красный шелковый платок, чтобы утереть пот с чела. Но и в Константинополе догадывались, что перед Владимиром стоят огромные трудности, связанные со все усиливающимся передвижением кочевников.

С тех пор как я стал принимать участие в государственных трудах, я постиг, насколько сложна

мировая политика. Жена скрибы, приготовляя для мужа скудную похлебку из соленой рыбы, или императорские кухари, сдабривая специями огромную рыбину к столу василевса, и не подозревают о тех усилиях, которые приходится проявлять, чтобы получать своевременно это богатство морей или обыкновенный кухонный перец.

Нужны золото, воины, быстроходные дромоны, сосуды с греческим огнем, чтобы охранять пропахшие специями караванные дороги. Требуются также государственный ум правителя, накопленная веками мудрость Сената и все хитроумие логофетов, чтобы сохранить на земле свет всемирной империи. И вот в эти дни, когда колеблется мир, на арену истории выходят русские племена. Что их толкает? Почему они так яростно стучатся в наши ворота? Какая сила влечет их к южным морям? Чрезмерное число их или мечта о чем-то прекрасном, чего еще никому до сих пор не удалось осуществить на земле?

Такие мысли приходили мне в голову, когда я надевал торжественные одеяния, собираясь на очередное собрание в доме стратига.

Служитель подавал мне с поклоном красный скарамангий. Я надевал его, и эта длинная одежда сразу же отделяла мое тело со всеми его слабостями от внешнего мира. Вместе с тем она защищала меня от холода и от всех влияний атмосферы, а также от тех опасных эманации, что излучают люди и некоторые животные. Я опоясывался, и мое тело приобретало в золотом поясе опору, необходимую для мужа во всех его предприятиях. Поверх скарамангия я набрасывал на плечи черную хламиду с вышитым на левой поле золотым орлом, и эта одежда, украшенная серебряными бубенцами, указывала на занимаемое мною в ромейском мире место. Золотая цепь на шее и украшенная золотым шитьем черная обувь, в которой я мягко ступал по дворцовым лестницам и по корабельным помостам, довершала мое одеяние. Уже не было жалкого тела, подверженного недугам и страстям; оно укрылось в пышных складках материи, в золоте инсигний. Это шел не обыкновенный смертный, как всякий другой человек, а друнгарий императорских кораблей и патрикий. Бубенцы символизировали мою ревность в непрестанном труде. Всюду, куда бы меня ни послала судьба, они возвещали тихим серебряным звоном о моей готовности служить василевсу.

Когда я смотрел на Анну, я видел только пышность ее одеяния и глаза — выражение ее бессмертной души. А все низменное и физическое было скрыто от меня шелком, пурпуром и златотканой парчой. Так несовершенство и грубость человеческой фигуры прикрывают красиво накинутым плащом. Один плащ называется «море», другой — «орел», в зависимости от его покроя и складок, но смысл всякого одеяния один и тот же: во-первых, укрыть нас от холода и, во-вторых, отвлечь наши мысли от плотского.

Мы являлись на переговоры красиво одетыми, с высоко поднятыми головами, благоухающие духами и розовым маслом. Но сердца наши не были спокойны. Дромон «Двенадцать апостолов» стоял на якоре в порту, как униженный проситель.

Трудно было в таких условиях сохранить твердость духа и быть неуступчивым, хотя в доме стратига велись только предварительные переговоры, а участь Анны должна была решиться в Священном дворце. Но я понял, что благочестивый, вручая мне судьбу ромейских кораблей, еще большие полномочия дал магистру Леонтию Хрисокефалу. Впрочем, все уже было решено историей. Торговля, которую вели за красоту Порфириогениты, была последним актом нашей трагедии. Однако странно звучало для меня ее имя, произносимое в этой сводчатой зале во время переговоров, в присутствии скифов, предлагающих за нее рыбные промыслы и солеварни.

Шел третий день переговоров. Магистр пытался выиграть время, шуршал папирусными свитками. Вдруг Владимир встал, подошел к столу и, водя пальцем по строкам злополучного договора, сказал:

— Здесь написано все, в чем василевсы обязались перед нами и клятвенно обещали выполнить. Время не терпит. Или вы выполните все условия, или мы идем на Дунай и вместе с болгарам уничтожим ваше царство навеки.

— А как же ты обещал возратить василевсам Херсонес? — уже просительно сложил руки магистр.

— Когда прибудет сестра царей, я возвращу вам город.

У меня пересохло в гортани, а Леонтий тяжело вздохнул и еще раз вынул красный шелковый платок. Глаза его забегали как бы в поисках предложения, за который можно было бы ухватиться, чтобы с новой энергией продолжать препирательства. Но ухватиться было не за что. Вокруг стояли равнодушные к его риторике варвары, а на улице шумели собравшиеся под окнами дворца толпы воинов.

— О чем они? — спросил меня шепотом магистр.

Я перевел:

— Они кричат, что надо убить греков.

— В каких выражениях?

— «Смерть лукавым грекам! Слава нашему ясному солнцу!»

Леонтий вздохнул и со сладкой улыбочкой произнес:

— Нам нечего прибавить к тому, что мы изложили. Но наши переговоры требуют утверждения благочестивых василевсов...

После благополучного окончания прений был устроен пир. В той же самой обширной зале со сводчатым потолком, где мы боролись за участь Порфиригениты, по обычаю руссов пол был посыпан соломой, а длинные столы завалены яствами. За ними сидели в белых рубахах самые знаменитые воины Владимира. Оружие они сложили у стен, так как никогда с ним не расставались. Отроки, прислуживавшие старшим воинам, приносили огромные куски жареного мяса и сосуды с вином.

Этот пир не был похож на благочестивые трапезы христиан, с пением псалмов и чтением житий святых и мучеников. Руссы ели с большим аппетитом, смеялись, разрывали мясо пальцами или отрезали куски ножами, и отроки едва успевали наполнять кубки вином. Надо сказать, что все было благопристойно и полно веселия, но мы сидели за столом как приговоренные к смерти.

Молодой русский военачальник, по имени Всеслав, один из немногих знавших наш язык, усердно угощал меня.

— Пей, грек, — ведь теперь мы братья! Вчера меня крестили в церкви. Принесли туда огромный сосуд. Говорят, в нем совершала омовения дочь стратига. Трижды я окунулся. Неужели недостаточно трех омовений, чтобы попасть после смерти в рай? А что такое рай? Странно! А знаешь, какое я теперь ношу имя? Илия. Говорят, что так зовется христианский Перун.

— Как можешь ты сравнивать пророка с Перуном? — возмутился я.

— Мне все равно. Я стал христианином, чтобы сделать приятное князю. А вдруг ваш священник говорит правду? И существует ад и рай? Страшно гореть в вечном огне...

Я неоднократно видел, с каким страхом рассматривали варвары картину, на которой был изображен ад — муки грешников среди пламени, на которых взирали с облаков праведники. Видно было, что и душа молодого варвара потрясена. За время пира он не один раз обращался ко мне с недоуменными вопросами. Это было понятно. Ему трудно было оторваться от старого и привычного и постичь, что существует единый бог в трех ипостасях.

Он повторял в раздумье:

— Отец, сын и святой дух...

Но пир, конечно, не место для богословских бесед, и мы заговорили о другом.

Владимир и его дядя, гигант с белокурой бородой, с мало подходящим для него именем Добрыня, что на языке руссов означает «добрый человек», сидели за общим столом со всеми и пили из одного турьего рога. Глаза князя выражали явное удовольствие. По всему было видно, что он большой любитель всякого веселия.

Насытившись, варвары пожелали слушать музыку. Отроки привели в залу слепцов в таких же белых одеждах, расшитых на груди красными и синими вышивками, как и у воинов. Их было трое, двое из них были стариками, третий — совсем юным. Они сели и положили перед собою варварские арфы, на которых множество струн. Руссы называют их «гуслями». В зале воцарилась тишина. Только какой-то воин, выпивший вина в неумеренном количестве, икал и тем нарушал торжественность ожидания.

Нахмутив косматые брови, слепцы рванули сухими когтистыми пальцами струны, и они сладостно зазвенели. Эти звуки необыкновенно приятны для слуха и напоминают музыку Эола. Некоторое время старцы перебирали струны, потом запели, и им вторил своим свежим голосом слепой юноша, стоявший подле них и смотревший в потолок ничего не видящими глазами.

Они пели песню о том, как десять соколов настигали десять лебедей. Но это были не лебеди, а струны, и не соколы, а десять пальцев певца... Слепцы пели о том, как Олег ставил свои лады на колеса и они двигались на парусах по суше, как по морю, под стены Константинополя...

Некоторые воины плакали, слушая пение. У моего соседа, который вчера стал христианином, тоже катилась слеза за слезой. Он мне сказал:

— Видишь этих старцев? Их ослепили греки после одного сражения, когда они попали в плен.

Я покашлял от смущения в кулак и ничего ему не ответил.

Опьяненный вином и музыкой, Владимир подпер рукою голову и о чем-то думал. В своей ревности я представлял себе, что он мечтает об Анне.

У руссов нет гинекеев. У них женщины не опускают глаз при встрече с мужчинами и участвуют во всех общественных делах, открыто выражают свое мнение на собраниях, а при случае даже сражаются рядом с мужьями и братьями на городских стенах. Они также принимают участие в пирах. Но русские жены были далеко.

К нашему ужасу, на пире появилась дочь убитого стратига, семнадцатилетняя девица, еще не успевшая осушить сиротские слезы. Ее посадили за стол рядом с князем, простодушно ухаживали за ней и утешали, и отрок принес ей серебряную чашу с вином. Дрожащими руками заплаканная девушка взяла тяжелый кубок, но отвернулась от него... Сколько испытаний в водовороте военных событий выпадает иногда на долю ни в чем не повинных

людей!

— Пей, греческая красавица! — кричали ей воины.

Появились другие женщины. Среди них были случайно Схваченные на улице служанки, может быть похищенные из семейных домов добродетельные матроны. Но много было также блудниц из портовых кабаков. Однако я не заметил никакого бесчинства. Воины пили с женщинами вино, дарили им ожерелья, с необыкновенной щедростью сыпали им в пригоршни серебряные монеты.

Мой сосед говорил какой-то женщине, может быть жене местного торговца:

— Полюби меня!..

Справедливость требует отметить, что, по-видимому, красавица была не прочь полюбить этого щедрого человека. Но некоторые воины под влиянием вина готовы были схватиться за мечи, не поделив греческих поцелуев. В зале было шумно, и уже легкомысленные женщины смеялись пьяным смехом. Только слепцы, забытые всеми, сидели безучастно и смотрели незрячими глазами куда-то вдаль, созерцая среди вечной ночи свои величественные образы.

Видя, что до нас уже нет никому дела, мы с Никифором Ксифием и Леонтием Хрисокефалом встали из-за стола и незаметно покинули собрание.

Дорогой, когда мы пробирались по ночным улицам в порт, где нас ждал дромон, Ксифий рассмеялся и похлопал магистра по плечу.

— И с кем только наш достопочтенный магистр не сравнивал варвара! Как ты изволил сказать? Новый Моисей! Равноапостольный Константин!

Леонтий угрюмо молчал.

— Если бы у меня были схолярии в достаточном количестве, — продолжал Ксифий, — легко можно было бы перебить их всех на пиру.

Настала очередь торжествовать магистру. Обернувшись к спутнику, он не без ехидства заметил:

— Верю, что господь наделил тебя воинскими способностями, но сомневаюсь в том, чтобы он отпустил тебе много ума. Подумай сам! Ты хочешь перебить скифов... А кто же тогда будет помогать благочестивому в его борьбе с Вардой Склиром и другими мятежниками? Обдумай это на досуге — может быть, и поймешь со временем...

Не зная, что ответить на это, Ксифий передразнивал магистра, подражая его елейному голосу:

— Кому уподоблю тебя? Второму Моисею уподоблю! С кем сравню твое великолепие? С великолепием Юстиниана...

Он выпил лишнее на пиру.

— С кем ты его еще сравнивал, отец? Кажется, с Ахиллесом? «Еще уподоблю тебя герою, разрушившему Илион». Так и сказал, клянусь святым Димитрием Солунским... Золотые у тебя уста...

— Осел! — не выдержал Хрисокефал. — Не клянись именем святого!

— Прекратите вашу ссору, — сказал я, — лучше будем скорбеть, что мы отдали

Порфирогениту варварам.

— А по-твоему, лучше погибнуть ромейскому государству? — обратился ко мне магистр.

— Что стоит государство, которое торгует женской красотой.

— Замолчи! — оборвал меня магистр. — Знай свои корабли! А остальное поручено мне. Тебе приличнее стихи писать, как Димитрию Ангелу, а не заниматься государственными делами.

В эти дни я успел хорошо познакомиться с городом. За исключением немногих сгоревших во время осады кварталов, где еще пахло гарью пожарищ и погорельцы не переставали рыться в развалинах, отыскивая остатки своего имущества, все сохранилось в неприкосновенности. Мощеные улицы, продольные и поперечные, — некоторые из них спускались красивыми лестницами к морю, — содержались в порядке и были снабжены водостоками. Дома в Херсонесе строятся из камня; они двухэтажные, покрыты красной черепицей и на улицы обращены своими глухими стенами. Вход в такое жилище обычно со стороны внутреннего двора, куда можно попасть через узкий переулок. На площадях стоят многочисленные церкви, общественные бани, а иногда и фонтаны, где струи истекают из львиных пастей. Здесь местные хозяйки берут воду для приготовления пищи.

Двери часто полукруглые, с украшениями над ними или с выбитыми в камне крестами, охраняющими обитателей от козней дьявола. Иногда попадаются на глаза цистерны, оставшиеся в городе еще со времен римского императора Феодосия.

Мы заходили с магистром Леонтием в церкви и базилики. Многие были переделаны из языческих капищ. Особенно мне понравилась древняя базилика на высоком берегу моря. Ее прежде всего видят мореходы с кораблей.

Мы перешагнули мраморный, стертый ногами молящихся порог и вступили в обширное, полное воздуха и света помещение. Базилика это трехнефная, и на каждой стороне ее стоят по одиннадцать мраморных колонн, украшенных капителями с монограммами Христа, крестами и листьями аканта. На колоннах греческие надписи с именами благодетелей святого храма. Но имена римские. Я прочел: «Валериан, сын Валерия». И дальше: «Маркиан, сын Гая»... Эти мраморные столпы как бы ведут мысли верных к абсиде, где совершается жертва. Пол в базилике из белых мраморных плит, а по бокам покрыт богатой стеклянной мозаикой — черные круги по желтому фону, с белыми квадратами в центре их пересечения.

Осмотрели мы и достопримечательности храма. В стену его вделана мраморная плита, на которой изображен возлежащий муж с венком в руке, а рядом с ним сидящая в печальной позе женщина, с лицом, закрытым покрывалом, и около нее мальчик-раб. На камне надпись на плохом греческом языке гласит: «Господи, помоги всему этому дому! Аминь!»

Рядом с базиликой стоит крещальня — небольших размеров строение с основанием в виде креста. Пол здесь тоже мозаичный, с рисунком, составленным из лоз с красными и черными гроздьями; в другом месте — из кругов, в каждом из которых помещена птица, а в центральном круге павлин с распущенным хвостом, как символ вечности.

Посреди крещальни помещается круглая мраморная купель. Мы рассмотрели, что вода в нее подается по глиняной трубе, а отсюда истекает в колодец. Диаметр купели — восемь локтей.

Мы вышли из базилики и поднялись на городскую стену, чтобы полюбоваться морем. Оно было прекрасно в этот утренний час, а справа лиловели дивные берега Евпатории. Базилика в языческие времена была посвящена Афродите, и трудно было бы найти в городе более соблазнительное место для постройки храма богини любви...

В центре города стоят другие храмы. Многие из них с усыпальницами, богато украшены

мозаикой и стенной живописью. Это — церкви Двенадцати апостолов, Софии, св.Прокопия, св.Иакова. Последний храм стоит на площади, где в Херсонесе происходит торг и где в те дни еще стояла квадрига на триумфальной арке Феодосия. На противоположной стороне площади расположены термы, и однажды мы посетили их, чтобы омыть свои тела от дорожного праха.

Это весьма древнее каменное здание, состоявшее из двух помещений: в одном люди раздеваются, в другом совершают омовение. Рядом находится пристройка с топкой, откуда в мыльню по трубам поступает горячая вода и раскаленный воздух, потребный для вызывания пота у моющихся и согревания бани в зимнее время.

В бане, среди суеты, плеска воды и в облаках пара, мы познакомились с человеком, которого в нагом виде трудно было чем-нибудь отличить от простых смертных. Но в одеянии он оказался местным коммерциарием, то есть смотрителем мыта, и даже в сане спафарокандидата. Его звали Фотин. В обязанности такого чина входит надзор за таможней, государственными складами и хранилищами всякого рода, а также за податями натурой. Фотин оказался очень любезным человеком и по нашей просьбе согласился показать камень с прославленной присягой херсонитов. Мы шли по довольно широкой улице, вымощенной плитами, чувствовали приятную легкость во всех членах тела после бани и слушали нашего проводника. Играя присвоенной ему печатью с изображением креста среди двух произрастающих лоз, он уверенно вел нас по кривым переулкам к древнему храму, тоже некогда посвященному какому-нибудь языческому ложному богу. На маленькой площади росли три огромных дуба. Возможно, что здесь некогда была палестра, судя по выщербленным непогодой мраморным скамьям.

— Вот мы и у цели нашего пути, — показал Фотин на мраморную плиту у стены храма.

Мы склонились над нею, и Леонтий стал разбирать надпись, уже пострадавшую от времени. Он читал ее вслух, и даже в его произношении слова наполнили воздух аттической музыкой.

— «Клянусь Зевсом, Солнцем, Девой, всеми олимпийскими богами, богинями и героями, кои владеют городом, страну и укреплениями...»

Он остановился.

— В чем дело? — спросил я, тоже почтительно склонясь к плите, хотя она была свидетельницей иных времен, когда люди еще не знали истинного бога.

— Здесь запачкано голубиным пометом, — объяснил Леонтий.

Потом он стал читать:

— «Клянусь, что буду единокорен со всеми гражданами в защите благосостояния и свободы города и не предам Херсонес, ни Киркинитиды, ни Прекрасную гавань, ни другие укрепленные места, коими владеют херсониты, ни варварам, ни эллинам, но буду охранять все это для народа херсонитов и не нарушу демократии...»

Леонтий опять умолк.

— Нельзя сказать, что современные нам херсониты достойны своих предков,

— рассмеялся он.

Фотин благоразумно пояснил:

— Меняются времена, и вместе с ними изменяются обстоятельства.

Однако видно было, что клятва мало интересовала моих спутников. Я сам дочитал ее текст:

— «И не передам на словах ничего тайного ни эллину, ни варвару, что может принести ущерб нашему городу, и никакого дара не дам и не приму ко вреду его граждан, и хлеба, вывозного с равнины, не буду продавать нигде, кроме как в Херсонесе...»

Фотин вдруг заторопился и покинул нас, может быть из бережливости не желая пригласить в свой дом чужих людей и потратиться на угощение, хотя мы и были в этом городе представителями самого василевса, или действительно будучи по горло занят мытными делами, и мы пошли прочь. Леонтий по обыкновению зевал, устав от бани и прогулки, и по дворцовой привычке прикрывал рот рукою. А я испытывал почему-то печаль, вспоминая только что прочитанные слова на камне, и на некоторое время даже забыл о действительности. Считаю, что я истинный христианин. Я соблюдаю все церковные правила. Но странно — каждый раз, когда я читаю языческого философа, или смотрю на мрамор статуи, или просто касаюсь рукой древних камней, мне почему-то становится грустно, и точно какая-то заря начинает тогда мерцать мне во мраке. Боюсь, что такие мысли греховны и их надо всячески избегать...

Начиная со следующего дня, мы стали готовиться к отплытию в обратный путь. В порту воины грузили на корабль, под наблюдением Ксифия, баранов и хлеба, а мы с Леонтием, без слуг и без телохранителей, бродили по-прежнему по улицам, и люди видели наше унижение. Выход в море был назначен на полночь, чтобы использовать благоприятный ветер, неизменно начинающий дуть в этот час в сторону моря, поэтому у нас еще было достаточно времени для прогулок.

На базаре толпились херсониты. Мирная жизнь понемногу вступала в свои права. Уже кое-где открылись лавки, в которых руссы покупали материи и женские украшения, и торговец показывал им цену вещи на пальцах.

Иногда до нас долетали обрывки разговоров. На главной улице города, которая называется Аракса и вдоль которой с одной стороны шел водосток, некий житель говорил слушателю, указывая на нас перстом:

— Посланцы василевса. В порту стоит ромейский корабль. А прочие — в гавани Символов...

Однажды из толпы нам крикнули:

— Предали нас варварам!

В группе людей, сидевших на ступеньках храма в ожидании, когда откроют его для богослужения, шел оживленный спор.

— Каган руссов принял крещение от латынян, — утверждал один из споривших, — поэтому папа и присылает посольство из Рима.

— Не от латынян, а из рук нашего епископа Павла, что сопровождал варяга Олафа в Киев. Это мне доподлинно известно.

— А я говорю, — вмешался третий, — что его крестили болгарские пресвитеры.

— Не болгарские, а русские!

Мы торопились, времени у нас было мало, и нам так и не удалось узнать, на чем порешили спорившие. Меня мучила жажда, и я решил попросить воды в первом же доме.

На улице стояла тишина, потому что вся хозяйственная жизнь происходит на внутренних дворах, куда надо пройти узким переулком. Когда мы вошли через низкую дверь во дворик,

мы увидели дом, каких сотни и тысячи в Херсонесе: он был в два жилья, к нему теснились пристройки, и под сенью орехового дерева три курицы искали пищи под строгим наблюдением черно-зеленого петуха с красным гребнем. В углу молодая девушка сидела на корточках и молола на ручных жерновах пшеницу, наполняя воздух теплым мучным запахом. Около нее был врыт в землю глиняный пифос, где хранилось зерно. Дверь в кладовку была открыта и позволяла видеть амфоры с вином и маслом. Тут же была сложенная из кирпичей печь для выпекания хлеба. На стене висела рыболовная снасть с каменными грузилами.

В дом вела каменная лестница, так как нижнее жилье было отведено под столярную мастерскую, судя по стружкам у широкой дери.

Я приветствовал девицу, орудовавшую жерновами с таким прилежанием, что звякало ее ожерелье из серебряных монет. Она была, очевидно, служанкой или дочерью хозяина. Когда я попросил ее дать мне напиток, она встала, поправила рукой упавшие на лицо волосы, сверкнула черными глазами и сказала просто:

— Пойдемте!

Мы с Леонтием поднялись за нею по наружной лестнице с перилами и очутились в довольно низком и скромном помещении, отличавшемся большой опрятностью. Стены горницы были окрашены в розовый цвет, в углу висела резная деревянная икона с изображением трех ангелов под дубом Мамврийским, а на полке была расставлена в порядке чисто вымытая глиняная посуда, в которой обитатели дома принимали пищу. На столе лежал каравай хлеба. Нам навстречу поднялся благообразный человек. Белозубая служанка объяснила ему, что мы просим напоить нас, и он велел ей исполнить наше желание. Девушка побежала и тотчас принесла в кувшине немного тепловатой воды, а в другом сосуде вино, и мы утолили жажду. Чаша в форме древней патеры, без ручки и ножки, была сделана из красноватого стекла, с надписью по-гречески: «Пей и живи!»

Трубы акведука уже починили, и в городе снова было изобилие воды, но наученные горьким опытом люди берегли ее, и служанка снова вылила остаток питья из кувшина в амфору.

— Почему вы не отразили скифов и не дождались помощи от нас? — спросил я.

Человек погладил степенно бороду.

— Если бы варвары не разрушили акведука, мы не пустили бы язычников в город.

Явилась из другой горницы старуха с палкой в руке и прибавила, шамкая беззубым ртом:

— Три дня мы употребляли в пищу только соленую рыбу, а воды не было уже ни капли. Нечем было омочить язык. Жили как в аду... А теперь что будет с нами?

— Какие настали времена! — сокрушался старик. — Не знаешь, будешь ли дышать завтра земным воздухом...

Я поблагодарил еще раз за воду, пожелал людям благополучия, и мы покинули этот гостеприимный дом и спустились в порт. Дромон все так же торжественно стоял в заветрии, ожидая нашего возвращения.

На другой день к вечеру на корабль явились Жадберн, молодой военачальник по имени Всеслав и еще два знатных русса, чтобы плыть в Константинополь. Владимир поручил этим людям отвезти послание василевсам.

Над Понтом Эвксинским садилось солнце, прекрасное, как в четвертый день творения. Паруса медленно всползали на мачты. Корабли один за другим вышли из гавани Символов. Пользуясь благоприятным ветром, мы отплыли к василевсу. Знала ли Анна, вышивая в

тишине гинекея воздух для церковного потира или читая стихи Иоанна Геометра, что участь ее уже была решена? А мне хотелось броситься в море, на съедение рыбам. Ничто не радовало меня в тот день — ни солнце, ни возвращение в город ромеев, ни предстоящая встреча с Димитрием Ангелом. С тяжестью на сердце я жил в этом несовершенном мире, который сгорит когда-нибудь в мгновение ока за свои грехи.

Мы совершили обратный путь без событий, достойных упоминания, благоразумно не удаляясь от берегов и не теряя землю из виду, и благополучно прибыли в Константинополь.

Первой новостью, которая поразила нас, было известие о гибели хранителя печати Василия. Мы узнали, что всемогущий евнух, державший в своих руках все нити управления, чем-то разгневал благочестивого и без всякого судебного рассмотрения был смещен, сослан в отдаленный монастырь, где вскорости и умер, не выдержав свалившихся на него несчастий. Дом его был разграблен городской чернью, а огромные имения взяты в пользу государства. Всего нескольких дней было достаточно, чтобы погибло такое могущество! Совершив то, что ему положено было совершить, и пройдя на земле назначенное время, евнух покинул этот мир, в котором столько людей он сделал несчастными.

Одним из первых, кого я встретил по возвращении в город, был Димитрий Ангел. Он принадлежал к богатой и знатной семье. Брат его был некогда domestikом схол, другой брат — стратигом Опсикия. А он уклонялся от служения во дворце или на поле битвы и проводил время в ничегонеделании, посвящая свои дни чертежам трудноосуществимых храмов, крепостей и дворцов. Теперь он носился с мыслью построить церковь, еще более прекрасную, чем Неа, удивляющую мир совершенством своих линий. Сотрясаясь от кашля, он говорил мне:

— Понимаешь, мой друг! Обширный, наполненный воздухом атриум, в котором шумят фонтаны. Очень много воды. Вода струится из бронзовых львиных пастей, из клювов павлинов, из труб, из тюльпанов и лилий. Колонны окружают атриум мраморным лесом... Купол... ах, если бы ты знал, какой легчайший купол я вычертил для этой церкви! А на сводах ее, среди пальм и пасущихся на лужайках агнцев, рано утром, на фоне золотых небес и розовой зари, василевс поклоняется Христу, симметрично окруженный епископами и патрикиями...

— Прекрасно, — отвечал я рассеянно.

— О, это будет лучше, чем базилика святого Луки, которую мы построили недавно в Фокиде! Природа богата, но в ней много случайного. Надо собрать все единичные положения листьев, чтобы создать одно, составленное из многих, совершенное, созданное дуновением умозрительного ветерка. Листьями такого аканта я украшу капители атриума. Надо, чтобы душа чувствовала не движение грубого земного ветра, а дыхание небесного Иерусалима...

В другое время я слушал бы его с удовольствием, но теперь мой ум был полон забот и огорчений.

— Надо, чтобы каменные стены покрылись лужайками райских цветов, чтобы они заполнили скучное пространство кирпичной кладки...

Мне было не до цветов. Молодой русский военачальник Всеслав, которого я привез из Херсонеса, был поручен моим заботам. Руссы с нетерпением ждали, когда им будет позволено видеть василевсов.

Прием послов состоялся по традиции в Магнаврской зале. Ради такого случая возлюбленный брат василевса даже покинул долину Ликоса, где в те дни начинался сбор винограда, что

давало ему возможность любоваться смуглыми прелестями поселянок, срезавших пурпурные гроздья.

Большой дворец гудел, как улей. Я доставил туда в указанное время русских посланцев, и, задирая головы к золотому потолку залы, они с удивлением осматривали в Пантеоне пышные мозаики побед. В свою очередь и руссы привлекали к себе всеобщее внимание, так как людям хотелось взглянуть на покорителей Херсонеса.

Явился препозит, ведавший приемом послов. Подъемные механизмы тронов были заблаговременно проверены, обильно смазаны маслом, чтобы по возможности не скрипели. Магнавскую залу по обыкновению украсили паникадилами, коврами и хоругвиями. Уже курились кадилъницы, наполняя запахом благовоний залы и смежные помещения.

Варвары с удовольствием помылись в термах, потому что руссы весьма опрятны. Впоследствии я узнал, что у них в Новгороде, Плескове, Ладоге и других северных городах большое количество бревенчатых бань, где в облаках горячего пара они имеют обыкновение бить себя березовыми ветвями, чтобы усилить выделение пота.

Мы подвели руссов к двери в тронную залу и еще раз напомнили им о троекратном земном поклонении, без которого не могло состояться торжество приема. Адмиссионалий, придворный чин, на обязанности которого лежало вводить послов, не скрывая своего удовольствия, что принимает участие в таком важном событии, отворил дверь и ввел руссов в зал. Но от зрелища, которое должно было несколько мгновений спустя представиться их глазам, скифов еще отделяла пурпуровая завеса. Она медленно стала раздвигаться, и тогда они увидели василевсов, сидящих на низких золотых тронах. Заиграли органы. Такой музыки никогда не слышали грубые варварские уши.

Перед тронами стояло позолоченное дерево, на ветвях которого сидели птицы, сделанные из чистого золота и серебра, — павлины, соловьи, голуби и орлы. Незримый механизм был приведен в действие. Птицы запели механическими голосами: трещал заводной соловей, кричали павлины, ворковали голуби, клекотали орлы. Около трона ожили два золотых льва. Спрятанные в их телах пружины и мехи работали без заминки. Животные раскрывали страшные пасти, рычали, высовывали языки, били себя хвостами. Послы стояли растерянные, позабыв о всех наставлениях. Однако я видел, что все это не устрашает их, а только кажется любопытным.

— Падайте! Падайте ниц! — шептал я.

Но они стояли, а в это время механизмы уже подняли на некоторую высоту подвешенные на цепях троны.

Я знал, что за стеной люди с огромным напряжением вращают скрипучее колесо, приводящее в движение механизмы. Это напоминало представление в театре. Я наблюдал за руссами, так как мне хотелось знать, какое впечатление производит на них это зрелище. Руссы молча стояли.

Потом я расспрашивал их. Они говорили, что больше всего им понравилась музыка.

— А троны и рычащие львы? — спросил я.

Они сказали:

— Разве мы дети?

Новый возглас препозита и новое возвышение тронов. После третьего возгласа послы с удивлением увидели, что василевсы уже вознеслись, как на небеса, под самые своды залы,

витами там в клубах фиимного дыма. Стратиги, domestiки, патрикии, евнухи смотрели на пораженных необыкновенным зрелищем варваров. В глубине залы блистали оружием протекторы и драконари. Органы ревели во всю силу гидравлических мехов. Фиим туманил зрение.

Наконец музыка умолкла. Послы все так же молча озирались по сторонам.

Никаких земных метаний! Мы с магистром Леонтием растерянно смотрели друг на друга. Церемониал был нарушен. Леонтий мне шепнул:

— А Ольга? Разве она не кивнула едва головой на приветствие августы? Невежи!

Препозит, обернув руку полый хламиды, произнес традиционное приветствие:

— Благочестивые василевсы Василий и Константин выражают радость по поводу благополучного прибытия послов их любимого брата во Христе Владимира в сей город...

Я перевел приветствие. Василевсы сидели на тронах, как изваяния. Василий был явно недоволен. В глазах Константина мелькал лукавый огонек. Ему было смешно. Но уже клубы фиимного дыма скрывали от взоров смертных лица боголюбивых государей...

Обстоятельства торопили нас. Судьбы ромеев висели на волоске. Как хрустальный шар, вращался в руке ромейского автократора мир, порученный его заботам. Но судьбе было угодно, чтобы именно я отвез Анну варварам, своими собственными руками вручил жестокому волку наше лучшее сокровище.

Никогда не забуду того черного в моей жизни дня, когда был назначен час отплытия в Таврику. Как убивалась Анна, покидая гинекей, осыпая поцелуями близких! Зачем в ней расцвела нежным цветком смуглая красота Феофано! Зачем мы не уберегли ее! Но спросите сердце и разум: что было делать нам, прогневавшим господа? На Дунае снова поднимались мизяне и готовы были вторгнуться в пределы фракийской фемы. В Азии положение оставалось катастрофическим, и мятежники могли каждый день получить помощь от безбожных агарян.

Мне рассказывали, что Анна плакала, заламывая руки:

— Лучше бы мне умереть, чем ехать в Скифию!

Константин обнимал ее и плакал вместе с нею. Василий в гневе теребил бороду. По его суровому лицу тоже катились слезы, слезы сурового мужа, редкие и драгоценные, как алмазы.

Константин рыдал:

— Прощай, сестра! Как в гроб я кладу твою красоту! Да не погубит тебя гиперборейский климат!

В третий раз за короткое время я отправлялся в далекое морское путешествие. Снова поднимал парус старый корабль, выдержавший столько бурь, снова поплыли мимо нас голубоватые берега.

За несколько дней до отплытия я беседовал с василевсом во внутренних покоях. Он сказал:

— Ты пересекал Понт по звездам небесным. Но теперь ты пойдешь мимо Месемврии, вдоль мизийских берегов, как обычно плавают ромейские корабли. Нельзя испытывать провидение.

— Все будет, как повелит твоя святость.

— Возьми лучший корабль, которому я мог бы доверить такое поручение. Проверь внимательно снасти и паруса и выбери самых опытных корабельщиков, на рвение которых ты можешь положиться. Рассчитай все заранее, чтобы не было неприятных неожиданностей. Не упускай из виду никакой случайности. Все должно быть предусмотрено.

Я стоял перед ним, опустив глаза.

— Какой дромон ты выбираешь для Порфирогениты?

— Позволь мне взять «Двенадцать апостолов». Это крепкий корабль, хорошо слушающийся руля и легко выдерживающий качку во время бури. Путешествие в это время года сопряжено с опасностями. Но на нем Порфирогените будет спокойно.

Василий развернул пергамен и стал просматривать корабельные списки. Скосив глаза, я увидел столбик названий:

«Двенадцать апостолов»

«Жезл Аарона»

«Победоносец Ромейский»

«Св.Димитрий Воин»

«Феодосии Великий»

«Дракон»

«Святой Иов»...

Обмакнув тростник в золотую чернильницу (военная добыча, напоминание о победе под Антиохией), василевс с искаженным лицом вычеркнул из списка «Жезл Аарона», уничтоженный пожаром у берегов Таврики. Чернила были пурпурного цвета.

За несколько месяцев Василий постарел на десять лет. В его русой бороде появились в большом количестве седые волоски. Глаза василевса покраснели от бессонных ночей, веки опухли.

— Пусть два других корабля сопровождают Порфирогениту до конца пути, — прибавил Василий.

Теперь три корабля шли, не упуская из виду берег. Жертва вечерняя, Анна плыла навстречу своей печальной судьбе.

С нею был магистр Леонтий Хрисокефал, не в первый раз выполнявший ответственные поручения василевсов, и другой магистр, Дионисий Сподион, а также доместик Евсевий Маврокатакалон, митрополит Антиохийский Фома, пресвитеры, и евнухи, и прислужницы. Они берегли сестру василевсов, как драгоценную жемчужину. Евнухи и дворцовые женщины (некоторые из них были лоратные патрикианки) укутывали ее в шерстяные одежды, оберегали от непогоды и морского ветра, прятали от посторонних глаз. Но корабль не гинекей. Я видел иногда по утрам, как Анна стояла на помосте с кем-нибудь из своих женщин и смотрела на море. Я видел, как слезы туманили ее божественное зрение. Когда я думал, что скоро руки варвара будут ласкать эту смугловатую красоту, мое сердце сжималось от горя и ревности.

Иногда поднимался на верхний помост боязливый Евсевий Маврокатакалон. Раскрыв, как некая огромная рыба, рот, он озирался со страхом по сторонам, не очень, должно быть,

доверяя прочности корабля. Ветер разведал его пышную бороду, величию которой он так гордился на собраниях. Но теперь ему было не до бороды. Жалкими устами он шептал:

— Погибнем мы, как фараон с колесницами, в пучинах...

Как ничтожна человеческая душа, когда она не обуреваема великими страстями! Какая забота этому человеку до прекрасного! Как свиньям, таким нужны не страшные небесные громы, не бури, а спокойное житие, корыто, теплая постель. Не героическая стихия морей, а грязная лужа... Каким грузом висят эти люди на рвущейся к небесам душе. Они — плевелы, засоряющие поле с пшеницей господя, сорные травы, достойные быть вверженными в печь. Они не холодны и не горячи и не способны ни на какое прекрасное дело.

Колесниц фараоновых и коней не было. Зато на корме, в деревянной загородке, находились бараны, предназначенные в пищу корабельщикам во время долгого пути. Каждый день приходил к ним с ножом кухарь, зверского вида человек с ладанками и крестиками на волосатой груди, и резал одного барана. Остальные покорно ждали своей очереди, пожирая припасенные для них сухие травы, не беспокоясь о завтрашнем дне. Для них не было в мировом порядке ни вечной жизни, ни славы, кроме славы наполнить пищу наши желудки. Зато не дано им и страданий, которые испытывает человек. Чем возвышеннее стремления человека, тем больше суждено ему вкусить печали.

Однажды Порфирогенита стояла на помосте корабля и смотрела на взволнованное море. Корабль покачивался на волнах, и снасти скрипели. Мы уже повернули от мизийских берегов на восток и находились недалеко от Таврики... Со всех сторон окружала нас морская стихия, только слева, вдаль, виден был берег. Кроме Анны, никого на помосте не было. Насытившись бараниной, люди отдыхали внизу. Кормчие стояли на кормовых веслах, направляя ход корабля, да сторожевой корабельщик высоко, в мачтовой кошнице, пел псалом, чтобы не уснуть под мерное качание корабля. Паруса прекрасно наполнились морским ветром. Корабельщик пел:

Блажен муж, не идущий на совет нечестивых...

Далеко позади, в мглистом тумане, шли другие два корабля: «Феодосии Великий» и «Победоносец Ромейский».

Глаза Анны были печальны. От слез и бессонных ночей их красота стала еще страшнее. Они были огромны, эти никогда не мигающие глаза. Брови над ними взлетали еще выше, придавая что-то нечеловеческое бледному лицу. На нем отражалось внутреннее страдание. Это была не обыкновенная смертная, а дочь и сестра василевсов, которая живет, повинувшись иным законам, чем судьбы женщин в обычных домах.

На черных волосах, разделенных пробором, не было ни покрывала, ни диадемы, ни простой нитки жемчуга. Да жемчуга ли в морском путешествии? Прижимая руку к груди, а другой держась за веревочную снасть, в зеленом шелковом одеянии, которое разведалось от ветра, Анна не отрываясь смотрела на море. Никого около нее в эту минуту не было. Опасаясь, что разум ее мог помутиться от горя, я приблизился. Ведь за бортом колыхалась страшная стихия.

Почему мой язык не прилип к гортани? Почему я не удержал своей дерзости? Но, оглянувшись и видя, что никто не мог наблюдать за нами, так как от корабельщика в кошнице нас скрывал парус, кормчие были на корме, а гребцы под помостом, я сказал:

— Порфирогенита!

Она обернулась ко мне с удивлением.

Это было страшнее, чем секиры руссов или стрелы болгар на поле сражения. Я чувствовал, что под моими ногами разверзается бездна, готовая поглотить меня, корабль, весь мир. Я понимал, что погибаю. Но я уже был бессилён удержать свои чувства. В эту минуту я не боялся ни гибели, ни гнева автократора, ни вечных мучений. Анна подняла на меня свои глаза, наполненные до краёв изумлением.

Задыхаясь от волнения, я стал говорить:

— Госпожа! Я вижу твои слезы. Я слышу, как ты плачешь по ночам. Как пес, я брожу около тебя, никому не доверяя. Хочешь, я направлю корабль к берегам Иверии? Я опытный мореходец. Мы дойдем туда в три дня. Никто не догадается ни о чем, пока мы не пристанем. Там ты найдешь безопасное убежище. Что значат судьбы ромеев в сравнении с твоим счастьем?

Анна смотрела на меня как на безумца.

— Что ты говоришь? — прошептала она и сжала руки на груди, как мученица. — Что ты говоришь? Опомнись!

— Я вижу слезы твои, госпожа, — упал я на колени перед нею, — а с тех пор, как я тебя увидел, там, во дворце, в зале с малахитовыми колоннами, я ни о чем другом не могу думать, кроме тебя.

— Когда ты видел меня?

— Помнишь, ты бежала за котенком и смеялась?

— Теперь я вспоминаю. Это был ты?

— Это был я.

Анна улыбнулась горько, всматриваясь в даль, может быть в тот гремевший гимнами день, когда она беззаботно резвилась в гинекее.

— Да, теперь я вспомнила. Припоминаю твое лицо. Сколько у нас было разговоров по этому поводу.

Не в силах сдержать своей страсти, я припал к ее ногам, покрывая поцелуями жемчужные крестики обуви. Но в это время парус запылескал, прилип к мачте, и кормчие стали звать корабельщиков, чтобы подтянуть снасти.

— Встань, встань! — ужаснулась она. — Ты потерял разум...

Я встал. Теперь мне казалось, что все случившееся происходит как в бреду. Я, простой смертный, волею случая вознесенный до звания патрикия, осмелился сказать такие слова сестре василевсов! Я уже чувствовал, как расплавленный металл вливается в мою гортань, сжигая внутренности. В голове мелькнуло: не пройдет и трех дней — и меня ослепят, забьют насмерть плетью или бросят в темницу и отлучат от церкви...

Грудь Анны вздымалась от сильного дыхания. Ветер играл зеленым шелком ее длинной одежды.

В это мгновение отворилась дверца камары, и оттуда показалось опухшее от сна бабье лицо евнуха Романа, бывшего папия, а теперь куропалата, которому василевс поручил свою возлюбленную сестру. Я услышал пискливый голосок:

— Госпожа! Солнце приближается к закату. Опасаюсь, что морская сырость может повредить

твоему здоровью. Внемли твоему рабу и спустись вниз!

За евнухом прибежали прислужницы. Одна из них держала в руках белый шерстяной плащ. Она накинула его на плечи госпожи, и Анна, прижимая плащ у шеи тонкими пальцами, удалилась, а ветер раздувал белое одеяние, как крылья голубя. Она была спасительницей государства ромеев, и красота ее оказалась сильнее нашего оружия и даже греческого огня.

Корабельщик пел псалом:

Охраняет господь путь праведных, И путь нечестивых погибнет...

Голос у него был пронзительный и мерзкий, но пел он с увлечением, вполне довольный своими музыкальными способностями.

Анна спустилась по ступенькам в темное чрево корабля. Потирая руки и позевывая, евнух подошел и с подозрением посмотрел мне в глаза.

— Что случилось, патрикий Ираклий? Ты, кажется, говорил с Порфирогенитой? О чем же вы беседовали, хотел бы я знать?

— Ты ошибаешься, достопочтенный, — оправдывался я и отстранял от себя руками воздух.

— А вот мы сейчас узнаем. Эй, любезный, — крикнул он корабельщику в кошнице, — спустись-ка к нам с твоих небесных высот!

Корабельщик прекратил пение, приставил ладонь к уху, чтобы лучше слышать. Евнух показал ему знаками, что надо спуститься на помост. Когда тот сполз с мачты, Роман спросил:

— Ты ведь видел, как патрикий разговаривал с Порфирогенитой?

Корабельщик замотал головой. Это был человек с нелепой бородой, с копной нечесаных волос, лопухий. Вероятно, он опасался впутаться в опасную историю и предпочитал все отрицать. Роман махнул рукой, не надеясь узнать что-либо от этого не сильного разумом человека. Корабельщик снова полез на мачту. Мгновение спустя опять послышался его мерзкий голос...

— Что за сладкоголосый соловей! — не выдержал евнух.

Я пошел к кормчим, делая вид, что мне надо проверить направление корабельного пути. Несколько корабельщиков лежали у кормовой башни и вели разговор. Один из них, с отрубленными в сарацинском плену ушами, над чем всегда потешались его товарищи, рассказывал:

— Взяли сарадины город. Пленили всех ромеев и решили их оскотить. Но городские женщины возмутились. Приходят к сарацинскому эмиру и говорят: «Разве ты воюешь с женщинами?» — «Нет, говорит, мы не воюем с женщинами».

— «Так за что же ты хочешь наказать нас?»

От хохота приятели хватались за животы.

На девятый день путешествия мы приблизились к берегам Готских Климатов. Когда сторожевой корабельщик увидел из кошницы башни Херсонеса, я велел украсить корабли пурпуром и вывесить хоругвь с изображением пречистой девы, хранившей нас среди опасностей. Все поднялись наверх. Утро было свежее, но солнечное, радостное. Ветер нес корабли в мягких и упругих объятиях к Херсонесу.

Берег приближался с каждым мгновением. Стадия за стадией уменьшалось пространство между кораблями и землей.

— Вот и миновали страшный Понт! — радовался Евсевий Маврокатакалон.

— Слава Иисусу Христу во веки веков! — поддержал его митрополит, ни разу не поднявшийся на помост, проболевший все путешествие.

— И ныне, и присно... — перекрестился Евсевий.

Уже можно было отчетливо рассмотреть городские башни, вход в порт, белые ступени спускающейся к морю лестницы, запруженной народом. С каждым мгновением все выше и выше вырастали перед нами башни. Наконец мы тихо прошли мимо их каменного величия. Кормчие с искаженными лицами налегали на кормила. Паруса падали с мачт... Весла замерли...

С волнением мы смотрели на город. Толпы народа ждали нашего прибытия. Солнце блистало на крестах хоругвей, на серебряных украшениях огромной иконы, покачивающейся над морем человеческих голов, на золотых стихарях. Анна стояла на корабельном помосте, в клубах фимиамного дыма, окруженная магистрами, патрикиями и пресвитерами, ведомая на заклятие, оплаканная и отпетая. Жемчужные нити свешивались с ее диадемы, колыхались у обезумевших глаз. Лицо Анны было нарумянено, и это особенно подчеркивало ее бледность. Глаза, глубокие и никогда не мигающие, уставились в небеса. Смывая румяна, по щеке катилась слеза. В этот час она была подобна какому-то языческому божеству. А на берегу хоры пели: «Гряди, голубица...»

Бородатые и светлоусые воины, в остроконечных шлемах, но без оружия, стояли бесконечными рядами. Владимир ждал свою невесту, прекрасную дочь василевса, совершившую ради него длительное и опасное путешествие. Окруженный херсонитами, он как бы простирал к кораблю руки. С его широких плеч тяжелой парчой свисала хламида, и драгоценные камни переливались на аграфе. На голове сияла золотая диадема, положенная ему по сану кесаря. И вот новая Ифигения, превозмогая слезы, едва-едва коснулась похолодевшими устами румяной щеки варвара, еще вчера приносившего человеческие жертвы русскому Зевсу, а ныне собиравшегося приять вместе с этим цветком императорских гинекеев царство небесное и, может быть, апостольскую славу.

Волосы зашевелились у меня на голове, когда я увидел на ногах варвара пурпурную обувь, какой не подобает носить, кроме автократора ромеев и повелителя Персии, ни одному человеку на земле. Я не знал, в чем горшее унижение для ромеев: в том ли, что мы отдавали ему Багрянородную дочь василевсов, или в этих пурпурных кампагиях?

Вокруг смотрели на нас любопытные голубые и серые варварские глаза. Леонтий, всхлипывая, шепнул мне:

— Ну что ж! Утаим слезы и порадуемся, что богохранимое государство ромеев вышло невредимым из таких испытаний...

Как в тумане ходил я по улицам Херсонеса в тот день, когда с триумфальной арки императора Феодосия варвары совлекли вервиями бронзовую квадригу — летящих в воздухе коней и героя, увенчанного острями солнечного сияния. С необыкновенным искусством они опустили на землю огромную тяжесть, не повредив прекрасного произведения художника. На площади, отмахиваясь хвостами от насекомых, волы спокойно ожидали, когда нужно будет тащить груз, как будто они стояли не на агоре, где народу оглашали новеллы василевсов и постановления вселенских соборов, а перед обыкновенной житницей. Соединенные попарно

ярмом, животные вытянулись длинной вереницей, и великолепный серый вол в первой паре смотрел выпуклыми глазами на красный плащ Никифора Ксифия. Чудовищная колесница была сбита грубо, но прочно. Привыкшие перетаскивать свои лады через катаракты, руссы двигали к ней тяжелую квадригу, подкладывая на пути круглые катки. Квадрига медленно ползла, скрип катков оглашал воздух, люди суетились вокруг нее, как муравьи около мертвого насекомого. Некоторые обнажили себя по пояс и в одних белых штанах, босые, как на страницах Льва Диакона, толкали крупы бронзовых коней. Владимир, в ромейском плаще, в обшитой мехом шапке, наблюдал за работой. Около него стоял презренный Анастас. Я слышал своими ушами, как он сказал варвару:

— Повели литейщикам отлить голову по твоему подобию, поставь ее на место кесаревой, воздвигни квадригу в твоём городе, и она будет века возвещать людям о твоей славе. Ибо металл не боится ни дождевой сырости, ни зимы, ни времени.

Владимир крутил светлый ус, ничего не отвечая. Теперь он в самом деле, может быть, воображал себя новым Феодосием.

Наконец квадригу водрузили на колесницу. Защелкали бичи. Опустив рога, быки повлекли тяжелый груз в порт, вздымая пыль, с нестерпимым скрипом варварских колес. Квадрига непонятным образом медленно двигалась мимо домов, и люди смотрели на нее и крестились. Зрелище было страшное и непривычное для человеческих глаз. В порту добычу должны были погрузить на ладью, чтобы везти по Борисфену в Киев. Казалось, не было предприятия, которое не удавалось бы руссам.

В порту я видел, как в ладьях лежали на ворохе соломы древние статуи, может быть произведения Лисиппа или Праксителя, а рядом с ними хрупкие вазы, богослужебные сосуды и хрупкие изделия из стекла. Молодые скифы заботливо передавали из рук в руки амфору с благовониями. Нагая богиня улыбалась на соломенном ложе, собираясь в далекий путь к северным варварам. Рядом покоился бронзовый Ахиллес. Лопухий ослик нес по обоим бокам тугого лохматого брюха кошницы, набитые книгами и свитками писания. Переговоры были закончены, и руссы собирались в обратный путь. Впервые их князь клялся в тексте договора не мечом, не языческими богами, а Троицей.

Перед отъездом руссы ходили толпами по городу, в котором снова кипела торговая жизнь. Жадность заставляла торговцев открывать разграбленные лавки, вытащить на свет припрятанные товары. Опять на Готской улице запахло миррой и мускусом, а на ступеньках базилик появились продавцы крестиков, четок и восковых свечей. Только виноторговцам не было чем торговать — вино было выпито до капли, а нового запаса еще не успели подвезти. Но уже доставили из Хазарии полосатые материи, женские украшения из серебра и бирюзы, золотые цепочки и разноцветную обувь. Даже менялы, худые иудеи или жирные греческие скопцы, выползли из своих нор и звенели монетами, взвешивая на весах номисмы. Награбленное золото текло рекой.

Один раз я видел, как по базару проезжал в сопровождении друзей Владимир. Воины оставили свои торговые дела и кричали:

— Слава нашему прекрасному солнцу!

Так можно было перевести эти клики на наш язык с языка руссов.

Городские дети бежали за княжеским конем. Иногда Владимир бросал им пригоршнями серебряные монеты.

Князь ликовал, и в глазах его можно было прочесть довольство. На днях в базилике св.Апостолов состоялась, по древнему ромейскому обряду, венчание его с Порфирогенитой. Сколько было пышности и торжества, сколько было сказано по этому поводу пустых и

фарисейских слов! Венчание совершал митрополит Эфесский и Антиохийский, родом славянин, прибывший сюда накануне со всей возможной поспешностью. Два епископа кадили перед лицом варвара, гремели хоры, мешки серебряных монет были розданы нищим и убогим.

Владимир добился всего, чего желал. Но во исполнение договора он возвращал ромеям Херсонес, все прилежащие к нему земли, рыбные промыслы и солеварни, посылал на помощь василевсу новые отряды воинов.

В те дни в городе было много ромеев из Константинополя. Одни явились для сопровождения Порфиригениты, другие — чтобы оформить договор и следить за его исполнением, третьи — по торговым делам. Можно сказать, что со мною были все мои друзья и враги: жадный и невежественный Евсевий Маврокатакалон, интриган Агафий, назначенный по моей просьбе стратигот Готских Климатов на место убитого Стефана Никифор Ксифий, магистр Леонтий Хрисокефал, которому было поручено сопровождать сестру василевса до Киева и убедиться в ее безопасности. Даже Димитрий Ангел был в Херсонесе. Владимир пригласил на службу многих художников, чеканщиков монет и переписчиков. Воспламененный своими строительными мечтами, Димитрий тоже пустился в далекую дорогу. Сотрясаясь от кашля — ужасный недуг не покидал его, — Димитрий Ангел делился со мной своими проектами, набрасывая худыми руками в воздухе округленность куполов, придумывал условную растительность капителей.

— Чтобы почтить север, я возьму для капителей не классический лист аканта, как принято строителями, а листья дуба, вырезанные с таким изяществом природой. Резец запечатлеет в них трепет борея, воздух степных пространств. По условиям сурового климата окна придется сделать узкими и скуподавущими свет. Ничего! Я украшу их снаружи барельефами. Внутри скудость света возместится размером храма, золотым фоном мозаик и люстрами. Побольше свечей! Воска в этой стране горы! Мы научим руссов делать свечи...

У него кружилась голова от грандиозных планов.

— Вокруг города мы построим каменные стены. Башни должны быть высокими, чтобы с них удобно было следить за передвижением кочевников. В Киеве выпадает много снега, и мы возведем на башнях высокие крыши, увенчаем их для украшения фигурами зверей. Над городскими воротами мы установим квадригу Феодосия с головой Владимира.

— Тебе не стыдно поднять руку на великого императора?

— Подвиги Феодосия сохранит история, а слава Владимира только возникает.

— Но где же ты возьмешь камень для таких построек?

— Камень? Все предусмотрено. Ты знаешь, как строил в Хазарии патрикий Петрона Каматира?

— Не знаю.

— Когда он прибыл с помощником на берега Танаиса, то увидел, что в этой стране нет ни извести, ни камня. Тогда Каматира построил огнеобжигательные печи и стал делать кирпичи. Известь он заменил речной галькой, размолотой в порошок на мельничных жерновах. Так будем строить и мы.

Я смотрел на него с завистью. Сколько огня было в этом болезненном человеке!

Иногда мы собирались у Леонтия Хрисокефала, обсуждая события. Больше всего на таких собраниях говорили о Владимире. Вопросы и новости о нем сыпались со всех сторон.

— Владимир принимал сегодня послов из Рима. Не знаете, что пишет ему римский папа?

— Владимир расспрашивал сарацинских купцов о Иерусалиме.

— Владимир осматривал ромейские корабли и любопытствовал об их устройстве.

— Не думает ли он посетить Константинополь?

Случалось, что к нам являлся пресвитер Анастас и сообщал о том, что делается в доме бывшего стратига.

В тот вечер он тоже принимал участие в нашей беседе. Магистр Леонтий увивался около него, пытаясь пронюхать о планах скифов. На рынке ходили слухи, что тысячи русских воинов отплыли прошлой ночью в ладьях в неизвестном направлении. Куда? Мы терялись в догадках. Но Анастас был нем как рыба, хотя в глазах его я читал скрытое торжество.

Вдруг вошел Никифор Ксифий, взволнованный и мрачный. Мы посмотрели на него.

— Владимир занял Таматарху! — сказал он.

Многие вскочили со своих мест. Магистр схватил его за плечи.

— Таматарху? Этого не может быть!

Анастас-тоже встал, потягиваясь с притворной зевотой.

— Время отойти ко сну...

Но мы обступили его со всех сторон, требуя объяснений:

— Что это значит?

— Вы предали нас!

Анастас развел руками:

— Что вы, отцы! Волноваться причин нет. Чем вы недовольны? Соблюден договор во всех подробностях или не соблюден? Соблюден. Получаете вы Херсонес в свое владение? Получаете. Посылает князь варягов на помощь василевсам? Посылает. Возвращает он вам солеварни и рыбные ловли? Возвращает. О Таматархе же в договоре никаких упоминаний не было...

Таматарха лежала по ту сторону Боспорского пролива. Этот город, очень важный в торговом и военном отношении, был населен скифами и всяким торгующим людом, среди которого было много руссов. Город никому не принадлежал, как-то управляясь в своей вечной анархии. Теперь Владимир тайно переправил туда воинов и наложил на город тяжелую руку. Мы понимали, что, обладая Таматархой, он всегда может, даже не имея военных сил в Херсонесе, оказывать давление на нашу политику в Таврике. Там он оставил как бы свое око, которое могло наблюдать за Таврическим берегом. Варвар обошел наших проницательных магистров. Договор соблюден, но над Херсонесом на вечные времена повисла в воздухе русская секира.

Агафий, писавший текст договора, частыми ударами кулака стучал по столу, скрипя зубами от злости. Леонтий Хрисокефал, сжимая голову руками, бегал из угла в угол, бормоча непонятное.

— Право, вам нет причин волноваться, отцы, — успокаивал Анастас. — Таматарха никогда не принадлежала ромеям. Зачем вам этот город? А каган (иногда русского князя называют здесь

каган, в подражание хазарам, и меня не удивит, если его скоро станут называть василевсом) нашел там своих людей, бежавших от его суда и не желающих платить судебной пени, беспокойных бродяг и непокорных всякого рода.

— Я понимаю твою игру! — многозначительно поднял палец Леонтий.

Анастас приложил ладони обеих рук к груди и сказал:

— Верьте, что мы теперь с ромеями как братья. Все ваши торговые права в Таматархе будут сохранены.

Уже ничего нельзя было изменить в нашем незавидном положении. Порфирогенита была в руках варвара. О Таматархе же хитрые, как змеи, магистры не подумали во время составления договора.

— Если бы вы знали, отцы, какие у нас замыслы! — потирал руки Анастас, радуясь, что он тоже принимает участие в составлении этих грандиозных предприятий.

— Господь низринет вознесшихся...

— Все в руках всевышнего. Это ты справедливо сказал. Но наш царь...

— Кесарь, — поправил его наставительно магистр Леонтий.

— Царь! — упорствовал Анастас.

— Кесарь! — воскликнул магистр и даже вскочил со скамьи.

— Царь! — не уступал священник и поднял вразумительно палец.

Никто больше не возражал ему. Впрочем, Анастас сказал в духе примирения:

— Царь, кесарь, князь — какое это имеет значение? Важнее, что Владимир обладает великим умом. Это мудрый правитель. А всякий мудрый правитель побеждает врагов, но предпочитает мир войне, объединяет народы, а не разделяет их, собирает в житницы, а не расхищает, любит мирную торговлю, обо всем помышляет и заботится о том, чтобы поселянин получил пользу от своих трудов. Если бы вы знали, какие замыслы у него! Он хочет строить школы и академии, перекинуть мосты через реки и устроить дороги, чтобы укрепить наше обширное государство. Он хочет знать, как живут люди в других странах, отправляет посланцев в Рим, Иерусалим, Багдад, Ани, Александрию, и путешествующие рассказывают ему обо всем, что они видели и слышали в этих городах. Чего вы хотите от него? С греками он живет в дружбе, с болгарами заключил вечный мир. Мы не нарушим его, пока не будет камень плавать, а хмель — в воде тонуть. А когда это будет? Никогда. Он не гордец, хотя породнился с ромейскими василевсами. Самых простых людей он делает участниками своего совета. Так поступил он, например, с Яном Кожемякой, сыном бедного человека. Церкви он отдает десятую часть от своих имений. Нет, ему надо помогать по мере сил, ибо он доброе творит для народа...

Он подошел к магистру, сел рядом с ним на скамью и зашептал:

— Продайте нам тайну греческого огня! Тысячи номисм за один медный снаряд для огнеметания! Горы мехов за один горшок состава! Научите нас, как готовится сей огонь! Что вы хотите за него?

Мы содрогнулись. Я с радостью вспомнил, что на ромейских кораблях, что стояли в херсонесском порту, не было ни одной огнеметательной машины, ни одного сосуда с огненным составом Каллиника. По приказанию василевса их оставили предусмотрительно в

Константинополе. Пусть попробуют узнать тайну ромеев!

Леонтий замахал на него руками:

— Что ты говоришь! Нам и самим неизвестна тайна приготовления огня. Даже сам василевс или патриарх, если бы они выдали эту тайну чужестранцам, врагам или кому бы то ни было, подлежат анафеме и смерти...

Анастас встал, явно разочарованный.

— Жаль, — сказал он. — Нам это пригодилось бы в борьбе с кочевниками.

— Ничего мы не можем сделать, — ответил Леонтий, — рады бы услужить вам.

— Смотрите, — погрозил пальцем пресвитер, — не прогадайте! Сомнут нас кочевники — будет плохо и вам. Мы можем защитить вас от врагов, а без нашей помощи вы не охраните ромейское государство. Какие вы воины!

— Победы не покидали нас! — сверкнул глазами Никифор Ксифий.

— Знаю, кто стяжал вам победы! — не уступал Анастас. — Разве дело в победах? У нас тоже были победы. Тысяча русских воинов разгромит все ваши гетерии, только пыль поднимется облаком! На Дунае руссы сражались с ничем не прикрытой грудью, нагие, бросив щиты и сорвав с себя рубахи, и побеждали ваших закованных в железо катафрактов. Дайте нам железо и греческий огонь. Вот этого нам и не хватает. Не хотите дать — сами возьмем! Построим корабли, мечущие пламя!

Он прибавил:

— Только бы нам не помешали обстоятельства...

Подумать только! Давно ли он упоминал в молитвах за литургией благочестивых ромейских государей и христолюбивое воинство, а теперь «мы» и «нам»!

— Не будьте близорукими, ромеи! — взывал он. — Ведь теперь мы ваши союзники. Будем помогать друг другу! Или — смотрите! Не так уж трудно переплыть Понт!

В дверях, обернувшись к нам, он сказал:

— Прощайте, отцы...

Только один раз имел я случай взглянуть на Анну. Наши корабли должны были вернуться в Константинополь. На них возвращались домой ромеи, провожавшие Порфирогениту в ее путешествии. Сопровождать ее до Киева остались только прислужницы, мы с Леонтием Хрисокефалом, Димитрий Ангел, священнослужители и наши писцы. На кораблях отплывали также в Константинополь варяги, поступившие на службу к василевсам. Меня посылали в Киев, как знающего язык варваров. По поводу варягов Леонтий говорил мне на ухо:

— Кажется, Владимир весьма не прочь отделаться от этих разбойников.

Возможно, что и в самом деле Владимир не питал особой нежности к скандинавским наемникам, с которыми у него всегда было много хлопот. Но он явился вместе с Порфирогенитой в порт в день отплытия, чтобы пожелать ромеям и варягам благополучного плавания. Ведь как-никак они отплывали к братьям нежно любимой супруги.

Князь шел с Анной под пурпуровым навесом, который держали на тростях четыре мальчика в серебряных стихарях. Впереди шествовали епископы и многочисленные пресвитеры.

Множество народу направлялось по узким и холмистым, но мощеным улицам в порт, где корабли были уже готовы поднять якорь. Я видел, как Анна сходила по крутому спуску, осторожно ставила маленькую ногу в обшитой жемчужинами обуви на грубые камни дороги. Ковры постлать на пути шествия не догадались или не имели времени. С застывшей улыбкой на лице Анна спускалась с камня на камень, и над ее головой покачивались розовые страусовые перья пурпурного навеса.

Корабли один за другим подняли паруса, медленно вышли из гавани в море. Внизу сиял уже почерневший от непогод Понт. Волны разбивались о берег. Варяги на кораблях, хлебнув вина, размахивали мечами и секирами, что-то кричали оставшимся на берегу — должно быть, обещали сокрушать врагов и побеждать. Владимир с довольной улыбкой смотрел им вслед. Пусть уплывают! Зачем ему эти беспокойные люди, когда у него сколько угодно смелых и послушных воинов! Анна стояла рядом, бледная, как всегда, и взволнованная. Она с грустью смотрела на корабли, уплывающие к братьям. Глаза ее никогда не мигали, такие же огромные и глубокие, как глаза на церковных изображениях. Но было что-то новое в ее лице. Как будто бы оно было опалено каким-то внутренним огнем. Губы ее запеклись, припухли, под глазами легли голубоватые тени. Все было понятно — впервые страсть прошумела над нею и опалила эти уста.

— Тяжкое бремя мы несем... — не выдержав, сказал я сквозь зубы.

— Что с тобой, друг? Чем ты опечален? — спросил Никифор Ксифий. — Не хочешь ли и ты вернуться вместе с ними?

— Будем и мы так.

— Уж не оставил ли ты в городе какой-нибудь вдовицы? — намекнул он на вдову логофета.

— Патрикию Ираклию надо обзавестись очагом, — вздохнул Леонтий, — нехорошо быть человеку одному...

Я вспомнил лицо его последней, еще не выданной замуж дочери, унылой и преждевременно увядшей.

Корабли удалялись. Голоса воинов затихали. Чайки с криками кружились над портовыми башнями.

Что я мог сказать друзьям? У меня не было ни жены, ни любовницы. Фелицитата, вдова покойного логофета, принимавшая тайно меня в своей увешанной иконами опочивальне, ничего не вызвала в памяти, кроме отвращения. Грузная женская плоть, вскормленная жирными пирогами. Тамар? Я старался не думать о ее смуглом теле, с которым в моей жизни были связаны такие греховные воспоминания. Не один раз я пробирался тайком в квартал Зевгмы, в тот грязный лупанар, где обитала Тамар. Я приходил, закрыв лицо куколом плаща. Старуха шамкала:

— Девочка уже вспоминала сегодня про тебя. Говорит: «Что-то не приходит мой патрикий?»

— Откуда тебе известно, что я патрикий?

— Хм... Корабельщики сказали.

После этого я не ходил туда. Еще много дней я содрогался, вспоминая смугловатые маленькие перси Тамар. Но я бежал из этого непотребного места, оставив ее на произвол судьбы.

Почему она плакала, целуя меня? Страшно жить в нашем мире! Может быть, я оставил там сестру свою? Не такие ли у нее глаза и ресницы, как и у другой? Почему же одна в пурпуре, а

эта продает свои ласки за медную монету? Обеим господь дал бессмертные души, а судьба у них не одна...

Мы возвращались из порта усталые и хмурые. Над толпою все так же покачивался пурпурный навес. На завтра было назначено оставление Херсонеса. Анна уезжала в холодную страну гипербореев.

На другой день, на рассвете, Анна поднялась на малый корабль, украшенный сарацинскими коврами, который должен был доставить ее в Киев. На других ладьях Владимир увозил военную добычу, статуи, мощи св.Фивы, ковчежец с нетленной главой св.Климента. Останки его покоились в Риме, глава досталась руссам. Они поделили с Римом драгоценное сокровище.

Солнце сияло трагическое и ослепительное. Паруса всползали на мачты, наполнялись дыханием понтийского ветра. Среди радостных кликов, мычания волов, ржания коней и криков верблюдов русы покидали город. Анна стояла на помосте корабля тоже готовая оставить навеки ромейские пределы. Я опасался за нее. Разве не мог суровый скифский климат погубить ее взлелеянную в пурпуре красоту? Но странно — мне показалось, что ее глаза блистали счастьем...

Путешествие наше напоминало переселение народа — такое множество людей, коней, ладей, волов двигалось в гавань Символов, чтобы плыть к устью Борисфена. Русская конница, бряцая оружием, ушла вдоль берега. Много воинов осталось в Таматархе. Когда из Херсонеса удалился последний варвар, стратиг Никифор Ксифий велел запереть городские ворота. С продолжительным скрипом затворились огромные створки, тяжко обитые железом. В течение многих месяцев ворота не запирались, и всякий мог в любое время входить в город или уходить из него, и ворота с большим трудом удалось повернуть на заржавевших упорах.

Я был одним из последних покинувших Херсонес и наблюдал все это, когда мы попрощались с Никифором, и я пожелал ему счастья на новом поприще. Потом нас разделила стена. После пронесшейся бури в городе наступила странная тишина. Херсонес снова стал жить куплей и продажей...

Теперь мы с магистром Леонтием должны были сопровождать Порфирогениту в далекий гиперборейский город, как пленницу. Хуже! Как погребенную при жизни.

Прошло десять дней с того часа, как мы покинули Херсонес. Огибая мысы, мы приплыли к острову Георгия, где Владимир, невзирая на ропот недовольных язычников, хотел срубить священный дуб, которому поклонялись руссы с незапамятных времен. В течение часа раздавался железный звон секир, рубивших гиганта. Но воины упростили оставить дерево расти на земле, и оно не рухнуло, хотя в новом христианском мире для него уже не было места. На широких ветвях дуба вили гнезда многочисленные птицы, теперь они кружились над ним с печальными криками.

Потом мы поплыли вверх по Борисфену. На одной из ладей, украшенной коврами, ехала в далекое изгнание Порфирогенита. На другой стояла квадрига, снятая с триумфальной арки Феодосия. В остриях солнечной короны триумфатор все так же невозмутимо держал в руках бразды, а кони навеки застыли в прекрасном полете, сгибая в воздухе легкие ноги.

От Крарийской переправы, где река Борисфен не шире константинопольского Ипподрома, мы стали подниматься к порогам, как русы называют катаракты. Конница шла берегом, готовая отразить кочевников, которые нападают неожиданно, пускают тучи стрел и снова исчезают в степных пространствах, чтобы вернуться в благоприятную минуту и пустить в ход свои страшные кривые мечи.

Однажды мы услышали вдали глухой шум падающей воды. Это и были с такой точностью описанные Багрянородным автором пороги.

Мы восходили все выше и выше по реке, и мимо бесконечной лентой двигались покрытые густою растительностью берега. Иногда плакучие ивы опускали к самой воде свои печальные ветви, иногда на берегу зеленели рощи дубов, откуда к нам прилетали лесные запахи. В воздухе слышалось пение бесчисленных птиц. Трепетали в лазури жаворонки, свистели дрозды и скворцы, ворковали горлинки, стучали дятлы. Говорят, что весной здесь щелкают по ночам и рассыпают бисер соловьи.

Порой на многие тысячи стадий тянулись ровные пространства, покрытые серебристой и странной для наших глаз травой, которая при малейшем движении ветерка колыхалась, как море. Все было иным на берегах Борисфена, чем у нас, — растительность, воздух, полный незнакомых ароматов, даже самое небо.

От Киева нас отделяли семь порогов. Первый называется «Малым», так как проход через него наименее труден. Здесь русские покидают ладьи, оставляя в них только груз, и, нагие, нащупывают ногами дно, чтобы ладьи не наткнулись на какой-нибудь подводный камень. Затем они толкают лодки через это опасное место. Ширина этого порога равна приблизительно тому зданию, в котором василевсы упражняются в конной езде.

Второй носит название «Бурление воды», и река образует здесь страшный водоворот. За камнями третьего порога стоит тихая заводь, кишущая множеством рыб. Варвары ловили их сетями, а потом варили на берегу водянистую похлебку, заправив ее солью, лавровым листом и перцем.

Отсюда руссы поднимаются к четвертому порогу, который называется «Пеликан», потому что в его утесах в большом количестве гнездятся эти прожорливые птицы. Здесь нападают на путешественников кочевники, и этот порог очень труден для перехода. Руссы вытаскивают здесь ладьи ни берег и волокут их по земле, а легкие лодки несут на плечах на протяжении пятидесяти стадий. Плавание это — многострадальное, трудное и страшное предприятие.

Пятый порог носит название «Шум». Вода его производит ужасный грохот, за которым трудно слышать людскую речь. Шестой называется «Остров». Седьмой, за которым уже лежит свободный путь в Киев, руссы называют «Не спи!».

Помню, как я сидел однажды на берегу варварской реки, под сенью русских дубов, и, раскрыв книгу Иоанна Геометра, пытался читать стихи, но не мог насладиться ими. Перед глазами стояли события последнего времени. Морское сражение у берегов Таврики и пылающий во мраке корабль... Падение Херсонеса... Путешествие Анны... Мои безумные слова о любви... Я пытался читать стихи, написанные с такою любовью к бедным и обиженным судьбою, но меня отвлекали крики руссов, падение воды, наполняющие воздух непрерывным шумом, и вся необычайная обстановка переправы через порог.

В этом месте порог представляет собою скалистый гребень. Вода низвергается со скал бурным водопадом, и воздух полон сырости от мельчайших водяных частиц, создающих радужное сияние. Страшно смотреть, как водная стихия обрушивается на камни и ревет в узких проходах среди скал.

Скифы выгрузили товары, вытащили на берег челны и каким-то чудом сняли квадригу Феодосия с ладьи. Небольшие ладьи они подняли на плечи и понесли вдоль берега, нагибая головы, как атланты. Под большие ладьи руссы подкладывали катки и волокли их, как обыкновенные повозки. Так же они поступили и с тяжелой квадригой. Полуголые люди тянули эту огромную тяжесть и выкрикивали метрические слова, чтобы соразмерить и согласовать общие усилия. Я видел, как напрягались мышцы на обнаженных спинах и на мощных руках. Выгибая сильные выи, руссы иногда топтались на одном месте, не будучи в силах сдвинуть

квадригу, потом с криком делали еще одно усилие и продвигали груз на один локоть. В это время другие подкладывали новые вальки, и квадрига медленно ползла вперед. И все так же невозмутимо улыбался триумфатор, протянув перед собою руки, в которых уже не было бронзовых лент, изображавших бразды, так как в пути они пришли в негодность и оборвались.

Конница ушла далеко в поле. Оттуда к реке прилетал степной ветер, пахнувший травами, мятой, горьковатым запахом полевой полыни.

На берегу росли дубы, и над ними часто пролетали лебеди. Воины пускали в них стрелы, и пронзенные птицы падали на землю, широко раскинув огромные крылья. Владимир в голубом воинском плаще, скрестив руки на груди, наблюдал за этой забавой.

Я сидел на камне под прибрежным деревом, с раскрытой книгой Иоанна Геометра в руках, и смотрел на быстрое течение воды, символизирующее у поэтов брэнную человеческую жизнь, на голубоватые дали, и взгляд мой легко представлял в темной листве дуба желуди, творимые природой осенью с таким изяществом, но служащие пищей свиньям. Однако всюду глаза мои искали Владимира.

О чем он думал в эти минуты? Вспоминал запекшийся от поцелуев рот Анны и ее нежные руки? Сколько любовниц он целовал по праву победителя! Смуглых пленниц из шатров, сделанных из верблюжьей шерсти, сероглазых славянских дев, холодных варяжских дочерей, черноглазых хазарок, христианок из Херсонеса... Чем была для него женщина? Добычей войны. Но, увидев наши преклонения перед Порфиригенитой и услышав почтительный шепот ромеев в ее присутствии, он понял, что Анна не такая, как другие. Князь смотрел на нее любящими глазами, и она улыбалась ему в ответ с нежностью. Неужели она забыла в его объятиях о ромейской гордости?

Мы только что перешли последний порог. Ниже по течению еще был слышен его шум, похожий на отдаленный ропот моря. Лады стояли у берега, уткнувшись птицеобразной грудью в песок. Вечернее солнце уже покрывало речные струи пурпуром. На фоне заката отчетливо застыли в воздухе черные кони квадриги, и их тонкие ноги, красиво согнутые в легком порыве, бросали в пространство восемь подков, и было видно каждое острие на солнечной короне героя. На берегу дымились костры, на которых руссы жарили добычу лесной охоты — огромных черных вепрей. Запах жареного мяса мешался с дымом, с вечерней свежестью воды. Мимо прошла группа воинов со смехом простодушных людей. Мне рассказывали, что, оставляя свой дом, они никогда не запирают дверей на замок и оставляют на столе хлеб и молоко, чтобы случайный путник, постучавшийся в дверь в их отсутствие, мог утолить свой голод. Мне приходило в голову, что это, может быть, и есть тот золотой век, о котором мечтает человечество. Я уже не был юношей и знал, что всюду есть страдания и заботы о насущном хлебе.

Подперев рукой голову, откинув полы простого дорожного плаща, который мне посоветовали взять в далекий путь в Херсонесе, я сидел на круглом камне и смотрел на полуголых воинов, напоминавших мне тех варваров, которых я случайно видел в далеком Риме на какой-то колонне. Они рассекали туши животных, чтобы приготовить ужин. Листва дубов была в слоистой голубой дымке от костров. Когда мой взор находил на реке небольшой ромейский корабль, доставленный с такими усилиями в русские пределы, я отворачивался, чтобы не терзать себя. На том месте, где стояла хеландия, на берегу были разостланы ковры, и Владимир сидел рядом с Анной, окруженный друзьями, с которыми он делил сражения и пиры. По заведенному обычаю они пили вино из рогов или глиняных чаш. Слепцы, те самые, что пели во дворце стратига, опустив на грудь седые бороды, перебирали струны гуслей. В тихом вечернем воздухе до меня явственно доносился звон струн, голоса, бульканье изливавшегося из сосуда вина. Владимир крикнул лирникам:

— Спойте нам песнь про синий Дунай!

Слепцы рванули струны... Князь слушал их, закрыв глаза, позабыв о турьем роге, который друзья предлагали ему осушить. Когда слепцы начали строфу о великом русском герое, всю жизнь мечтавшем о синем море, о далеких странах и южных плодах и погибшем где-то недалеко от здешних мест, на берегах Борисфена, Владимир опустил голову. Анна смотрела на него сострадающими глазами, как будто она была не Порфирогенита, а самая обыкновенная женщина, стирающая на портомойне одежду своего мужа.

На широкой реке стояла необыкновенная тишина, нарушаемая только шумом далекого порога. Угомонились птицы. Сильнее запахло речной сыростью. Далеко в степях ржали скифские кони. В этой тишине особенно звонко рокотали струны и звучали голоса слепцов. Они пели:

Тогда Святослав воззрел на солнце, В последний раз вздохнул он и рухнул, как дуб...

Проходивший мимо пресвитер Анастас сказал мне по-гречески:

— Патрикий чтением услаждает душу?

Я не пожелал ответить ему и отвернулся. Вид этого изменника был мне ненавистен. Но Анастас продолжал:

— Книжные слова утешают нас среди горестей...

— Каких горестей? — не выдержал я.

— Разве мало огорчений выпало на долю ромеев в последние годы?

— Ромеи непобедимы, — сказал я, — а тебя, предавшего христиан, ждет геенна огненная.

Анастас постучал пальцем по лбу.

— Ромеи хитры, как змеи, но разум их мал. Почему ты, ослепленный злобой, называешь меня предателем? Я не предатель, а служитель Русской земли.

Пользуясь надежной защитой от кочевников, вместе с русскими воинами в Киев направлялись из Херсонеса и других таврических городов многие купцы. Среди них был иудей по имени Авраам. Он ехал с тремя сыновьями в Киев по торговым делам. Хотя он был израильтянином, но я не пренебрегал беседами с человеком, видевшим столько на земле, и расспрашивал его о стране Владимира.

— Славян много, как песчинок на морском берегу, — говорил Авраам, — если найдется человек, который объединит их и положит конец их распрям, они будут непобедимы.

По обычаю хазарских купцов Авраам носил меховую шапку, длинный кафтан, опоясанный пестрым платком, широкие штаны. Борода у него была как у библейского патриарха.

— Удастся ли это Владимиру? — спросил я.

Авраам пожал плечами.

— Никому не известно, какая судьба приготовлена для руссов. Хазары рассказывают, что первого русского воина родила псица, оттого-то они и бросаются с такой яростью на врагов. Страшные люди! Посмотри на эти мышцы! Кто может противостоять такому народу? Была Хазария, страна, полная золота, и нет теперь Хазарии. А они — как песок морской. Сегодня неприятель сожжет их город, а завтра они построят новый. Они неуязвимы в своих огромных

пространствах.

Рассказ о собаке поразил меня. В свое время я читал, что первого ромея вскормила волчица. Совпадение или подражание?

Я снова пошел к тому месту, где пировали воины, хотя в последнее время избегал вина по причине слабого здоровья. Слепцы кончали песню:

Не забудем мы твоих великих дел, Твоих трудов за Русскую землю...

Русская земля! Откуда она родилась в этих пространствах? Откуда возникла громоподобная музыка этого нового мира? Из ледяного небытия? Увы, мы не внимали, мы проглядели, а теперь уже ничто не может остановить бег истории!

Ночь путешественники провели под открытым небом, одни — на берегу, другие — в ладьях, завернувшись в плащи и овчины. Над Борисфеном стояли звезды. В прибрежной роще фыркал какой-то дикий зверь. Я решил провести ночь в ладье. Она покачивалась на воде, как колыбель, но я не мог уснуть, хотя долгое путешествие утомило меня. Все было спокойно вокруг. И один раз я услышал с той стороны, где стояла ладья Владимира, счастливый женский смех.

Рядом со мной лежал магистр Леонтий. Было нелегко в его годы предпринимать такое утомительное путешествие. Но он мужественно переносил все тягости, выполняя волю благочестивого. Под другой овчиной кашлял Димитрий Ангел. Слышно было, как иногда в воде плескались огромные рыбы.

Чувствуя, что мне все равно не уснуть, я стал перебирать в памяти события и картины путешествия. Оно было странно, как сон. Вепри, выбегающие из дубовых рощ на водопой к реке, горы рыб, уловленных сетями, квадрига, ползущая на катках по берегу Борисфена!

Больше всего мой ум занимал Владимир. Князь стоял передо мной как живой. Этот человек может решиться на самое трудное, обратить свою страну в христианство, пойти войной на Константинополь. Казалось, ничего нет на земле, что могло бы остановить его. В его голубых глазах пылала прекрасная решимость. С каким искусством он обошел все козни наших хваленых магистров! И есть в нем какая-то завидная легкость, великодушие. Я слышал однажды, как он говорил на пиру:

— Что мне серебро! Серебром я не куплю себе друзей, а с ними найду достаточно серебра и золота. Не пейте из рогов и глиняных клубков, а пейте из серебряных чаш!

По его приказанию отроки принесли из ладей серебряные чаши, и князь дарил их воинам. В тот вечер пировали до полуночи. Я с большим трудом добрался с магистром и Димитрием Ангелом до своей ладьи, хотя тайком и выплескивал вино из чаши на землю. А Владимир, как будто бы и не было пира, потребовал коня и уехал в ночное поле. С ним отправились другие воины. Когда взошло солнце, они вернулись, звеня оружием, пахнущие зверем, росой, конским потом.

Снова мы двинулись в путь, и опять мимо поплыли блаженные берега Борисфена. Владимир спешил вернуться в Киев, торопились и гребцы, стосковавшиеся по оставленным семьям. Уже руки их покрылись мозолями, но они неустанно гребли, и мускулы играли на обнаженных спинах.

Была последняя остановка в пути на ночлег. По обыкновению руссы развели костры, чтобы приготовить пищу. Как всегда, Владимир куда-то ускакал со своими воинами. Я видел, как серый в яблоках конь, перебирая высоко ногами и выгибая шею, взбирался боком на береговую кручу и ветер развеивал его белую гриву. Длинный меч бряцал о позолоченное

стремя. Грызя удила, конь побеждал крутизну. Вероятно, они отправились на очередную звериную охоту или разведать, все ли спокойно в полынных степях.

Анна сошла на берег со своими патрикианками и греческими прислужницами. Утомленные путешествием, ее приближенные женщины с радостью ступили на берег, бродили у воды, лукаво переглядываясь с северными воинами.

Я стоял у дуба, когда Анна проходила мимо. Под ее зелеными башмачками хрустели камешки. У меня сильно забилося сердце.

— Здравствуй, патрикий, — сказала она тихо, и в ее глазах мелькнул женский огонек.

Она очень изменилась за последние дни, стала радостной и спокойной, и грудь ее дышала мерно и глубоко.

Порфирогенита улыбнулась мне. Может быть, она вспомнила о моих безумных словах во время путешествия в Херсонес.

Я поклонился ей, как положено высокому званию Порфирогениты, и сказал:

— Скоро мы прибудем в Киев, госпожа. По прибытии в этот город мы оставим тебя и возвратимся в ромейские пределы. Повели рабу твоему!

Я осмелился взглянуть на нее. Ее лицо было похоже на неправдоподобный сон. Нарушался благочестивый порядок жизни. Вот дочь василевса не в благоговейной тишине гинекея, а на берегу древней реки руссов, и я, простой смертный, обращаюсь к ней с докучными словами!

Листья дуба прошелестели от прилетевшего ветерка. Анна глубоко вздохнула. Уже вокруг веяло северной свежестью. И вдруг она прошептала:

— Как хорошо здесь!

Ноздри ее трепетали. Увы, Багрянородная променяла славу Рима на скифское царство, а сердце ее веселилось. Она опять улыбнулась и закрыла на мгновение глаза. Вспомнила руки князя, ласкавшего ее смуглые плечи?

Едва взглянув на меня, она пошла дальше, кивнув мне головой.

От ладей ко мне приближался Анастас. Не желая встречаться с ним, я отошел. Но пресвитер крикнул:

— Устал, патрикий? Ромеи привыкли к мягкому ложу.

Не глядя на него, я ответил:

— За тридцать скифских сребреников ты продал христиан.

К счастью, ко мне спешил Димитрий Ангел. Уставший от путешествий, больной, но с необыкновенной жадностью воспринимавший все новое, он был взволновал открывшимся ему миром.

— Какая прекрасная река! Какое обилие рыбы! Думал ли я, когда читал у Багрянородного о Борисфере, что поплыву по его водам?

— К чему все это, Димитрий, когда на душе так печально?

— Выпей чашу вина или вспомни что-нибудь забавное. Нет, как благодарен я небесам, что посетил русский мир! Какие храмы я построю в Киеве! Сколько здесь богатства, скота, меда,

мехов, золота!

Он был прав. На берегах этой реки цвела жизнь, полная изобилия. Над Русской землей веял совсем иной воздух, чем на наших форумах. С какой радостью вдыхала его Анна! А мне был милее наш строгий ромейский мир с его канонами и правилами, литургиями и церемониями. Он был совершенен, как купол Софии, и в центре его сиял василевс, хранитель вселенских соборов. Русский воздух был не для меня. Он волновал, манил в туманные дали, где сероглазые девы пели грудными, теплыми голосами и среди полынных полей ржали скифские кони.

В одно раннее утро, когда еще стлался над рекою туман, мы приплыли в Киев. Последний переход руссы гребли даже ночью, потому что сгорали от нетерпения увидеть поскорее родные очаги. Протерев глаза, мы рассмотрели на высоком берегу странный бревенчатый город. На земляных валах стоял частокол. Над ним занималась холодная гиперборейская заря.

— Проснись, магистр, — разбудил я Леонтия, — вот и конец нашего путешествия.

После сна утренний воздух леденил кровь. Кутаясь в плащ, магистр отогнал сонные видения и стал шептать положенную молитву. Так он начинал свой день; даже совершенно изнуренный путешествием, он не забывал об этом. А я с любопытством смотрел на легендарный русский город. Над стрехами его домов поднимались утренние дымы. На берегу нас ждали толпы народа, а из раскрытых настежь ворот в приземистой бревенчатой башне выбегали все новые и новые толпы и устремлялись к реке.

Ладьи с разбегу приставали к берегу, и воины, по колена в воде, вытаскивали их на песок. Люди весело перекликались по поводу благополучного прибытия. Воины бросали из ладей на землю охапки материй, оружие, одежду.

Тысячи женщин сбегали с горы с радостными криками. Они были в белых рубахах, расшитых узорами около шеи и на рукавах, и в разноцветных сарафанах. На шее у них звенели ожерелья из серебряных монет или зеленые и синие бусы, у которых был какой-то особенно радостный вид. Мужья, братья, сыны протягивали им навстречу руки.

Среди шума и радостной суеты воины вручали женам подарки. Один развернул перед возлюбленной вышитую грифонами материю, и она стыдливо отворачивалась от подарка, как будто бы страшась той награды, которую от нее потребуют. Другой показывал жене шитые жемчугом греческие башмачки, и жена с восхищением смотрела на них, сжимая руки. Но не всем суждено было вернуться. Старуха плакала, обняв голову руками. Должно быть, сын ее остался в ромейской земле. Молодая женщина с лицом необыкновенной нежности, увешанная бусами и монетами, заламывала руки, билась в рыданиях на земле, а седоусый воин, хмуря брови, держал перед нею в руках меч убитого мужа, его секиру, обшитую мехом шапку. Глядя на мать, дети кричали и размазывали кулачками слезы. А рядом другая женщина прижимала к груди высокого воина, и тот смеялся и обнимал ее обезумевшую от счастья, растрепанную голову. Дальше еще одна царапала лицо ногтями, срывала с себя ожерелья.

Она сидела на берегу и точно на поле битвы, точно над милым телом сына причитала:

Темный лес к земле клонится, Никнут травы от жалости...

Но здесь магистр приблизился ко мне и со вздохом сказал:

— Скоро расстанемся с нашей голубкой навеки...

В порыве любви и радости женщины и быстроногие дети обогнали старцев, которые с

медлительной торжественностью спускались с горы с посохами в руках, чтобы приветствовать князя по случаю его возвращения. Это были те из княжеских советников, которые из-за преклонного возраста не могли уйти в поход. Они были в чистых белых одеяниях, поверх которых некоторые накинули синие или красные плащи, застегнутые на правом плече запоной. У некоторых были серебряные бороды, у других длинные усы. С большим достоинством старцы приблизились к Владимиру, обнимали и целовали его, как сына, с отеческой любовью. Потом с улыбкой смотрели на сестру василевса. Но не падали перед нею ниц, так как этот народ полон гордости и ни перед кем не склоняет выю.

Киев, представившийся накануне нашему зрению в такой красоте, при ближайшем ознакомлении оказался обыкновенным варварским городом с бедными хижинами, наполовину вырытыми в земле и покрытыми тростником или соломой, так как руссы усердно занимаются земледелием. Впрочем, дома богатых людей построены здесь из дерева, и особенно искусными плотниками у руссов считаются жители Новгорода. Окошки в таких строениях скудны, небольших размеров и обычно затянуты бычьим пузырем, пропускающим мало света, но украшены наличниками, на которых резец изобразил птиц и зверей и всевозможные узоры. Как во всех северных городах, в Киеве не знают камнестроения, потому что дерево в этой богатой лесами стране самый удобный и дешевый строительный материал и жилища, построенные таким способом, хорошо держат тепло, что очень важно, принимая во внимание суровый русский климат. Здесь все делают из дерева — посуду и ложки, а также возводят мосты и даже прокладывают мостовые и трубы для воды и стока нечистот. Однако на площади, которую называют Бабиным торжищем, стоит посреди обширного двора кирпичное здание, с большой роскошью построенное еще княгиней Ольгой, той самой архонтиссой, о которой писал Константин Багрянородный в книге о церемониях. Но, кажется, пока это единственное каменное строение в городе, и даже христианская церковь, стоящая под горой, где мы помолились с Леонтием по приезде, построена из бревен, с красивыми надстройками.

На холмистых улицах Киева дома построены в беспорядке, и каждый житель селился так, как ему вздумалось, без общего плана. Некоторые жилища имеют дымоходы, в других дым выходит наружу сквозь щели в соломенной крыше, превращая жилище в своего рода огромную курильницу. Таким образом руссы копят подвешенные под стрехами куски говядины или медвежатины, жирных гусей и пойманную в Днепре рыбу. Рядом с жилищем за плетнем или загородкой помещаются домашние животные. На заре пастухи звонко играют на свирелях, собирая скот, и выгоняют коров и овец за городские ворота, где начинаются превосходные луга.

По приезде в Киев мы поселились с магистром Леонтием у Добрыни, в одном из тех бревенчатых больших домов, которые руссы называют палатами, то есть дворцами. Нам отвели пахнущую деревом, опрятную горницу с зеленоватыми стеклами в виде кружков в свинцовой оправе, с низенькой, обитой железом дверью. Все убранство ее состояло из низкого, но широкого ложа с пышным пуховиком и сшитым из беличьих шкурок покрывалом и деревянного стола на четырех ножках. В соседней светелке была приготовлена большая чаша для умывания, и во время мытья воду лила нам на руки из кувшина молодая рабыня с печальными глазами. На спине у нее лежали две тугие черные косички.

Сам хозяин обитал в другом помещении, обставленном более богато и увешанном дорогими персидскими коврами, с золотой и серебряной посудой на столах. По всему было видно, что знатные руссы уже приобрели привычку к роскоши и ценным вещам. В доме Добрыни я видел тяжелые серебряные подсвечники с восковыми свечами и в горницах часто курились аравийские благовония. Еда у нашего хозяина отличалась обилием. Но к пище подавали не вино, которое здесь пьют только на пирах, а русский хлебный напиток, сладковатый на вкус и приятно пощипывающий ноздри при питье. Жена Добрыни была дородная, румяная и

светловолосая женщина с золотым ожерельем на очень белой шее. Оба были рады, что я изъясняюсь на их языке, и непрестанно расспрашивали меня о том, как живут люди в других странах. Хозяйку особенно интересовали одеяния наших лоратных патрикианок и различные женские украшения, а Добрыня больше любопытствовал относительно торговли и военного дела, но тут я остерегался сказать лишнее.

Однако мне пришлось побывать и в бедных хижинах, и я имел неоднократно случай наблюдать здесь бедность и недостаток пищи. Свое жилище небогатые люди выкапывают прямо в земле, вынимая также почву для ступенек и скамей у стены, и вырывают глубокие ямы для хранения зерна и других продуктов. Верх своей хижины они строят из дерева или прутьев, обмазанных глиной, а крышу покрывают соломой.

На другое же утро, разбуженный свирелями пастухов, я вышел из дому, чтобы побродить по городу, и люди с любопытством смотрели на чужестранца, и некоторые радушно приветствовали меня и желали доброго утра. Предварительно я умылся. Опустив длинные ресницы, все та же молодая рабыня лила мне воду на руки, и я освежил лицо. Потом девушка протянула мне расшитое узорами полотенце. Края его были украшены красными и синими Птицами по бокам широкого дерева. Я заметил, что у здешних людей есть желание все свои вещи украсить узором или краской.

— Как тебя зовут? — спросил я рабыню.

— Азара.

Я понял, что так прозвали девушку хозяева, когда ее привезли сюда после какого-нибудь удачного похода в степи. Я сказал, что хочу есть, и она принесла глиняную чашу с молоком и кусок еще теплого пшеничного хлеба, приятно пахнувшего подгоревшей мукой, и я съел все это с большим удовольствием.

Леонтий еще спал, так как вчера налег на свинину за столом и всю ночь страдал желудком, стонал и охал, а я отправился в город, сгорая от нетерпения поскорее познакомиться со здешней жизнью.

Отправляя нас с Леонтием в далекое путешествие, василевс напомнил, что нам надлежит не упускать никакого удобного случая для того, чтобы разведать силы варваров, количество и способ изготовления у них оружия и получить прочие важные с военной точки зрения сведения. Поэтому, очутившись в городе, я немедленно направился разыскивать кузницы и домницы, в которых плавят металл. В трактате «О проводниках и лазутчиках» подробно описывается, как надо собирать такие данные.

Многое я уже услышал от спутников во время путешествия по Борисфену, поэтому мне нетрудно было найти то, что меня интересовало. Подобного рода мастерские находятся обычно у городских ворот, где в город въезжают возы и конные путники и часто требуется кузнец, чтобы подковать коня или починить повозку.

Вскоре я действительно обнаружил около крепостного вала одну домницу. Она была построена в закрытом помещении и, очевидно, принадлежала сравнительно богатому человеку, потому что в его распоряжении находилось два помощника, из которых один, судя по всему, был рабского состояния.

Я спустился по земляным ступенькам в литейную и вежливо поздоровался. Хозяин, занятый работой, повернул ко мне лицо и ответил:

— Будь здоров и ты!

Один из молодых помощников с любопытством рассматривал меня, а тот, которого

приходилось считать рабом по его жалкой одежде, все с тем же ожесточением продолжал свой труд, беспрестанно и мерно разводя и сжимая рукоятки кузнечного меха. Домница была сделана из обожженной глины, в виде закругленного наверху конуса, со стоками внизу для отекания жидкого шлака. Как и везде это делается, в такую печку закладывают слоями руду и древесный уголь и силой мехов раздувают внутри большой огонь.

Кузнецам было не до меня. Я понял, что металл уже выплавлен и что сейчас они приступят к выниманию железной крицы, и решил присутствовать при этой операции. Хозяин взломал железным шестом верх печки и достал оттуда клещами довольно большой кусок сплава, величиной с баранью голову, а подручный не мешкая положил эту крицу на наковальню, укрепленную на огромном обрубке дерева, и стал бить по ней тяжким молотом, наполнив небольшое помещение железным грохотом и звоном.

Я все-таки спросил:

— Где же вы добываете руду?

Хозяин отер тыльной стороной руки пот со лба и неопределенно ответил:

— На болоте, в папоротниках.

Широко улыбаясь, подручный добавил, оставив на минуту молот:

— Там, где медвежьи следы.

— Где зайцы и лисы бегают, — так же весело пояснил хозяин.

— А правда ли, — спросил я опять, — что руссы примешивают маленькие куски металла в пищу для гусей, и домашние птицы поглощают это месиво, и якобы в птичьих зобах металл обрабатывается таким образом, что приобретает особую крепость и превращается в чрезвычайно прочную сталь, из которой вы куете свои знаменитые мечи?

Хозяин и подручный переглянулись.

— Мечи наши добрые, — уклончиво ответил старый кузнец, а подручный рассмеялся. Видимо, ни тот, ни другой не имели большой охоты открывать свои тайны чужеземцу, догадавшись по моему выговору и одеянию, что перед ними грек, и, может быть, даже приметив меня, когда мы вчера с князем явились в город.

Всюду валялись лемехи, светцы, остроги, удила, секиры. Здесь не только добывали железо, но производили различные хозяйственные изделия. Я видел потом русские мечи. Они двухсторонние и ничем не уступают прославленным франкским, но имеют то преимущество, что поперечина на них опускается с обеих сторон, что дает возможность руке более свободно пользоваться оружием, и я подумал, что непременно надо будет сообщить об этой подробности начальнику императорского арсенала.

Ножны у русских мечей обычно сделаны из кожи или прочной материи, набитой на деревянную основу, и богатые воины украшают их серебряными наконечниками с красивыми узорами, изображающими прихотливые растения или зверей. В одной из хижин я наблюдал, как оружейник чинил такой меч. Хижина его мало чем отличалась от других. Глиняный пол и такие же стены, жалкое оконце, очаг в углу, ручные жернова и еще кое-какие хозяйственные принадлежности и горшки. Но бросились в глаза многочисленные тигли, в которых плавится металл, и каменные формы для отливки различных женских украшений. Тут же лежал длинный меч в ножнах из зеленой персидской кожи, покрытой серебряными бляхами в виде звезд и розеток. Здесь хозяин работал без помощников. Но около окошка сидела его дочь и, скромно опустив глаза, вышивала убрус. Я посмотрел на узор. На нем были все те же петухи

по обеим сторонам дерева и ладьи на море, изображенном волнистыми линиями. В своих сказках, или вот на таких узорах, или в песнях руссы часто вспоминают о море, которое они неизменно называют синим. Может быть, девушкам, поющим песни, рассказывали о нем молодые купцы и путники, побывавшие в Константинополе и Херсонесе или в других греческих городах?

Я попробовал на ногте клинок и похвалил работу оружейника.

— Русские мечи хорошие, — сказал он ту же фразу, что и литейщик.

Всюду встречали меня приветливо, если не были заняты работой, и я уже неоднократно имел случай убедиться, что все это были сильные и трудолюбивые люди. Умеренный и даже холодный климат полночных стран благоприятствует крепости мышц, в то время как обитатель юга более отдыхает, чем трудится. Здесь любят движение, пляски и верховую езду. Руссы выносливы и быстры в передвижении и отличаются большой телесной красотой. В бою они не знают, что такое страх, и бросаются в самую гущу врагов без всякой осторожности. Им также ничего не стоит подкрасться к вражескому лагерю и взять неприятелей живьем. С рабами они обращаются с большой мягкостью и по истечении некоторого времени отпускают на свободу. Теперь я убедился, что и у руссов есть богатые и бедные; одни из них живут во дворцах, а другие в жалких хижинах. У них нет замков, и только в самое последнее время, рассказывали мне, богатые люди завели такие приспособления, потому что опасаются за свои сокровища. Русские жены и девы славятся целомудрием, и это засвидетельствовано рассказами многих древних писателей.

Первые дни по приезде в Киев проходили в вынужденном безделье. Но я наблюдал, что в княжеском дворце царила необыкновенная суета. Он стоит на возвышенном месте и виден со всех сторон, и было заметно, что в ворота широкого двора непрестанно входили и выходили плотники, неся длинные доски на плечах, а рабы приносили лари, бочки и какие-то тюки. Может быть, Анна устраивала и украшала свое новое жилище, где ей суждено было закончить земные дни. Я частенько приходил на площадь перед дворцом, куда меня влекла непоборимая сила, и мне казалось иногда, что я вижу в окне мимолетный образ Порфирогениты, но, вероятно, я просто обманывал самого себя. К князю нас с Леонтием не вызывали, а Анна как будто забыла о нашем существовании, точно растаяла в русском воздухе. Однако от Добрыни нам хорошо было известно, что во дворце происходят важные совещания, на которых присутствует рядом со своим супругом и Анна. Сам не знаю почему, но мне было томительно и невообразимо грустно, когда я представлял себе Анну в этом совете, и я был рад, когда однажды Добрыня сказал:

— Завтра собираюсь в Будятин. Там опытные ловчие. Охота веселит сердце мужа. В будятинских займищах водятся лисицы и лоси, а на воде бобры. Почему бы вам, друзья, не поехать со мною?

Леонтий со всякими благодарениями, которые он просил меня перевести руссу точно, от поездки отказался, а я с удовольствием отправился с Добрыней и в сопровождении его вооруженных слуг на заманчивую охоту. Как выяснилось во время этого разговора, селение, куда мы направлялись, принадлежало сестре Добрыни и матери Владимира по имени Малуша. В свое время она была пленницей или рабыней у княгини Ольги и чем-то покорила Святослава. Другие же утверждают, что она происходила из рода того самого древлянского князя Мала, город которого сожгла хитрая русская княгиня. Но когда я уезжал, Леонтий отозвал меня в сторону и зашептал:

— Смотри, будь осторожен! Ты едешь в дом, где господствуют темные силы. Мне доподлинно известно от варягов, что мать князя чародейка.

— Меня охранит крест.

— Крест — прибежище для всякого христианина. Но не забывай, что в этих темных лесах сильны демоны.

Наутро, когда еще только занималась за рекою заря, мы сели на коней и выехали шумною толпой из ворот бревенчатой городской башни, направляясь к цели нашего путешествия. Уже приближалась осень. Утро было солнечное, но прохладное, и над полями лежал ночной туман. По обеим сторонам дороги далеко простирались сжатые нивы, и я имел случай убедиться, что руссы природные земледельцы. Жнивье было покрыто скромными полевыми цветами — то голубыми колокольчиками, то розовой повиликой, то мелкой ромашкой, — и на нем паслись кое-где отары овец, вдруг передвигаясь с шорохом с одного места на другое.

Дорогой я спросил Добрыню:

— Почему вы не продаете пшеницу в Херсонес?

— Пшеницу трудно вести через пороги. У нас есть другие товары. Меха и воск. Ими выгоднее торговать.

Добрыня выражался короткими фразами, и по всему было видно, что это очень властный и вспыльчивый человек, пользовавшийся, говорят, некогда большим влиянием на Владимира, который не отличался храбростью, зато обладал дальновидным умом и теперь прибрал к рукам даже этого неукротимого человека.

Мы проехали мимо оврагов, поросших дубами, и спустились в долину, однообразие которой нарушали только дубовые рощи и могильные холмы, на вершине которых обычно стояли каменные статуи, сделанные очень грубо, но производящие на путника большое впечатление своими резкими чертами и выпученными глазами.

Вдали заголубели леса. Добрыня сказал мне, что там находятся княжеские ловы. Иногда на пути попадались бедные селения, пара волов, запряженных ярмом в неуклюжую повозку. Воздух отличается здесь необыкновенной прозрачностью.

Когда мы переезжали вброд речку Лебедь и вода запенилась и зашумела под конскими ногами, Добрыня показал рукой в сторону, и, взглянув туда, я различил в отдалении селение.

— Предславино. Там живет Рогнеда.

Так вот, оказывается, где жила эта женщина, о красоте которой говорили даже в Константинополе и, может быть, в Риме. Я хорошо знал ее печальную историю от руссов, с которыми совершил путешествие через пороги, и почему-то испытывал жалость к этой гордой красавице, на голову которой несчастья сыпались, как из рога изобилия.

Солнце было уже довольно высоко над дубами, когда мы приехали в Будятин, где Добрыня чувствовал себя господином. Это был укрепленный прочным бревенчатым частоколом замок с крепкими воротами в башенном строении, напоминавшем воинское укрепление. Мы проехали с грохотом по деревянному мосту и очутились на обширном дворе, в глубине которого виднелся дом с прихотливыми надстройками на крыше. Рядом стояла высокая башня, может быть для наблюдения за тем, что творится на дороге и в соседнем селе, где жили смерды, обрабатывавшие княжеские поля. Тут же были расположены в беспорядке житницы и коровники, медуши и бани и еще какие-то довольно жалкие строения, в которых, очевидно, обитала челядь. У ворот никаких сторожей не оказалось, но на дворе к нам подбежал управитель, одетый, как и все земледельцы, в домотканые штаны и длинную белую рубаху, застегнутую у ворота. Он был в обуви, какую носят поселяне, но в руке держал палку. Среди оглушительного лая псов, бросившихся к нам со всех сторон, управитель

низким поклоном приветствовал господина, что меня удивило, так как тут не очень любят гнуть спину.

— И ты здравствуй, — сказал Добрыня, остановив коня. — Что скажешь?

Глаза управителя выражали тревогу.

— Несчастье случилось!

— Несчастье? Если бы меньше пил меда, то не было бы несчастья!

— Ночью захватили воров у скотницы.

— Сколько их было?

— Двое.

— Рассказывай, кто!

— Неизвестные. Одного убили, а второй скрылся.

Я знал, что по здешним законам в княжеском владении вора можно безнаказанно убить на месте преступления.

— А еще что?

— Убежал холоп.

— Какой холоп?

— Горазд.

— Разбойник! — погрозил плетью в воздухе Добрыня.

Я не понял, кого он называл разбойником — скрывшегося холопа или управителя.

В доме Малуши стояла какая-то особенная тишина. Но на дворе уже началась суета. Я видел, как поварихи бегали с ножами в руках за петухами, улепетывавшими от них во всю прыть своих голенастых птичьих ног. В ожидании обеда мы отправились с Добрыней осматривать хозяйство. Всюду пахло навозом, в загонах стояли коровы, свиньи и бараны, а в темных конюшнях хрустели овсом кони и в темноте косили на нас лиловыми глазами. Собаки, утихомирившись, спокойно лежали на лужайке.

Затем последовало посещение житниц, заваленных зерном, и пахучих медуш. Тут готовили и хранили в кадях мед, весьма хмельной напиток. Но Добрыня, изрядно хлебнув его из ковша, сказал, почмокав губами:

— Крепче варите!

И вытер рукавом рот.

На дворе босоногая девушка шла с кадушкой, полной серебристой рыбы. Увидев нас, она невинно-доверчиво улыбнулась. В ее скучной жизни это было событие, и она с любопытством оборачивалась на людей в красивых плащах. Блеснули ослепительные зубы. Девушка была очень хороша собой, круглолицая и с нежным румянцем на щеках.

Добрыня посмотрел вслед ее гибкой походке и спросил управителя:

— Кто она?

— Потвора, дочь конюха Пуща.

— Пусть она после обеда придет постелить мне, — сказал Добрыня.

Когда мы сидели в горнице и разговаривали и Добрыня рассказывал мне о Рогнеде, пришел управитель и доложил, что смерды просят милости.

— Кто такие? — заранее нахмурил брови Добрыня.

— Из Дубровы.

— Что им нужно?

— Хотят видеть тебя.

Добрыня недовольно крякнул, поднял с кресла свое дородное тело и направился на крыльцо, от нечего делать и я пошел за ним.

На дворе его дожидалась кучка поселян. Белые полотняные рубахи с косой застежкой на плече, такие же порты, на ногах обувь из лыка. Почти у всех косматые, нечесанные бороды, у других по неделе не бритые щеки. Некоторые были в колпаках, другие простоволосые.

— Ну, что скажете, труднички? — подбоченился Добрыня.

— Милости просим у тебя, — покорно, но без раболепства сказал старший из поселян. — Не можем уплатить долг. Подожди до будущего года. Сам знаешь, град побил ниву.

— Тогда отработать надо.

— Отработаем.

— Вот и хорошо.

— Жито тебе будем молотить.

— Это и мои холопы сделают. Землю пахать будете.

Поселяне опустили головы.

Но один из них, высокий и с копной непокорных рыжих волос, возразил:

— Не хочу на чужой земле за плугом ходить. Лучше в разбойники уйти.

— Смотри, — сверкнул глазами Добрыня, — у моих конюхов длинные плети... Говорить нам больше не о чем. Дорядитесь с управителем. А ты, рыжий, на глаза мне больше не попадайся!

Когда мы снова вернулись в покои, все такие же безлюдные и наполненные деревенской тишиной, Добрыня исчез, а я из любопытства поднялся по деревянной скрипучей лесенке, чтобы посмотреть, что находится наверху. Там оказался длинный переход, и одна дверь в нем была открыта. Я заглянул в нее. В горенке лежала на пуховом ложе длинноносая старуха, с космами белых волос и высохшая, как лист пергамента в трактате о стихосложении. Она лежала на куче красных и желтых подушек, положив на покрывало безжизненные руки, и неподвижно смотрела прямо перед собой в одну точку, что-то шепча по-старчески узким ртом. На стенах висели пучки лекарственных трав, запах которых чувствовался даже на пороге. Я догадался, что это была мать Владимира, о которой народная молва передавала,

что она занимается волшебством и водится с кудесниками. Так кончала в забвении свои дни родительница гениального повелителя! Стараясь не производить шума, я снова спустился по лестнице.

У ворот, озираясь по сторонам, золотоволосый отрок рассказывал мне о Малуше:

— В молодости ходила по болотам и дубравам, собирала приворотные травы. Говорят, это она своими чарами помогла сыну взять Корсунь.

За обедом Добрыня, выпив большое количество меда, тоже разоткровенничался и стал рассказывать семейные истории.

— В те дни я был посадником в Новгороде. Святослав посадил Ярополка в Киеве, Олегу дал древлянскую землю. Владимиру ничего не хотел дать.

Я спросил, почему так плохо относился к своему сыну старый князь. Добрыня уклончиво ответил:

— Не любил его. Но я сказал новгородским мужам: «Просите себе князем Владимира». И они просили.

— И тогда он дал им сына в князья?

— Сказал: «Берите».

Я представлял себе русского льва, которому были чужды всякие ухищрения и эта необыкновенная ловкость в государственных делах, способность видеть за сто лет вперед, какой был наделен Владимир, и я понимал, что теперь наступили иные времена. Теперь мало было умения вести воинов на смерть. Пора легенд миновала. На берегах Борисфена и в далеком Новгороде родилось русское государство.

После обеда я прилег отдохнуть, а вечером увидел, что за частоколом, на лужайке, под стройными березами недалеко рощи, происходит какое-то народное празднество. Туда спешили из соседнего селения юноши и девушки. Сумрак уже падал на землю, и вдруг на лужайке заблестел огонь.

Добрыня в ответ на мои недоуменные вопросы сказал:

— Или ты не знаешь, что сегодня день жатвы?

Но я не знал, что это за праздник.

— Девушки собираются с парнями, всю ночь водят хороводы и веселятся.

Действительно, до нас доносились звонкие девичьи голоса. Девушки пели:

Радуйтесь, березы, Радуйтесь, белые, К вам девушки идут, Пироги несут...

Я выглянул в окно. На лужайке, взявшись за руки, девушки медленно водили хоровод вокруг костра, и на них смотрели молодые люди, точно выбирая себе возлюбленную. Добрыня был чем-то недоволен, хмур, прекратил разговор. А я решил посмотреть на эти игры, куда меня влекла сладостная печаль. Ее будили в моей душе девичьи голоса. Опять радостно звенело:

Радуйтесь, девушки, Радуйтесь, красивые...

Я знал, что эти люди чтут языческих богов, поклоняются Перуну и верят, что во время грозы он несется по небу в колеснице на огненных конях, считают, что гром и есть грохот ее колес. Руссы посвящают ему петухов, возвещающих приход солнца, и дубы, которые он разит

своими молниями. Они украшают дубовые ветки вышитыми убрусами. Бог любви у них Ярило, и вот, оказывается, в честь этого бога солнца, любви и плодородия они и устраивали сегодня игры и пляски. Напоющая землю дождем туча для них женское существо, питающее мир материнскими сосцами. Перун соединяется с нею молнией, поэтому как огонь страшна любовь. От подобных богов, по мнению не просвещенных христианским учением людей, зависит погода, урожай нив, счастье и благосостояние смертных. Добрыня объяснил мне, что сегодня вечером решаются втайне многие брачные союзы. Жатва была убрана, теперь настало время справлять свадьбы, как это в обычае делать после окончания полевых работ у всех земледельческих народов.

Но вдруг песни умолкли. Я даже явственно услышал женский плач. Сомнений быть не могло — песни сменились воплями. Я снова поспешил к воротам, у которых здесь вечно толпились бездельники и лентяи и могли рассказать мне, что происходит на лужайке.

Костер под березами догорал, оставленный девушками без всякого внимания. Они уже не водили хороводы, а стояли кучками и о чем-то оживленно переговаривались, припадая друг к дружке головой на плечо. Некоторые плакали, закрыв лицо рукавом вышитой рубашки. Все они были в пестрых сарафанах, оставлявших открытыми пышные полотняные рукава.

— Почему они плачут? — спросил я какого-то человека, стоявшего у ворот, может быть ночного сторожа, потому что в руках у него была крепкая палка.

— Потвора удавилась, — ответил он.

Я вспомнил милые девические глаза, которые сияли еще сегодня утром, а к вечеру погасли.

Незадолго до наступления сумерек прибыл гонец из Киева, поспешно привязал скакуна к железному кольцу, ввинченному в столетний дуб, росший посреди двора, и ловко взбежал на крыльцо. Маленькая, опушенная мехом шапочка у гонца была лихо сдвинута на одно ухо и только каким-то чудом держалась на голове. Он сообщил, что князь Владимир завтра чуть свет приезжает на охоту. Час спустя, выпив ковш пенистого хлебного напитка, посланец ускакал назад, в темноту наступающей ночи, и за его плечами плащ развевался, как крылья огромной птицы.

Князь приехал на заре, в сопровождении друзей и охотников. Среди них обращали на себя внимание два скандинавских ярла, с трудом говорившие по-русски. Князь объяснялся с ними на их языке. Охотники привели с собою шесть борзых собак, присланных в подарок князю мусульманским эмиром из далекого Багдада. Их было отправлено десять, но четыре околели в пути. У таких псов почти нет паха, зато необыкновенно мощная грудь и сердце приспособлено для неутомимого бега за зверем. Длинные зябкие тела упруго покачивались на длинных ногах, когда псари вели животных, и собачьи морды были вытянуты вперед, как бы в поисках добычи.

В пути как-то случилось, что князь позвал меня. Это было впервые, что я очутился с ним вместе не во время переговоров, а в дружеской беседе. Князь расспрашивал меня по обыкновению руссов о василевсах, и о том, предаются ли они с увлечением охоте, и каким образом охотятся в нашей стране. Я рассказал ему об охотничьей страсти Константина, который часто отправляется с прирученными барсами на диких ослов в окрестностях Месемврии. Но прибавил к этому, что Василий, занятый ежечасно государственными делами, не может посвящать время охоте на зверей или птиц и считает такое времяпрепровождение пустым занятием.

— Твой царь неправ, — сказал Владимир. — Охота укрепляет мышцы человека. Ловы дают меха, чтобы наполнить скотницу.

Скотницей у руссов называется государственная сокровищница, в которой они хранят свои богатства, а богатство этой страны — меха.

Потом речь зашла о ярлах, ехавших позади. Помня повеление василевса, чтобы были приняты меры для приглашения возможно большего количества варягов на императорскую службу, я спросил Владимира, не будет ли он иметь что-либо против, если я переговорю в этом духе с ярлами. Владимир ответил в явном раздражении:

— Это твое дело. Я в них не нуждаюсь. Сегодня они в Киеве, завтра в Царьграде, потом еще где-нибудь. У меня теперь довольно своих воинов. А с варягами слишком много беспокойства. Мне нужны не разбойники, а люди, которые просветили бы нас книжным учением. Чему доброму могут научить нас эти бродяги? А между прочим, я не видел людей более жадных до золота и серебра, чем им подобные.

Я вспомнил некоторых этериархов и подумал, что он, пожалуй, не далек от истины.

Потом опять разговор перешел на Константинополь, и Владимир сказал, что хотел бы повидать такой замечательный город.

— Я видел Херсонес, и настанет день, когда наш город также будет украшен каменными церквями и зданиями. Но сразу нельзя всего сделать.

— Василевсы будут счастливы видеть тебя в своей столице.

— Если они согласны принять меня как равного. А дожидаться вместе с просителями у ворот царского дворца я не намерен. Мне рассказывала бабка о ваших евнухах...

Иоанн Геометр, бывший в те годы юным кандидатом, тоже говорил мне о посещении Ольгой Константинополя и о возмущении княгини, когда ее заставили прождать во дворце выхода василевса лишних полчаса.

Так мы добрались до большой поляны, на которой должна была произойти охота. Ловчие сказали нам, что олени скрывались в молодом дубняке. Не без пререканий удалось в конце концов расставить охотников по своим местам. Они были вооружены луками и стрелами. Псари приготовились спустить собак. Когда был дан знак рогом, загонщики ответили трубными звуками и начали выгонять из рощей зверей.

Не прошло и несколько минут, как на поляну выскочило стадо оленей. Прекрасные животные остолбенели на мгновение, остановились как вкопанные, повернув головы в нашу сторону, и потом рванулись, словно подхваченные ветром, и понеслись по поляне, через овраги и кустарник, ища спасения от страшной смерти.

Псы с лаем кинулись за зверями, распластываясь по земле. Всадники помчались вслед за ними, и, увлеченный общим волнением, поскакал и я, и ветер свистел у меня в ушах, бил упруго в лицо, развеивал плащ. Охотники пускали в бегущих оленей стрелы, но они не настигали их.

Может быть, для того, чтобы спасти свою подругу, один из оленей, крупный самец с особенно ветвистыми рогами, вдруг метнулся в сторону и скрылся в кустах. Я видел, что Владимир повернул за ним, и так как я в это мгновение был ближе к нему, чем к другим, то тоже поскакал за старым оленем.

Его рога мелькнули перед нами в листве. Мне показалось, что он обернулся и посмотрел на своих преследователей прекрасными и точно обезумевшими от страха глазами. Можно было различить его черную влажную морду и трепетные ноздри. Но олень снова сделал огромный прыжок и помчался, гордо закидывая голову, увенчанную царственными рогами.

Так повторялось несколько раз. Владимир и я гнались за оленем, точно зачарованные. Не рассуждая, не отдавая себе отчета, что едва ли наши кони смогут загнать до последнего вздоха это легкое, как зефир, животное, мы неслись по рытвинам и ямам, мимо деревьев, ветви которых хлестали нас по лицу, преодолевая вместе с конями все препятствия, возникавшие на пути, и я, летя за зверем, в каком-то восторге произносил вслух имя Анны.

Олень все так же грациозно и легко вел нас дальше и дальше, и казалось чудесным, что эти тонкие ноги, вдруг выброшенные в молниеносном движении в воздух, могут выдержать такое страшное напряжение.

Я мчался за ним и шептал:

— Анна! Анна!

Наши кони стали уставать и уже не с такой легкостью перескакивали через поваленные бурей деревья или колючий кустарник. И вот мы с досадой увидели, что упускаем добычу.

Олень ушел. Когда мы поняли, что более нет смысла мучить коней, мы остановились. С железных удил на землю падала хлопьями желтоватая пена, и конские бока стали темными от пота. Владимир был крайне недоволен случившимся. Может быть, он надеялся похвастать перед Анной своей охотничьей удачей? Мы прислушались. Некоторое время был слышен отдаленный лай собак, потом все затихло. Вокруг стояла торжественная тишина.

Место было глухое. Среди пустынных и диких полей, на которых увядала осенняя трава, кое-где высились вековые дубы. Еще дальше начинались рощи. На горизонте синел лес. Нигде не было видно ни жилья, ни стад, ни всадников. Но вдруг за дубами послышались звуки рога. Мы повернули коней и поехали в ту сторону.

Владимир, мрачный и молчаливый, ехал впереди на своем любимом вороном коне, шедшем легко, но уже не изгибавшем гордо лебединую шею. У князя висел на бедре меч — на тот случай, если пришлось бы прикончить затравленного зверя. Может быть, были у него и какие-нибудь другие причины не расставаться с оружием. Я заметил, что рукоятка меча украшена яхонтом величиной с голубиное яйцо. При мне тоже был меч, так как я толком не знал, с какими зверями нам придется иметь дело на охоте. Ехать двум всадникам рядом по узкой тропинке, шедшей среди дубов, было неудобно, хотя по своему положению я не мог бы этого сделать и на широкой дороге.

Солнце уже склонялось к закату. Увлечшись преследованием зверя, мы забыли обо всем на свете, а теперь мне смертельно захотелось пить. Необходимо было найти ручей, но никаких признаков воды поблизости не было. Оставалось скорее соединиться с охотниками, так как отроки привезли на охоту кувшины с медом и водой. Звуки рогов раздавались все в том же направлении. Но для того, чтобы поспешить на эти призывы, необходимо было пересечь дубовую рощу, возникшую на нашем пути, и мы углубились в мир бесшумных и как бы застывших в созерцании высоких и ветвистых деревьев. Где-то печально стонала лесная горlinka. Воздух был здесь упоительный. Пахло грибной сыростью. Иногда до нас долетало благоухание того цветка, который руссы называют ночной красавицей. От этого запаха слегка кружилась голова. Порой солнце радужно поблескивало на лесной паутинке. Иногда я видел под дубом грибы, из которых в дни моего детства покойная мать варила такую вкусную похлебку.

Мы ехали некоторое время молча, по-прежнему князь впереди, а я за ним, и прислушивались, не журчит ли где лесной ручеек. Справедливость требует заметить, что воду искал главным образом я, так как эти люди, от князя до последнего воина, отличаются необыкновенной выносливостью и легко переносят всякого рода лишения. Губы у князя пересохли, иногда он невольно облизывал их языком, но когда я жаловался на огненную жажду, отвечал мне равнодушным взглядом.

В голове у меня мешались самые разнообразные мысли, в которых на мгновение возникал, образ Анны и вновь исчезал. Я думал то о ее будущей судьбе, то о предстоящем возвращении к василевсу и еще о многом другом. Однако мне в голову не приходило, что Владимир был в этот час в моей власти, если бы я захотел убить его. Даже было странно, что этот, такой осторожный и предусмотрительный человек решился пуститься в путь в обществе чужестранца, без преданных телохранителей. Впрочем, все произошло случайно, и, кроме того, откуда он мог знать, что в моем сердце его имя тесно переплелось с именем Анны?

Дальнейшее совершилось в течение каких-то мгновений. Вдруг огромный зверь молниеносно упал с придорожного дуба на круп княжеского коня и когтистой лапой вцепился в плащ Владимира. Конь поднялся на дыбы, и я увидел повернутое назад лицо князя, искаженное от страха. Он изо всех сил натянул поводья и удержался на коне, сжимая его бока ногами, но не успел обнажить меч, висевший под плащом, и зверь уже готов был вцепиться ему в шею. Но в это же мгновения я выхватил меч и поразил зверя, не помедлив ни одной секунды и без всякого размышления. К счастью, я был близко от княжеского коня, и мне не надо было тратить время на то, чтобы приблизиться к нему.

Я едва не поранил князя. Зверь, рыжий, косматый, со странными кисточками волос на ушах и с чудовищными усами, получил удар мечом и бессильно повис, судорожно цепляясь одной лапой за плащ, а другой за расшитый золотыми лозами бархатный чепрак, и потом рухнул на землю. Плащ был разорван, и такая же участь постигла и драгоценный чепрак, но князь остался невредимым, и его конь уже снова стоял на четырех ногах, дрожа всем своим прекрасным телом и кося глаза на поверженного хищника.

Как я сказал, на все понадобилось только несколько мгновений. И когда они пролетели, как стрела, мы посмотрели, тяжело дыша, друг на друга и после этого на зверя:

— Рысь! — сказал князь.

От волнения рот у него был судорожно перекошен. Но, видимо, князь не считал нужным благодарить меня за спасение, уже почитая себя отмеченным перстом божьим. Разве не долг каждого смертного охранять помазанников? Однако он слез с коня, улыбнулся мне и подошел к лежащему зверю. Его конь, которого он держал на поводу, перебирал в крайнем возбуждении стройными ногами, точно собирался совершить стремительный прыжок в пространство. Мой серый в яблоках только насторожил уши, — очевидно, это был боевой конь, выдавший виды.

— Рысь! — повторил князь, внимательно рассматривая тушу зверя, показывавшего в бесстыдной позе свое белое пушистое брюхо.

Зверь был почти таким же огромным, как барс. Можно было считать от головы до хвоста по меньшей мере шесть локтей. Вся морда его была в крови, и от этого особенно хищными казались клыкастые зубы. Не имея желанья замарать свою нарядную одежду и почитая неприличным нагрузить добычу на коня гостя, Владимир произнес, снова улыбнувшись мне:

— Пришлем за ним отроков. Поедем, патрикий! Ты спас мне жизнь! Смотри, что случилось с моим корзном.

Я был тоже взволнован происшедшим, и мое сердце все еще стучало, как молот. Ведь не каждый день происходят подобные вещи. Но, может быть, не следовало бы в наше время, когда человеческая жизнь стала такой дешевой, преувеличивать значение моего подвига.

Мы снова поехали по тропинке. Я уже вложил меч в ножны, и теперь другие мысли приходили мне в голову. А что, думал я, если бы помедлить одну лишь секунду? Зверь вцепился бы в горло князя и прокусил его, и конь понес бы всадника, разбивая тело о дубы, и все было бы кончено, и никогда рука Владимира не коснулась бы Анны... Спасло князя то обстоятельство,

что зверь не рассчитал прыжка и запутался когтями в прочной материи. Только это дало мне возможность в мгновение ока обнажить меч, замахнуться и нанести удар. Поистине я мог считать себя спасителем князя. Но мои чувства и мое отношение к нему и Анне были такими сложными, так же как и моя ответственность перед сестрой василевса, что я не мог еще сообразить, правильно ли я поступил. Что скажет благочестивый, когда ему станет известно, что я спас от смерти Владимира, разорителя ромейской славы? Но разве он не был теперь супругом Анны? Во всяком случае, я знал, что иначе поступить не мог. Как бы в ответ на мои мысли князь обернулся еще раз ко мне, лицо его озарилось очаровательной улыбкой, которая одинаково пленяла женщин и суровых мужей, и сказал:

— А неплохо ты ударил его, друг! Я у тебя в долгу.

Я поспешил изобразить на своем лице полное достоинства спокойствие, означавшее, что никакой благодарности в данном случае не требуется. Мы были вместе на охоте, одинаково подвергались опасности, и я тоже мог очутиться в его положении, и я был уверен, что князь тоже спас бы меня от разъяренного медведя или лютого барса. Или смотрел бы, как я погибаю, и не пришел мне на помощь? Этот правитель был полон для меня загадок. Даже для малонаблюдательного человека было видно, что варварские навыки, жестокость и необузданное женолюбие перемешались в нем со стремлением к великому. А как ясно он смотрел в грядущее! Помню, как во время пути он сказал:

— С Царьградом, с Римом, с ляхами, моравами или немцами мы договоримся. А пока нам надо оградить наши нивы от кочевников. Вот задача на многие годы!

И Добрыня, ехавший с другой стороны князя, подтвердил:

— Ты сказал как мудрый правитель. Наши нивы обширны. Пусть спокойно трудится на них смерд и несет пшеницу в наши житницы. За это мы охраним его от врагов.

Я вспоминаю, с каким вниманием рассматривал князь в Херсонесе здания и каменные храмы, статуи и мозаику, точно примеривал все это для своей столицы. У него был врожденный вкус к прекрасным вещам. Глядя на квадригу императора Феодосия, он покачал головой.

— Летят, как живые. И это запечатлела рука художника на вечные времена!

Остаток пути мы ехали молча. Звуки рогов приближались. Видимо, охотники были обеспокоены отсутствием князя и разыскали нас в дубовой роще. Когда мы выехали из дубов на поляну, то перед нами вдруг открылся охотничий лагерь. Там пылали костры, на которых жарили туши убитых зверей, лежали уложенные в ряд олени, вепри, дикие косули, зайцы и гуси. Кони были привязаны к деревьям или вбитым в землю кольям.

Люди вскочили с лужайки, где отдыхали от охотничьих трудов, и смотрели на нас с тревогой и недоумением, видя разорванный плащ на князе. Добрыня, сидевший на коне, помчался нам навстречу.

— Княже, — спросил он, осаживая коня, — что с тобою приключилось? Или ты с коня упал? Кто тебе разорвал корзно? В роще, видимо, еще продолжали нас разыскивать, потому что там не умолкали глухие звуки рогов.

— Пить! — произнес князь одно только слово.

Добрыня крикнул отрокам, и двое из них побежали за водой, хранившейся в глиняном кувшине в прохладном месте, под развесистой рябиной, уже покрытой красными ягодами.

Утолив жажду, князь протянул сосуд мне. Потом сказал, вытирая светлые усы рукой:

— Если бы не патрикий, мне было бы плохо.

— И чепрак разорван! — изумлялся Добрыня.

— Рысь бросилась на меня с дуба. Но патрикий поразил ее мечом.

Отроки смотрели на нас широко раскрытыми глазами.

Обращаясь ко мне, Владимир сказал:

— Когда мы возвратимся в город — лучший мех тебе, и в серебряных ножнах меч, и конь, и золотая чаша. Всегда пей из нее за мое здоровье.

Я, как приличествует в подобных случаях и ни на минуту не забывая, что передо мною супруг Анны, данный ей волей небес, поклонился придворным поклоном, касаясь рукою земли, и благодарил в немногих словах за щедрую награду.

Турьи рога уже были полны пенного меда, который не казался мне теперь варварским напитком, так как веселит человеческое сердце. Нет ничего приятнее, как вкусить зажаренного на вертеле под открытым небом мяса, когда усталость и свежий воздух служат лучшей приправой для пищи. Впрочем, ловчие оказались неплохими кухарями, и мясо было сочным и чрезвычайно нежным на вкус. Мы сидели на разостланном ковре и насыщались. Ни на минуту не умолкали разговоры и рассказы о сраженных оленях. Князь был весел, любезен и говорил мне лестные слова, а у меня, как обычно это бывает от хмеля у людей, которые редко держат в руках чашу с вином, родилась опять неисторжимая, но приятная грусть. Добрыня обнажил мой меч, примерил его в руке и похвалил дамасский черный клинок, хотя сказал, что для него он слишком легок. Сквозь винные пары, которые очень быстро овладели усталым телом, я видел перед собой Анну, и мне казалось, что она благодарила меня за спасение супруга. Разве могло быть иначе? Не раб ли я ее до конца своих дней?

Поев, мы отправились в обратный путь, и позади отроки везли добычу охоты — вепрей и оленей. На свежесрубленном шесте покачивалась туша рыси, привязанная за передние и задние лапы. Клыкастая морда трагически повисла, и капельки крови падали иногда из разверстой пасти на дорогу. Я попросил князя, чтобы он позволил мне увезти эту шкуру в Константинополь.

Вечером, едва я вернулся домой и хотел прилечь, чтобы отдохнуть после всего, что пережил в тот день, и еще раз перебрать в памяти все подробности сцены под дубами, как явился золотоволосый княжеский отрок и, сверкая белыми зубами, объявил, что князь зовет греков на пир. Леонтий закричал и стал жаловаться на недуги, но все-таки решил облачаться и надел поверх домашнего хитона магистерский серебряный скарамангий и красный плащ. Я тоже набросил на плечи присвоенную моему званию друнгария царских кораблей черную хламиду с вышитым на ней золотым орлом, красотой которой я некогда так гордился, а с летами понял, что блистающая украшениями одежда часто скрывает под собою печаль, душевную неудовлетворенность и сомнения. Так было теперь и со мной. Впрочем, нам ничего не оставалось, как поспешить на пир, потому что всем был известен вспыльчивый и не терпящий возражений характер русского князя.

В тот вечер я впервые побывал в княжеском доме. Конечно, по сравнению с Большим константинопольским дворцом он представлял собою довольно скромное здание, но возвышался среди хижин, как некий храм. В первом зале, в котором мы очутились, довольно обширном и украшенном фресками, изображавшими всадников и охотников на туров и медведей, находились княжеские мечники, несшие охранную службу. Особого внимания они на нас не обратили, так как были заняты рассматриванием какого-то меча, но один из них охотно показал, как пройти в пиршественную залу. Она была значительно больше первой, потолок ее поддерживался двумя рядами деревянных столбов, а все стены покрыты

прихотливой резьбой по дереву. Освещение составляли многочисленные свечи в железных паникадилах под потолком и факелы в углах, стоявшие в светцах.

Один стол находился на некотором возвышении, очевидно предназначенный для князя и его супруги, а три другие — внизу. За ними уже сидели люди, а другие гости все время входили в залу, и среди этой шумной толпы суетились отроки, заканчивая приготовления к пиру. На полу была набросана пшеничная солома, тихо шуршавшая под ногами, что придавало зале сельский вид. Так было и на пиру в Херсонесе, потому что таков обычай в северных странах.

Никого за княжеским столом еще не было. Я спрашивал себя с волнением, увижу ли сегодня Анну.

Все было просто вокруг: украшенные резьбой деревянные стены, накрытые грубыми скатертями столы и длинные скамьи. Отроки ходили между ними и со звоном ставили одну за другой тяжелые серебряные чаши. Но, очевидно, и в этом уже было новшество, потому что какой-то седоусый воин ворчал:

— Раньше было просто. Пировали как братья. Теперь княжеский стол в стороне. Посуда всякая! Приходилось мне бывать в Царьграде. Это все оттуда идет. Где князь?

Приглашенные рассаживались на скамьях, стараясь сесть поближе к княжескому столу.

— Подожди, скоро придет с царицей, — успокоил его один из них.

Анну здесь все называли царицей, а к новому титулу своего князя еще не привыкли. Но, получив звание кесаря во время бракосочетания, Владимир стал также называть себя царем, что было равно императорскому титулу и являлось явным нарушением самых основных положений Священного дворца. Но что мы могли сделать с этими варварами, которые не признавали никаких традиций и забавлялись титулами и инсигниями, как детскими игрушками?

Я подумал, что, может быть, и Анна старалась научить мужа ромейскому этикету и придать жизни в киевском дворце некоторое благолепие. Кажется, я не ошибался.

Некоторых из руссов, сидевших за столами, я знал еще по Херсонесу или по совместному путешествию через пороги. Но вокруг меня было много и незнакомых лиц, княжеских мужей и старцев, не принимавших участия в походе на Херсонес. Тут собрались военачальники, мечники, вирники, княжеские дружинники. Одному было доверено хранение княжеской печати, другой ведал княжескими конями, третий собирал мыто на торжище. Рядом со мной сидел человек, в котором я не мог не признать вкусившего от просвещения. В ожидании начала пира он первый обратился ко мне с каким-то вопросом, и я узнал, что это врач Владимира, по имени Иванец Смер, изучавший медицину у арабов и армян, родом половчанин. Мне везло на таких людей. Еще раз я встретил на своем жизненном пути человека, который много путешествовал, бывал в Иерусалиме и Антиохии, жил одно время в Александрии. Попал он туда чуть ли не по поручению князя Владимира, который отличается необыкновенным любопытством и посылает всюду, в Рим и в Багдад, своих людей, чтобы узнать из их рассказов, как живут там люди. За столом князя вообще сидело немало иноземцев, торговых людей всякого рода и бродяг. Так оно и должно было быть в этом городе, где перекрещиваются торговые пути и куда со всех сторон стекаются путешественники и наемники. Среди них я узнал ярла Сигурда, сына Эрика, и его племянника Олафа, с которыми встретился на охоте. Были тут и другие скандинавы, искатели золота и удачи в стране руссов.

В зале было шумно от разговоров и смеха. Потрескивали в паникадилах восковые свечи. Присутствующие выражали нетерпение. Наконец явился Добрыня, и его засыпали вопросами. Где князь и царица? Почему не начинают пир? Почему не подают вино? Люди

кричали, что у них уже пересохло в горле. Добрыня заявил, что князь сейчас появится. Действительно, вскоре вышел к гостям и Владимир. Он надел на этот раз лазоревый скарамангий и пурпурную, вышитую жемчугом хламиду. Однако диадемы на его голове не было. За ним шествовала с большим достоинством Анна, в серебряном парчовом наряде, опоясанная лором, но тоже без диадемы, простоволосая, со сложной прической, украшенной жемчужными нитями. Потом мы увидели Анастаса в епископском домашнем облачении, с множеством маленьких пуговиц на черном длинном одеянии, и за ним пять или шесть приближенных женщин Анны, из которых одна носила звание магистриссы, а две были лоратными патрикианками. С ними сел за стол Добрыня.

Мы с Леонтием встали, когда появились Владимир и Анна, и остальные невольно последовали нашему примеру, хотя такое здесь, видимо, было не в обычае. Но это выражение почтения явно понравилось Анне, потому что она окинула пиршественную залу благосклонным взглядом, и мне показалось, что на мгновение ее глаза остановились на мне. Добрыня велел, чтобы отроки начали разносить яства и питья.

Как всегда в таких случаях у руссов, столы были завалены мясом домашних и диких животных. На вчерашней охоте Добрыня затравил двух вепрей, отроки

— нескольких зайцев, а другие убили стрелами множество уток и гусей. Пища была обильно приправлена перцем и какими-то ароматическими травами, растущими на здешних полях. За столом много пили из серебряных чаш и окованных серебром турьих рогов, которые невозможно поставить на стол и поэтому приходилось выпивать до конца, если человек не хотел обидеть угощающего. Надо было проявлять очень много ловкости и лукавства, чтобы уклоняться от этих потоков хмеля. Леонтий, человек скупой, даже скаредный, не прочь был на чужих пирах съесть и выпить лишнее и потом хворал. Я старался незаметно выливать вино, чтобы не опьянеть и не потерять ясность мысли и твердость воли, так как состязаться с руссами в этом предприятии мне было не под силу.

Украдкой я наблюдал за Анной. Порфирогенита держала себя за столом с большим достоинством, но я заметил, что порой она улыбалась застенчиво Владимиру и даже пыталась иногда коснуться его руки. Что же! Очевидно, судьба ей ниспослала счастье! Пусть радуется и долго живет на земле!

Меня удивило, что на пиру было и несколько русских женщин. Некоторые пришли во дворец со своими женами, бряцающими ожерельями из золотых и серебряных монет, а молодые воины кое-где сидели парами с девушками из знатных семейств и, что меня особенно поразило, пили с ними из одной чаши. Люди ели в большом количестве мясо, отроки едва успевали наливать мед. Повсюду слышались веселые разговоры, шутки и смех. Пирующие часто поднимали роги с приветствиями, обращенными к князю и Анне, пили за их здоровье.

Леонтий, уже совсем упившийся вином, шептал мне:

— Разве это христианский пир? Многие из сидящих с нами христиане, но что-то не слышно здесь благочестивых разговоров. Сам пресвитер Анастас пьет вино, чревоугодничает и смеется вместе со всеми.

— А ты?

— Что я? Я — великий грешник.

— Он тоже грешник.

— На Анастасе священнический сан.

Но странно — руссы, принимавшие святое крещение, действительно оставались такими же,

как и раньше. Они по-прежнему любили мед, веселье, музыку. Леонтий меда не пил, но когда отроки разносили вино, неизменно подставлял чашу. Он не мог успокоиться:

— Или взгляни — вот юноша и девушка пьют из одной чаши. Разве это благопристойно? Разве не требует самое обыкновенное благоприличие, чтобы девица не посещала такие пиры?

Впрочем, женщины, которых я видел вокруг себя, не походили на тех девушек, что водили хороводы в Будятине и стыдливо закрывали лицо рукавом вышитой рубашки, когда я приближался к ним, чтобы посмотреть на их уборы. В этом обществе жены знатных воинов чувствовали себя полноправными с мужчинами, пили вино и принимали участие в шутках и разговорах. Их мужья, дружинники, как здесь называют приближенных воинов князя, отличаются большой надменностью и за малейшее оскорбление готовы ударить соседа чашей, рогом, даже мечом. Удар меча плашмя считается здесь самым страшным оскорблением, и за него провинившийся платит по приговору князя двенадцать гривен. Это — огромное количество серебра, из которого можно сделать паникадило.

Мой сосед, врач, учился в далекой Бухаре, а также в Ани — знаменитом армянском городе, который он мне очень хвалил.

— Город стоит на реке Арпач, недалеко от горы Арарат. Там, как тебе известно, остановился Ноев ковчег после потопа. Армянского царя зовут Ашот. Он построил в Ани великолепный дворец, много общественных зданий и церквей и обнес город каменной стеною...

Но я слушал рассеянно. Мои взоры неизменно обращались к Анне. Она милостиво разговаривала с приближенными женщинами, ела и пила и, по-видимому, чувствовала себя на новом месте превосходно. Какое ей было дело, что у ее ног лежал человек, исполненный безнадежного поклонения! Да она, вероятно, и забыла уже о нашем разговоре на корабле, когда я в своем безумии предложил ей бежать к иверам, или почла меня за безумца. Как я уже сказал, я сам содрогался всегда при одном воспоминании о том утре.

Врач показал мне на одного воина, которого звали Яном, и рассказал его историю:

— Руссы много воюют с печенегами. Они строят города по реке Трубежу и реке Суле, чтобы защититься от неожиданных нападений кочевников. У богатых руссов огромные имения, и они хотят спокойно собирать урожай. Однажды появились печенеги...

Мне и в голову не приходило, что Добрыня, этот жестокий и надменный человек, великолепно играет на гуслях, как руссы называют арфу. Ее положили перед ним на столе, и он вдруг стал перебирать струны, и присутствующие просили его петь, но Добрыня медлил выполнить их желание и только перебирал струны, и под эту музыку врач рассказывал мне:

— Однажды пришли печенеги. Печенежский великан выехал перед строем и стал вызывать на единоборство какого-нибудь русского великана. Но такого не оказалось. Печенег уехал, дав сроку до завтра. Владимир был огорчен. Вечером явился к нему один старый воин и сказал: «Я вышел в поле с четырьмя сыновьями, а самый юный остался дома. Он у меня кожемяка. С детских лет никто не может одолеть его. Как-то в сердцах на меня сын разорвал руками толстую воловью кожу. Повели ему бороться с печенегом».

Добрыня по-прежнему перебирал струны, и они звенели, то уподобляясь ручейку, текущему по камушкам, то звучали томительно.

— Испытали юношу, — рассказывал Иванец Смер. — Дикого быка, обезумевшего от раскаленного железа, Ян схватил за бок, когда животное бежало мимо, и вырвал у него кусок мяса с кожей!

Я с изумлением посмотрел на скромного на вид воина, который в эту минуту спокойно пил из чаши вино.

— На другое утро печенег рассмеялся, увидев невысокого ростом русса. Ты сам видишь — ничего примечательного в его наружности нет. Но это были новые Давид и Голиаф.

— И что же?

— Русс сдавил печенега и мертвым ударил его о землю.

Видно было, как под рубахой у Яна переливались железные мышцы.

— Ну как там у вас, на Трубеже? — крикнул ему белобородый старик, раскрасневшийся от вина.

— Стоит тишина, — ответил Ян.

— А помнишь, как мы рубились с печенегами под Белгородом?

— Помню, — ответил Ян. — Славное было время.

— Руссы не только строят города, — пояснил мне врач, — но и выходят далеко в степь встречать кочевников. В степях важное значение имеет быстрота передвижения. Поэтому руссы создали легкую конницу, вооруженную саблями. Если они настигают печенегов, происходит сеча, и тогда горько плачут по убитым печенежские и русские жены.

— А помнишь, Ян, как мы печенегов в Белгороде перехитрили?

— Помню, — спокойно ответил кожемяка.

Видно было, что это был весьма известный среди воинов человек.

— А как руссы перехитрили печенегов в Белгороде? — спросил я всезнающего врача.

— Печенеги неожиданно подошли к Белгороду и осадили город, решив взять его измором. Горожане погибали от голода. Тогда один старый белгородец сказал: «Наскребите немного муки в закромах и поищите хоть малость меда». Жители сделали, как он требовал, и вырыли по его указанию два колодца. В один они поставили кадь с тестом, в другой — с медом. Печенеги явились вести переговоры о сдаче. Но руссы показали им колодцы и даже дали меду попробовать. Печенеги попробовали и рассказали все своему князю. Ночью кочевники снялись и ушли в степи, потеряв надежду взять город. Таков сказ про белгородский кисель...

Седобородый воин — мне удалось рассмотреть, что одно ухо у него было отрублено, должно быть печенежской саблей, — рассмеялся, внимая рассказчику.

— Всего бывало. Три лета тому назад вышли мы с малой дружиной против печенегов. Едва успели уйти. Мы с князем под мостом укрылись. По бревнам грохот от конской погони, а мы сидим и ждем своего конца. Но настала ночь и нас своим крылом покрыла. Так мы и спаслись.

Мы сидели с Леонтием на почетных местах, предназначенных для чужестранных гостей, недалеко от княжеского стола, и я мог рассмотреть в прическе Анны каждую жемчужину. Тут же были посажены скандинавские ярлы, купцы из Моравии и немецкого города Регенсбурга и арабские купцы — красивые смуглые люди с черными бородами; благоухающими розовым маслом, и с голубой тенью под гжучими глазами. Они приезжают сюда за мехами из Багдада и даже Александрии. Один из них, по имени Мохамед, отлично говорил на языке руссов. Хотя вера запрещает сарацинам употребление вина, но я слышал, как он сказал, поднимая чашу и

лукаво поблескивая глазами:

— Пророк запретил пить сок от лозы, но он ничего не упомянул о меде...

Мохамед вообще был здесь душой общества, рассказывал руссам всякие восточные истории. Я как сейчас слышу его медоточивый голос:

— Это было в Дамаске. Или, может быть, в другом каком-нибудь городе. К судье пришел человек с жалобой на соседа. В чем он его обвинял? Он сказал: «Я купил у соседа участок земли, чтобы построить дом, и когда стал рыть почву, чтобы положить каменное основание, нашел в земле сокровище — тысячу золотых диргемов. Вели соседу, чтобы он взял этот клад, потому что я купил только землю и монеты по праву принадлежат ему». Но второй возражал: «Я продал ему землю, и, значит, все, что в ней содержится, — говорил он, — принадлежит ему». Судья стал думать, как разрешить эту тяжбу. «У тебя есть сын?» — спросил он жалобщика. «Есть». — «А у тебя, может быть, есть дочь?»

— «Есть», — ответил продавший участок, «Пусть они поженятся, и отдайте им диргемы», — решил судья.

У нас подобный рассказ вызвал бы хохот своей нелепостью, но руссы отнеслись к поступку жалобщика и его соседа с одобрением и почли все это в порядке вещей.

Словоохотливый Мохамед, который ценил, очевидно, славу рассказчика в обществе, начал другую историю. Я понял, что это был неизвестный мне вариант «Александрии».

Руссы прекратили разговоры, шум утих, и я заметил, что сам князь стал прислушиваться к словам рассказчика. Только Анна была погружена в свои счастливые мысли, а ее патрикианки улыбались с видом красивых женщин, которые уверены, что рано или поздно настанет и их час.

— Друзья, я расскажу вам теперь о подвигах и приключениях Александра Македонянина и о всем, что он совершил на земле. Все это было записано египетскими мудрецами, которые исследовали начало всякого существа, живущего и прозябающего...

Я не раз читал эту книгу, полную всяких небылиц, но неизменно привлекающую к себе любопытство читателей. Мохамед, красиво двигая пальцами, украшенными золотыми перстнями, рассказал, как Олимпиада родила необыкновенного сына. Он явился на свет среди грома и молний, рыча львиным голосом. Аристотель обучал его звездочетству и магии. Когда Александр вырос и стал царем, персидский владыка Дарий послал ему мешок мака, намекая тем на множество своих воинов. В ответ Александр отправил ему горсть перца. Все это было мне хорошо известно, но и меня увлек звонкий голос рассказчика.

Мохамед с видимым удовольствием перечислял войско Александра:

— Двадцать пять тысяч копейщиков, восемьдесят тысяч лучников, двадцать тысяч меченосцев и сто железных колесниц.

Потом начались странствования. Африка, Италия, Египет и Дамаск. Океан... Река Тигр, река Ганг... Но особенно напряжения достигло внимание слушателей, когда Александр перевалил через горы Тьмы и очутился в Индии.

— Александру пришлось воевать с народом, который сражается в битвах с помощью ученых слонов. На каждом слоне была башня, и в ней сидели пятьдесят стрелков, метавших страшные стрелы. Здесь Александр встретил мудрых людей. Они живут нагими и питаются только плодами. Александр спросил их: «Скажите мне, кто мудрее всех?» — «Звери». — «В чем господство человека?» — был второй его вопрос. «У вас — в войне, у нас — в мудрости и

в мире», — отвечали ему эти люди.

Подпирая головы руками, руссы слушали рассказ с затаенным вниманием. Когда кто-то попросил у отрока вина, юноша долго не откликнулся на его призывы — так он был поглощен приключениями Александра.

— Потом Александр перевалил другие снежные горы и очутился в стране, где протекает река Евфрат. Однажды случилось, что царский птицелов поймал несколько птиц, задушил их и хотел омыть в реке, и когда он опустил их в воду, птицы вдруг захлопали крыльями, ожили и улетели, и тогда все поняли, что это райская река. Всякий, кто пьет эту воду, получает бессмертие. Александру предсказывал старец, питавшийся ладаном и елеем, что он умрет молодым, и царю очень хотелось напиться такой воды, но река исчезла. Целый день искал он ее напрасно в пустыне и с печалью возвратился в Македонию.

Я пил чашу за чашей, и сквозь туман опьянения до меня долетали слова Мохамеда о подвигах Александра:

— Тогда царь пришел в страну, где в лесах жили люди ростом в один локоть, обросшие волосами и лающие по-собачьи. Воины Александра стали пускать в них стрелы, но они хватили их руками на лету, и македонское оружие не причиняло им никакого вреда.

Я слушал и думал, что жизнь и деяния Александра могут служить для нас примером, что война — самое бесполезное и безумное занятие.

— Александр не только путешествовал по горам и равнинам, но и спускался в стеклянном сосуде на дно океана и там наблюдал различных рыб и чудовищ. Однажды он построил ковчег, запряг его голодными птицами и, показывая им кусок мяса, заставил лететь к облакам. Эти птицы называются грифонами. Они подняли Александра на такую высоту, что весь мир представился ему в виде шара, а океан стал подобен чаше...

Но тут пирующие почувствовали жажду, и снова зазвенели чаши.

Владимир тоже не выдержал и пересел к седоусым воинам, пил с ними вместе из одного рога. Видно, он рассказывал что-то обо мне, потому что взоры сидящих рядом с ним обратились в мою сторону, мощные руки подняли рога, полные пенистого меда, и старые воины пили за мое здоровье. Вдруг подошел ко мне отрок и сказал, что царица хочет говорить со мною. Не веря своим ушам, я посмотрел на Анну. Она улыбалась мне, печально склонив голову набок. Я встал и приблизился к ее столу, поклонившись, как это положено делать в Священном дворце. Анна сказала тихо:

— Спасибо тебе, патрикий Ираклий!

Это было все, и я возвратился на свое место.

Из событий тех дней запомнилась мне также поездка в село Предславино, где горестно жила с сыновьями княгиня Рогнеда.

По словам Добрыни, князь Владимир отправлялся туда для переговоров со своей бывшей супругой и велел передать мне о своем желании, чтобы и я принял участие в этой поездке. Мне трудно было понять, зачем я понадобился в таком семейном деле, но потом я догадался, что мое присутствие требовалось как лишнее доказательство, что к старому нет возврата.

Предславино — красивое селение, расположенное на берегу поэтической речки Лебедь, названной так, может быть, потому, что она во многих местах изгибается, как лебединая шея. На возвышенном месте стоит княжеский двор, обнесенный дубовым частоколом, а посреди

двора бревенчатый дом, окруженный многочисленными хозяйственными постройками. Во всем здесь была видна домовитость и чувствовался строгий порядок.

Когда мы через широко распахнутые ворота въехали во двор, я увидел, что какая-то высокая и белокурая женщина в белом платье на голове, повязанном как диадема, кормила домашнюю птицу, бросая курам и индейкам пригоршни проса. Даже издали было видно, что у женщины породистые руки с длинными пальцами, которые плохо вязались с этим прозаическим занятием, достойным какой-нибудь ключницы или рабыни. Заметив въезжавших всадников, женщина выпрямилась и с удивлением посмотрела на нас. Но когда мы подъехали к ней, она нахмурила брови и произнесла, сурово оглядывая Владимира:

— Не ждала гостей в такой час.

Я понял, что это и была Рогнеда.

— Есть нужда поговорить с тобой, — сказал Владимир.

Рогнеда сказала:

— Не жду услышать от тебя что-нибудь хорошее.

Она повернулась и пошла в дом, а мы отдали коней подбежавшим отрокам. По-видимому, у Рогнеды были свои собственные отроки, телохранители и воины, преданные ей до гроба.

Вслед за Владимиром мы с Добрыней тоже направились к дому. На Рогнеде был простой красный сарафан, а белый плат на голове обшит золотой тесьмой. Но даже в этом сельском наряде ее красота была примечательной. Она шла не оборачиваясь, и ее полный стал грациозно колыхался.

На крыльце дома стоял бледный мальчик, к моему удивлению — с книгой в руках: подобные вещи видеть в этой стране приходилось не часто. Он был в зеленом кафтане, подпоясанном красным кушаком, и в зеленых сапожках. На голове у него поблескивала парчой опушенная белым мехом шапочка. Мальчик хмуро смотрел на пришедших, — может быть, мы помешали ему читать книгу.

— Будь здоров, сын, — сказал ему Владимир.

Мальчик ответил тихо, сняв шапочку:

— Будь здоров и ты.

Рогнеда быстро обернулась, чтобы посмотреть на эту сцену, и в глазах ее на мгновение мелькнула нежность. К мужу? К сыну?

Мальчик тоже пошел вслед за нами, и я заметил, что он был хром.

— А где твои братья, Ярослав? — спросил князь.

— В поле.

— Поехали на лов?

— У смердов оброк собирают.

— Как жито?

— Уродилось добро.

Даже с первого взгляда было видно, что этот двенадцатилетний, судя по росту, ребенок не по летам рассудителен и отличается большим умом. Ум светился в его холодных не по-детски глазах. На отца он смотрел как на чужого, но был с ним обходителен. Трудно было угадать, какие мысли скрывались за этим высоким лбом.

Мы уселись за столом на тяжких дубовых скамьях. Рогнеда положила белые руки на столешницу и вопросительно смотрела на князя. Потом, не обращая никакого внимания на присутствие Добрыни, как будто бы его и не было здесь, сказала мне:

— А тебя я никогда не видала. Видно, ты из греческой земли?

— Да, он грек, — пояснил Владимир, — зовут его Ираклий.

— Привез царскую сестру на Русь? — опять спросила она меня, зло блеснув глазами.

Они у нее были удивительной голубизны. Под их взглядом я чувствовал себя как бы связанным, но объяснил, что приехал в Киев вместе с другими сопровождающими царицу чинами.

Рогнеда вздохнула и сказала:

— Слышала.

Ярослав стоял у стены, не снимая опушенную мехом шапочку, и все так же грустно смотрел на нас. По-видимому, его внимание особенно привлекала моя одежда, покрой которой был для него незнакомым.

— Поведай, зачем приехал, — сказала Рогнеда, по-прежнему не обращая ни малейшего внимания на Добрыню, которого это мало смущало.

— Сначала накорми гостей.

Рогнеда молча встала и ушла из горницы. Вероятно, чтобы распорядиться о пище для нас. Владимир обратился к сыну:

— На ловы ездешь?

— Один раз ездил.

— Нога мешает?

— На коне я не хромой.

Неожиданно для себя я попал в семью, в дом, полный трагических воспоминаний. Меня даже удивляло, как осмелился войти сюда Добрыня и смотреть Рогнеде в глаза. Ни для кого не было тайной, что это по его наущению Владимир так по-варварски обошелся с Рогнедой и ее родителями, когда взял Полоцк. Было что-то затаенное в глазах Рогнеды, когда она смотрела на князя Владимира, и я не мог понять, светилась ли в них ненависть или пылала ревность и глубоко спрятанная любовь. Мне представлялось, что это скрещиваются два меча в смертельной схватке, потому что глаза Владимира тоже выражали в эти мгновения нечто сложное, может быть тоже затаенную страсть. Но и Рогнеда должна была переживать очень сильно все то, что случилось на Руси. Она не ждала пощады, да и сама никого не пожалела бы на своем пути.

Владимир продолжал разговор с сыном:

— Слышал, книжному чтению посвящаешь многие дни?

Ярослав опустил глаза и ничего не ответил.

— Какую книжицу читаешь?

— «Сказание о Вавилонском царстве».

— Не приходилось читать. Почитай нам немного. Пусть патрикий послушает тебя.

Ярослав в смущении смотрел в сторону.

— Что же ты не исполняешь волю отца? — резко обратился к мальчику Добрыня.

Ярослав вздрогнул, стал перебирать худенькими, детскими пальцами книгу, раскрыл ее и, откашлявшись, прочел высоким, неустановившимся голосом, нарочито отделяя одно слово от другого, первую страницу:

— «Бысть в царстве Вавилонском царь Аксеркс, славою и величеством превыше многих великих царей. Много лет в Вавилоне процарствовав, имел он в сердце своем такое правило: аще у кого у вельможи увидит одеяние красивое или у убогого рубище, то велел тех людей в лес изгонять, растущий в дванадесяти поприщах от града...»

Владимир напряженно слушал, подпирая рукой голову. Он воспринимал чтение всем своим существом, потому что я видел в его глазах жадное внимание. Ярослав читал медленно, спотыкаясь на некоторых словах, но эти слова рождали здесь странные и не похожие на русскую жизнь образы.

— «Пусть там живут, — рек царь, — а если помрут, то кому печаль?» Но родственники изгнанников приносили в лес еду для своих близких и клали ее на пнях. И вот умер однажды царь Аксеркс. Услышав об этом, живущие в лесу захотели вернуться в град и в пути обрели под деревом младенца, коего питала своим млеком коза, а на дереве сидела вещая сова...»

— Какие бывают чудеса на земле! — не выдержал князь и доверчиво искал взглядом сочувствия у меня.

Но мальчик, сам уже увлеченный чтением, с нежным румянцем на щеках от волнения, продолжал:

— «И нарекли младенцу имя Навуходоносор, ибо его нашли, и был тот младенец ликом как лев...»

При этих словах Рогнеда вернулась в горницу, все такая же суровая и печальная, и, прервав чтение, Владимир сказал сыну:

— Оставь нас.

Мальчик растерянно опустил книгу, испытующе посмотрел на отца и на мать, задержался на мгновение, но не произнес ни слова и тихо вышел, осторожно притворив за собою дверь, окованную железными разводами.

Владимир помолчал некоторое время и сказал:

— Рогнеда, слышала, что случилось на Руси?

— Все слышали.

— Большие перемены произошли на Руси.

— Может быть, и так.

— Трудно тебе это понять, Рогнеда.

— Тогда зачем ты говоришь мне об этом?

— Говорю потому, что новый век настал на Руси и жизнь наша переменилась.

— А я так мыслю, что все так же девушки поют на Руси, пахарь возделывает ниву и солнце всходит и заходит над миром.

— Солнце всходит и заходит. Но жизнь стала другой, и теперь и нам с тобой надо жить по-иному.

— В чем же перемена?

Рогнеда стояла перед мужем, скрестив руки на высокой груди. Она была уже не молода и все же сумела каким-то чудом сохранить блеск в глазах, золотистость волос и нежность щек. Косы ее были закручены вокруг головы. Взгляд ее глаз разил теперь, как холодная сталь.

Владимир повторил, точно не находя других слов:

— Люди стали другими и будут жить по-иному. Христианин имеет одну жену...

Но он не успел закончить фразу. Рогнеда подошла к нему и оперлась руками о стол.

— Чего ты хочешь от меня? Зачем ты пришел мучить меня и этих людей привел? Я жила спокойно, а ты явился — и мой покой исчез. Хочешь хвалиться передо мною твоей царицей? Грека привел в свидетели? Чтобы он засвидетельствовал твоей красавице, что я уже не жена тебе больше? Для этого привел его в мой дом?

Разгневанная женщина вызывающе смотрела на князя. Очевидно, она отгадала затаенные мысли Владимира, потому что он произнес растерянно:

— Язык твой как нож. Но я хочу нечто сказать тебе.

— Тогда говори.

— Ты истину сказала. Анна должна знать, что я оставил все старое. Патрикий скажет ей об этом. Царица поможет мне в моем трудном предприятии. Одно ее присутствие рядом со мной служит мне поддержкой. Я не хочу ссориться с ее братьями, греческими царями. У меня большие планы. Но твоя красота беспокоит Анну. Поэтому возьми себе в мужья кого-нибудь из моих знатных и богатых воинов, и тогда мы расстанемся с тобой как друзья.

Рогнеда надменно закинула голову.

— Я тоже была царицей и не хочу быть рабой.

— Твоя воля, — сказал со вздохом князь.

Отворилась дверь, и отроки стали вносить яства. Но обед был скучный, никто за едой не сказал ни слова, и мне самому кусок не лез в горло. После обеда Владимир прилег в соседней горнице. Воспользовавшись его сном, пришла Рогнеда и смотрела на спящего. Потом подняла нож, который она прятала за спиной, и хотела ударить князя в сердце, но он проснулся, так как сон у него был чуткий, и отвел руку обезумевшей женщины.

Мы с Добрыней находились в соседней горнице. Вдруг слышались глухие крики за бревенчатой стеной:

— Отроки! Где вы? Или вы покинули вашего князя?

Раздался топот ног на лестнице. Мы тоже поспешили на призывы Владимира, и в дверях, через головы отроков, я увидел, что Рогнеда стояла у ложа, заломив руки и глядя высоко над собою. Добрыня растолкал людей и подошел к князю.

Владимир сидел на постели, опираясь о нее руками. Он был в белой рубаше и бос. Расстегнутый ворот позволял видеть золотой крест с частицей мощей, который Анна надела на супруга еще в Херсонесе.

Он спросил хрипло Рогнеду, тяжело дыша:

— Зачем ты хотела убить меня?

— Горько мне стало. Отца моего ты убил и братьев. И теперь ты не любишь меня. И сыновей своих не любишь.

— Уйди, — произнес князь сквозь сжатые зубы, — и жди моего решения.

Без единого слова, закрыв лицо руками, Рогнеда удалилась, и мы расступились перед нею, как перед роком.

Решение князя было суровым.

— Скажите ей, — велел он отрокам, — чтобы она надела свое княжеское одеяние, в каком она была в день свадьбы. И пусть ожидает своей участи на богато убранной постели.

Мы не сомневались, что Владимир прикажет убить ее ударом меча или задушить. Но уже вернулся с лова Изяслав. Это был шестнадцатилетний, не по годам высокий юноша, с такими же огромными и красивыми глазами, как у матери, стройный, как пальма. Она сказала сыну:

— Когда войдет в горницу отец, ты обнажишь этот меч и скажешь: «Разве ты думаешь, что ты один здесь?» Этим мечом сражался еще твой дед.

Владимир вошел в покой. Рогнеда, послушная его приказу, лежала в парчовом одеянии. Изяслав преградил путь отцу, и Владимир отступил. В это мгновение отворилась дверь, и появился Ярослав, бледный как смерть. Он припал к матери и сказал:

— Поистине, мать, ты царица царицам и госпожа господам!

Владимир вышел, хлопнув в сердцах дверью...

Конечно, я ничего не видел этого, но мне обо всем подробно рассказал во время обратного пути Добрыня, доверявший мне все свои тайны. Я же чувствовал себя тогда лишним в этой драме и вышел в сад, чтобы не дышать душным воздухом предславинского дома. Это был скорее огород, на котором среди гряд с капустой и огурцами росли отягощенные плодами яблони. Я сорвал одно яблоко и откусил его. Плод оказался сочным и пахучим, а раскушенное нечаянно спелое зернышко — горьковатым, как миндаль.

Вдруг я заметил среди яблонь Ярослава. Мальчик сидел на камне и плакал, закрыв лицо руками. Я подошел и сказал с участием:

— Успокойся, дружок!

Ярослав отнял от лица руки и сквозь слезы выкрикнул:

— Где же правда? Почему он хотел убить ее?

Я подумал, что и Рогнеда, его мать, тоже покушалась на жизнь человека, но вслух произнес:

— Ты хорошо делаешь, что читаешь книги. Они облегчают человеческие горести. Я сам поступаю так.

Мы еще побеседовали с ним о житейских делах, как будто это был не двенадцатилетний юнец, а прошедший трудную школу человек. Успокоившись несколько, он стал расспрашивать меня о Константинополе, о василевсах и о том, как живут люди в греческой земле. Потом, по моей просьбе, повел меня показывать свои книжные сокровища. Он объяснил мне, что книги остались от княгини Ольги. В его горнице в окованном железом ларе я увидел Псалтирь, «Хронику» Георгия Амартола, «Александрию» и другие сочинения. Мальчик перебирал их с большой любовью...

Когда мы потом, в сопровождении отроков, двинулись в обратный путь, я видел, что князь был в самом мрачном настроении. Привыкший во дворце трепетать пред гневом помазанников, я с опасением поглядывал на Владимира, ехавшего далеко впереди, но руссы беспечно говорили о самых обыденных вещах — об удачном улове рыбы в Лебеди, о покупке нового меча... Добрыня рассказал мне во всех подробностях о том, что случилось под крышей предславинского дома, и об участи Рогнеды.

— Как поступают в подобных случаях с женщинами в греческой земле? — спросил он.

Что я мог сказать ему? Я подтвердил, что отравительниц или неверных жен василевсы посылают в дальние монастыри на вечные времена. Но в Киеве еще не было монастырей.

Горькая слава Рогнеды не давала мне покоя. Несколько дней спустя я узнал, что Владимир хотел предать ее казни. Я спрашивал себя: неужели причиной была ревность Анны? Неужели Порфирогенита способна на такую женскую жестокость? Эти события освещали ее образ новым, страшным светом. В ее груди тоже билось неукротимое сердце, она была достойной сестрой Василия, никогда не щадившего врагов. Но от этих мыслей моя любовь к ней не уменьшилась. Наоборот, я понял, что живу в трагическом мире, в котором простому смертному неоткуда ждать помощи, и что так будет со мной до конца жизни.

В дело вмешались княжеские советники. Они просили князя:

— Пожалей Рогнеду хотя бы ради маленького Ярослава!

Об остальном я узнал значительно позднее, от руссов, явившихся в Константинополь с очередным посольством. Они рассказали мне, что Владимир сослал Рогнеду в далекую область и построил ей там городок, который в честь старшего сына назвал Изяславлем. В нем красавица кончила свои дни. А красоту этой женщины воспевали на пирах русские гуслиры и скандинавские скальды. Ее сравнивали в песнях с лебедем, розовой зарей, цветущей яблоней. Я созерцал очарование Анны, читал рассуждения о прекрасном Плотина и знаю, что такое красота. Когда Рогнеда метала молнии из своих голубых глаз на неверного супруга, она была подобна Елене Троянской. Недаром воспылала к ней ревностью Порфирогенита.

Иногда, в одинокие, тихие вечера, я вспоминаю образы, возникавшие на моем жизненном пути, людей, которых я встретил или с которыми делил хлеб и дружбу или просто созерцал их жизнь и поступки. Многих из них уже нет на земле. Но все равно, живут ли они под солнцем или покинули жизнь, я общался с ними, и они сделали мое существование богатым впечатлениями. Конечно, в моем сердце уже не было места для новой любви. Но и Рогнеда нашла в нем пристанище не только благодаря своей красоте, но из-за горестной своей судьбы. Недаром русский народ прозвал ее Гориславной, что на языке руссов значит «дочь горя».

Скоро под этим языческим небом должны были совершиться великие события. Я проснулся и услышал, что город наполнен гулом взволнованных человеческих голосов, женским плачем и криками пререканий. Накануне мы узнали от Добрыни, что на княжеском дворе произошло столкновение между приверженцами русских богов и христианскими воинами Владимира. Пролилась человеческая кровь. Поэтому Анна якобы просила супруга, чтобы ради безопасности всех ромеев, в том числе Леонтия и меня, поместили на некоторое время во дворец, так как в раздражении язычники могли поднять руку на ненавистных им греком, и в глубине души мне была приятна такая заботливость Порфиригениты, хотя я отлично понимал, что это объяснялось только ее христианским чувством к ближнему. Но, как всегда снедаемый любопытством, я вышел на улицу, накинув на себя простой дорожный плащ, чтобы не привлекать к себе внимания.

Народу в городе было много. Всюду слышались разговоры. Я направился по улицам, если можно так назвать эти кривые переулки между построенными в беспорядке хижинами, на городскую площадь. До моего слуха донеслось:

— Нашего князя околдовали греки!

Другой человек грозил:

— Не отдадим на поругание светлых богов!

Светлоусый мужчина в высоком красном колпаке и в длинной белой рубахе простодушно заявлял:

— Нам все равно, Перун или Илия. Лишь бы хлеб был в житных ямах. Крестись! Почему же не сделать князю приятное!

Возможно, что этот добряк уже был христианином. Под горой стояла деревянная церковь, где собирались на молитву местные христиане и даже греческие торговцы и путешественники, хотя богослужение в ней совершалось на славянском языке русским пресвитером.

В одном месте происходило уличное прение о вере. Кучка жителей и среди них несколько женщин приступили к трем воинам, как можно было судить по их плащам, застегнутым на правом плече, и мечам на бедре. Один из них говорил горожанам:

— Ваши боги не боги, а дерево. Сегодня оно есть, а завтра сгниет. Ваши боги сделаны человеческими руками, секирой.

— А кто гремит в небесах? — с отчаянием крикнула женщина с младенцем на руках.

— Гром гремит по воле божьей.

— Нет, это Перун гремит! Испокон веков было так.

— Перун ваш — истукан. Истинный же бог — тот, которому поклоняются греки. Он создал небо и землю, солнце и звезды. Потом сотворил человека и дал ему бытие на земле.

Я удивлялся умению этого случайного проповедника. Откуда были такие богословские знания у простого воина? Но яростная почитательница Перуна выкрикнула:

— Ваши боги намалеваны краской!

Воин не нашелся что ответить на такое утверждение и растерянно переводил взгляд с одного лица на другое. Я подошел и по возможности мягче сказал:

— Добрые люди! Христианский бог не намалеван. Это только изображение, символ,

напоминающий о телесной оболочке Христа и святых...

Я считал, что мой долг говорить так, и хотел обосновать свои слова, но женщины вдруг закричали:

— Уходи, уходи! И без тебя тут не знаем, как быть...

Они были возбуждены происходящим и готовы на всякую крайность. В глазах у женщин можно было прочесть смятение, даже ужас перед тем, что совершалось в те дни в Киеве. Кончался привычный уклад, рушились верования, с которыми были связаны счастливые детские воспоминания. Перун был жесток, но дарил им сильные радости любви, обильные жатвы и богатые уловы рыбы. И они спрашивали себя, эти неразумные люди, будет ли и впредь так продолжаться в русской жизни.

Но было ясно, что Владимир захотел воспринять славу нового Константина.

Леонтий ликовал:

— Поверь, патрикий, что это событие важнее для нас многих побед, одержанных на полях сражений.

От Добрыни мы знали, что вопрос о всенародном крещении обсуждался на княжеском совете. На одном из таких собраний присутствовали и мы с Леонтием. Старейшины, опустив головы, слушали доводы Анастаса, но по всему было видно, что им тоже трудно отрываться от старой жизни. Впрочем, некоторые из них уже были христианами, хотя хранили свою веру в тайне.

Один из старых воинов встал и сказал:

— Князь, трудное ты предлагаешь нам дело. Но вот и бабка твоя Ольга жила в греческой вере. А это была мудрая женщина. Видно, новая вера лучше старой...

Меня очень занимали русские боги. Я видел на острове Георгия священное дерево язычников. В листве огромного дуба гнездились птицы, наполняя воздух щебетом и хлопанием крыльев. Идолопоклонники считали, что в этом шуме выражается воля божества, и старались услышать в нем веление небес. Как малые дети, они ищут присутствия божественных сил в таинственных рощах, в тишине вековых лесов или там, где струятся священные источники.

Владимир долгое время тоже придерживался этих верований. Желая объединить свое государство в единой вере, он воздвиг капище недалеко от города и поставил в нем идолов. По приезду в Киев я побывал там, хотя и со страхом пришел на это проклятое место. Вокруг холма торчали на высоких шестах конские черепа, побелевшие от дождей и солнца. Огромный плоский камень изображал собой жертвенник; на нем жрецы приносили в жертву животных и петухов, и мне казалось, что я еще вижу на нем следы крови. Лучшие куски мяса они, само собою разумеется, брали себе, всякую требуху сжигали на камне, остатки выбрасывали у подножия холма, и ночью все это поедали бездомные псы, и тогда суеверные люди считали, что жертва была угодна богам.

На почетном месте стоял Перун — бог грома и молний, русский Зевс. На огромном деревянном туловище, грубо сделанном секирой, была укреплена серебряная голова, тоже отлитая неискусно, а усы бога были из золота. Мне показалось, что круглые глаза истукана смотрят на меня с дьявольской злобой. В кое-как вырезанных из дерева руках ложный громовержец сжимал пучок молний. Вместе со мной на холм пришли магистр Леонтий и Димитрий Ангел. Мы с любопытством смотрели на кумиров, но мысленно отплевывались с омерзением, так как на этом месте еще недавно приносились человеческие жертвы.

К великому своему удивлению, мы увидели среди идолов и древнюю статую прекрасного Аполлона. Сомнений быть не могло, перед нами был бог Эллады, и отлитая из бронзы, позеленевшая от гиперборейских дождей статуя вызвала восхищение Димитрия. Олимпийский бог держал в руках кифару, весь в помете диких голубей, обитавших поблизости, на соседних дубах. Странно, что холм, на котором находилось капище, здешние обитатели называли Волчьей горой, точно знали, что один из эпитетов олимпийца — Ликофрос, то есть убивающий волков. Каким образом попала эта статуя в скифскую глушь, мне выяснить не удалось. Однако напрасно искал он убежища в таких отдаленных пределах — и здесь уже слышалось церковное пение.

Только Димитрий восхищался:

— Какие божественные пропорции!

А магистр Леонтий, всегда строго блюдуший все, что касалось христианской жизни, выговаривал ему:

— Спасение души важнее, чем пропорции человеческого тела.

Да, судьба сделала меня свидетелем многих необыкновенных событий. Но, может быть, самым важным из них было низвержение идолов и крещение русского народа.

Из разговоров с князем Владимиром я вынес убеждение, что его охватывает порой беспокойство. Безусловно, он видел и понимал превосходство мира христиан, культурных людей, над прозябанием язычников. Жизнь греков, с которыми он сталкивался, и тех руссов, которые побывали в Константинополе и приняли христианскую веру, была несравненно богаче и сложнее, чем жизнь какого-нибудь доителя кобылиц. Мало того — новая вера казалась ему необходимой, чтобы скрепить, как обручем, русское государство; он хотел использовать ее в своих собственных целях. Но новые понятия уже проникали в русскую жизнь: любовь к ближнему, единый бог на небесах, история сотворения мира, евангельская история. Анна тоже пришла к нему из этого мира. От княгини Ольги остались во дворце книги, по которым она научила внука читать. Правда, его душу обуревали порой страсти, порой жизнь была сильнее этих душеспасительных книг, неслась куда-то, как Борисфен, со всеми человеческими радостями и печалью, но в разговорах с Анной или с этими лукавыми, но благопристойно улыбающимися людьми, какими мы были в его глазах, князю хотелось быть равным нам, жить с нами в одном мире, говорить с нами на одном языке. Владимир не раз говорил мне, что ему очень бы хотелось увидеть все эти чудесные города, о которых он слышал от путешественников и своих посланцев. Один варяг говорил мне, что Владимир, спасаясь от Ярополка, два года провел в Скандинавии и участвовал в варяжских набегах на землю франков и на Италию, но когда я спросил его об этом, он покачал головой.

Однажды, в припадке откровенности, он сказал мне на пиру:

— Тянет меня в греческую землю. Но как покину такое хозяйство, нивы и звериные перевесы?

Да, он не мог противиться тому жизненному потоку, что увлекал Русскую землю к ее новой судьбе. Жизнь, творившаяся вокруг истуканов с выпученными глазами, не могла противостоять порывам ветра, дувшего с Понта. Владимир, уже некоторое время тому назад, подражая многим своим воинам и юному скандинавскому ярлу Олафу, принявший христианство, неоднократно приходил на холм, где стояло капище, смотрел на идолов и размышлял, и чем дальше, тем больше соблазняла его полная прелести греческая жизнь.

А между тем бирючи, как здесь называют городских глашатаев, звали народ явиться на речку Почайну, которой суждено было сделаться северным Иорданом. Я видел, что толпы людей спускались к реке. Мы тоже присутствовали на торжестве, и я наблюдал все собственными

глазами.

Наступило солнечное утро. Весь берег был заполнен народом. Окруженный знатными воинами и старейшинами, Владимир вместе с Анной стоял на разостланном на лужайке ковре. На нем был золотой скарамангий и на плечах пурпурная хламида, слишком щедро осыпанная жемчугом и излишне богато вышитая золотыми узорами, на которых с геометрической точностью чередовались орлы и кресты. Еще вкус варвара не отличался большой изысканностью, и все это можно было легко понять и объяснить. На голове у князя сияла диадема с жемчужными подвесками у висков, или так называемыми пропендулиями. Как у василевса, корона была увенчана крестом. При каждом движении князя подвески трепетали, вызывая любопытство киевлян. На Анне, одетой в белые и зеленые одежды, тоже была диадема, но без пропендулий. Ее стан обвивал лор. Как в часы императорских выходов, отроки держали над княжеской четой навес, украшенный розовыми страусовыми перьями, и это непривычное занятие, видимо, занимало русских юношей.

Я находился совсем близко около Анны и еще раз мог видеть подведенные глаза Порфирогениты и нежные румяна на ее щеках, похудевших в последнее время от волнений. Ничего особенного, на наш взгляд, в этих женских ухищрениях не было, но простодушные киевские женщины, никогда не выдавшие ничего подобного, смотрели на Анну со страхом, как на ожившего идола.

Анастас, епископ херсонесский Иаков и священники стояли в сияющих облачениях у самой воды и читали положенные молитвы. Руссы садились на землю, снимали обувь и входили в воду. Хотя многие делали это явно с недовольным видом, особенно женщины, которые не удерживались от ругательств, держа на руках плачущих младенцев. Их плач мешался с женскими воплями. Но фимиамный дым тихо поднимался из бряцающих кадил к небесам, и всюду я видел любопытствующие, широко раскрытые глаза. Видно было также, что руссы не понимали, что происходит с ними, но они не осмеливались нарушить волю князя, за спиной которого стояли вооруженные мечами воины.

После знаменательного события на площади перед дворцом был устроен всенародный пир. Всякий желающий мог прийти сюда и есть мясо, хлеб, овощи и пить хмельное питье. На соседнем пустыре княжеские кухари жарили на кострах целых баранов и даже быков, варили в котлах похлебку из рыб, а отроки едва успевали приносить из погребов мед и пиво. Никогда в жизни я не видел подобного! Сам князь, все в том же одеянии, но уже без диадемы на челе, которая, очевидно, с непривычки стесняла его, стоял на высоком крыльце и улыбался народу.

Для тех, кто не мог явиться на пир по болезни, яства развозили по городу на повозках, и возницы громко приглашали желающих отведать княжеского угощения. Леонтий подсчитал, что все это обошлось не в одну тысячу миллиарисиев. Но в Киеве еще не было чеканных монет, а люди рассчитывались кусками серебра, которые они рубили в установленном весе, или мехами.

Даже на пиру не прекращалось прение о новой вере. Но колесо истории повернулось безвозвратно. Я помню, что на том совещании, на котором я присутствовал, один из воинов рассказывал о своем посещении Константинополя:

— Мы не знали, где находимся, на небе или на земле.

Это он изумлялся патриаршему богослужению.

Когда настроение на пиру поднялось, приверженцы новой веры бросились к холму, где стояли истуканы, и повергли их на землю. Анастас кричал в исступлении:

— Смотрите, вот идолы лежат во прахе и ничего не могут сделать в свою защиту, ибо они

дерево и металл, а не истинные боги!

Но женщины дико завопили, когда тяжело рухнул и колодой покатился с горы огромный Перун.

Чтобы лишний раз доказать народу бессилие старых богов, по повелению князя истукана привязали к хвостам косяка диких коней, и они далеко умчали его в поля. Надругавшись над Перуном, его бросили в Днепр. Кумир покачивался на воде и упрямо приплывал к берегу, и женщины кричали, простирая к нему руки:

— Выплывай, выплывай, светлый бог!

Но княжеские воины отталкивали идола от берега, и, подхваченный течением, он поплыл вниз по реке, к порогам, и вскоре скрылся из виду. Однако многие не хотели расстаться со своим ложным божеством, плакали, и им казалось, что вот-вот загремит гром и молния поразит нечестивцев, поднявших руку на бога. А впереди еще были страхи за урожай, за приплод скота, за удачу на звериных ловах. В простодушном человеке царит тьма, и нужны годы, чтобы просвещение озарило его светом.

Но приближался день нашего отъезда в Константинополь. Солнце находилось уже недалеко от поворота к зиме. Ночи становились прохладными, и звезды высыпали на северном небе, как жемчуг. Листья берез сделались золотыми. С дубов падали на землю тяжкие желуди...

На реке стучали топоры. Там приводили в исправность ладьи, на которых мы должны были пуститься в обратный путь. В Киеве собирался большой торговый караван, чтобы успеть отвезти товары в Херсонес под надежной охраной до наступления зимы, и мы с Леонтием и другими ромеями решили воспользоваться представившимся случаем, чтобы поскорее вернуться к василевсу, не дожидаясь весны. Уже над головами пролетали стаи лебедей, направляясь к Понту. Ночью было слышно, как высоко в небе музыкально курлыкали журавли, кричали утки, гоготали гуси. Птицы спешили уйти от суровой зимы, и мы тоже страшились ее и поэтому ускорили отправление к пенатам.

Перед отъездом я иногда бродил по городу, поднимался на крепостной вал, всходил по скрипучей лесенке на бревенчатую башню. Там, под высокой крышей, где водились голуби и ласточки, среди балок и перекрытий, гудел степной ветер. Но с башни открывался изумительный вид на величественный Борисфен, кативший далеко внизу свои широкие голубые воды.

На том месте, где раньше стояли идолы, Владимир велел построить церковь. Это поручил он Димитрию Ангелу. Тяжело перенесший трудное путешествие и страдавший от своего недуга, который еще больше усилился в суровом климате Скифии, Димитрий таял, как свеча. А его строительные планы еще не были воплощены в действительность. Владимир спешил с возведением христианского храма. Об этом умоляла его Анна, желавшая слушать литургию. Поэтому требовалось построить хотя бы небольшую церковь с кафизмой для князя и Анны, где они могли бы молиться о спасении своих душ. Но строить каменное здание было трудно. В Киеве еще не было опытных мастеров, ощущался недостаток в камне и кирпиче. Димитрий искал способы ускорить строительство.

Иногда я приходил взглянуть на работы. Поблизости, на берегу реки, дымились обжигательные печи для кирпичей, на которых ставили княжескую метку, каменщики прилежно тесали каменные глыбы, а другие строители замешивали известь. Уже приступили к возведению стен, присыпая к ним землю, чтобы каменщики могли подниматься все выше и выше по мере роста здания. Греческий язык мешался на строительстве с русским.

Димитрий печально улыбался.

— Начнем с малого. Надо сообразоваться с условиями здешнего климата. Руссы строят из дерева легкие и изящные башни. Так им хочется строить и из камня. Что ж, они быстро перенимают искусство возводить свод, а это самое трудное в архитектуре. Но вскоре мы приступим к постройке большого храма, которому позавидует любой город. Я украшу его фресками и мозаикой. Мы выпишем художников из Афин. Я знаю их манеру. Они подражают древним образцам, и поэтому наши епископы не дают им заказов, но здесь они будут на своем месте. Ты видел, как работают здешние серебряных дел мастера и те, что украшают оружие? Обрати внимание! В рисунке у них много наивной, детской радости, близости к природе. На оконных украшениях и на вышивках убрусов они охотно изображают замысловатые узоры, а также зверей и птиц. Иногда целые сцены. Они любят радовать свое зрение красками. Поэтому я решил облицевать внутри церковь зелеными или голубоватыми изразцами. Снаружи будут простые кирпичные стены, и человек, пожелавший бы удалиться в храм от будничных забот, даже не будет подозревать о том, какая красота его ждет. И вдруг ему представляется красота мозаик, мрамор, паникадила! Это должно производить на людей большое впечатление, а нам нужно завоевать варварские души...

Проверяя точность возведения стены, он держал в руке отвес, и свинцовый грузик раскачивался на нитке от припадка его убийственного кашля.

— Хотелось бы построить что-нибудь грандиозное, прежде чем умереть, — сказал он.

Я понимал его томление. Сколько раз я думал о том, что не стоит жить-на земле ради маленьких дел. Только великие деяния могут оправдать смысл существования. Счастлив тот, кто в смертный час свой может сказать: «Я трудился и творил». Впрочем, каждый вносит свою лепту в строительство прекрасного — зодчий, и простой каменщик, и тот, кто терпеливо замешивает известь. Но церковь, которую строил Димитрий, представлялась мне в будущем прекрасной.

Димитрий Ангел мог спокойно закрыть глаза: после него останутся стихи и церкви, которые он успел построить, несмотря на свою молодость, и среди этих церквей белый храм в Фокиде, не менее изящный, чем Неа в Константинополе, — с аркадами внутреннего двора и фонтанами, где вода обильно и с прекрасным шумом изливается из широко разверстых львиных пастьей. Может быть, он успел бы построить такой же храм и в Киеве, если бы не его болезнь. Князь уже обещал Анастасу отделить десятину своих доходов в пользу этого храма. А что останется от меня? Горсть праха, который развеет ветер, да недолговечная память в сердцах друзей. По мере сил трудился и я. Другие сидели у огня, спали в теплых постелях, ублажали чрево, а я разделял с василевсом воинские труды и лишения, его бессонные ночи и опасности на полях сражений.

Теперь мне часто приходилось иметь дело с пресвитером Анастасом, которого князь сделал первым русским епископом. Я в конце концов примирился с этим человеком, увидев, с какой ревностью он трудится для просвещения. Немедленно же по возвращении в Киев из-под Херсонеса Владимир решил, по его совету, устроить училище для русских детей. На совете, на котором и мы с Леонтием принимали участие, Анастас объяснял хмурым старейшинам:

— Нам нужны пресвитеры, умеющие читать священное писание. И не только пресвитеры. Большая нужда в княжеских слугах, которые могли бы писать договоры с другими народами, переписывать судебники и книги для чтения и духовного утешения. Везде в государстве нужны люди, владеющие тростником для писания.

Но неразумные матери плакали, когда в дом приходили княжеские люди и отнимали детей от медовых лепешек для книжного учения. Этим простодушным женщинам казалось, что они теряют своих детей навеки. Однажды во время своей ежедневной прогулки по городу я зашел в школу. Она помещалась на княжеском дворе, в помещении, где сам Анастас, с лозой в руке, обучал юных киевлян грамоте. Дети смотрели на учителя не без страха, но я заметил, что

некоторые уже старались постичь книжную премудрость и крепко сжимали в маленьких руках азбуку. Я спросил одного из них, белоголового мальчика с горящими от волнения глазами:

— Как твое имя?

Он ответил:

— Илларион.

— Хочешь ли вкусить учения, Илларион?

Мальчик посмотрел куда-то далеко перед собою и ответил шепотом.

— Хочу.

— Учись, Илларион. Но здесь еще не конец твоему учению. Потом ты поедешь в город Константина и там постигнешь сладость риторики, и, кто знает, может быть, ты сам будешь писать книги для твоего народа!

На коленях у Иллариона лежала азбука, привезенная, вероятно, из Болгарии. На первую букву стих начинался так: «Аз есмь червь...» Нелегко было детям этих гордых воинов перестраивать струны своей души и научиться мыслить о бренности всего земного. Впоследствии я убедился, что, помышляя о смерти, варвары еще больше начинают ценить жизнь.

Илларион беззвучно шевелил губами, стараясь запомнить что-то. Его детской душе было страшно в этих книжных странах, в которых она неожиданно очутилась.

— А как твое христианское имя? — спросил я его соседа, мальчика с очень любопытными глазами и такого же белокурого, как Илларион.

— Иаков.

— Давно ли ты христианин?

— От рождения.

— Кто же твои родители?

— Отец мой воин.

— Может быть, твой отец крестился в Константинополе?

Отрок недоумевающе смотрел на меня.

— В Царьграде?

— Нет, в Корсуни.

Я присел рядом с ним на скамью и, вспоминая безвозвратно ушедшие школьные годы, слушал, как Анастас учил своих питомцев и наставительно читал в «Алфавитаре»:

— «Когда добро плаваешь, паче всего помни о буре!»

Дети смотрели на него широко раскрытыми глазами. Их юные умы были полны кипения. Мир раздвигался перед ними до бесконечных пределов, до самого синего моря, до греческих пределов, холмов Иерусалима, пальм Египта...

Чтобы не мешать больше учению, я покинул школу, мысленно пожелав отрокам успеха в науках.

Ладьи уже были готовы к отплытию, но поджидали каких-то замешкавшихся в пути древлянских торговцев, которые должны были везти в Херсонес мед и воск. Спрос на эти товары неожиданно увеличился. Как мне объяснили, эти товары добывались в области, богатой липами. Невероятное множество пчел трудится там, и этот мед отличается особенно ценными вкусовыми и целебными качествами.

Перед отъездом я удостоился видеть Порфирогениту. В тот день Леонтий Хрисокефал со своими нотариями составлял список подарков, которые Владимир посылал в Константинополь. Анна сидела рядом с супругом на скамье, покрытой серебряной парчой. Епископ Анастас и Леонтий стояли у стола, на котором лежали письма для василевсов и дары — мешочки с драгоценными яхонтами, с янтарем и жемчужинами. На полу были навалены кучей меха черных лис и соболей. Над ними суетились служители, увязывая товары в тюки. Все было еще просто в этом варварском государстве. Несложен был и церемониал прощания с Порфирогенитой.

Леонтий и Анастас тщательно записывали дары на папирусе и пересчитывали каждую жемчужину. Один из нотариев проверял предметы и тюки по списку. Леонтий Хрисокефал высыпал жемчужины из очередного холщового мешочка, держа его за концы, как за уши. Одна жемчужина прекрасной формы упала и покатила по полу. Нотарий с зажегшимися от алчности глазами поднял ее и подобострастно протянул магистру. Леонтий стал считать жемчужины, с опаской поглядывая на нотарию и шепотом проверяя счет.

— Запиши, — сказал он, закончив подсчитывания: — Тридцать две жемчужины средней величины.

Нотарий обмакнул тростник в чернильницу.

Приходили и уходили воины и отроки. В помещении была суета. Анна сидела с усталым видом. Владимиру тоже стало скучно. Он спросил Анастаса:

— Скоро ли вы кончите? Поспешите, ведь есть и другие дела.

Мне тоже надоело это занятие. Точно мы были в меняльной лавке. Но я стоял и думал о своей жизни, спрашивая себя мысленно, чем бы она была, если бы моя судьба походила на участь тысяч других людей. Я мог легко представить себе это. Спокойное существование, добродетельная супруга, отпрыск какой-нибудь почтенной семьи, а вместе с нею имение и теплый вместительный дом, где пахнет амброй и кипарисом, потом дети, утешение на старости лет, и на склоне жизни красная хламида магистра или даже, может быть, звание великого доместика...

Когда все было закончено и списки проверены, мы стали перед Порфирогенитой, чтобы отдать ей последнее поклонение, как перед покойницей, и пали ниц. Поднявшись, я увидел, что лицо Анны стало печальным. А у меня мелькнуло в мыслях, что уже ничего не будет в моей жизни, прошедшей в военной суете и одиночестве, кроме этих мук и воспоминаний об этой разлуке.

Мы отступили на три шага и снова повернулись ниц. Опустив лоб к полу, я повторил про себя:

«Прощай! Прощай навеки!»

Но почему даже в минуту расставания моя душа испытывала нечто похожее на блаженство? В нашем ромейском мире, где все установлено незыблемо на вечные времена, нельзя изменить судьбу человека. Один рождается во дворце, другой — в хижине. Небо послало мне

испытание неразделенной любви. Но я не ропщу. Эта мука была лучше, чем многие блага земные и довольство своим существованием.

Анна все так же печально смотрела на нас, отбывающих в ромейские пределы, оставляющих ее в стране скифов. А я мысленно говорил перед нею:

«Благодарю судьбу, что мне суждено было взглянуть на твое лицо, сказать тебе несколько слов, услышать твой голос в ответ и очутиться в поле зрения твоих прекрасных глаз! Благодарю небо, что моя душа посетила этот мир в те годы, когда и ты жила на земле, что я ступал там, где и ты ступала, молился в церквах, где и ты молилась! Легко могло случиться, что мы не встретились бы в море жизни. Однако я нашел тебя в земной суете, и мне суждено было полюбить тебя!»

На голове у Анны был белый убрус, который сжимало украшение в виде золотой диадемы. Из-под края зеленой шелковой одежды виднелись пурпурные башмачки, усыпанные мелкими жемчужинами.

Я знал, что где бы мне ни суждено было умереть — на постели от болезни, на поле сражения от меча или на погибающем в буре корабле, — моя последняя мысль будет о ней.

Отроки подняли связки мехов, чтобы грузить их на ладьи. Нотарий нес под бдительным надзором Леонтия мешочки с жемчужинами и золотыми солидами. Мы тоже спустились к реке, чтобы узнать, готова ли наша ладья к отплытию. Многие руссы выходили из хижин, чтобы посмотреть на греков, хотя в городе всегда было много иноземцев. Мы спустились по крутому спуску к реке. На Борисфене стояли ладьи, изгибая высокие птичьи шеи с фантастическими головами грифонов и зверей. Нас должны были сопровождать, как мы условились с Владимиром, четыреста воинов под начальством моего старого знакомого Всеслава. В Херсонесе уже поджидал посланцев василевса ромейский корабль, чтобы увезти нас в Константинополь. Надо было торопиться, так как с приближением зимнего времени плавание в Понте становится небезопасным.

На другой день, на рассвете, мы тронулись в путь. Река вздулась от осенних дождей и бурлила. Ладьи стремительно понеслись одна за другой вниз по течению. Я поднял глаза, чтобы посмотреть на высокий берег. На горе все так же непоколебимо стояли бревенчатые башни. На верхней галерее одной из них можно было рассмотреть группу женщин. Может быть, это была Анна со своими приближенными женщинами, поднявшаяся рано, чтобы посмотреть на уезжающих к братьям? Одна из женщин махала голубым платом. Она желала нам счастливого пути. Может быть, это Анна прощалась с нами в последний раз? Но течение влекло нас с невероятной быстротой к порогам, и скоро Киев исчез в утреннем тумане. Мы были счастливы, что в точности выполнили волю благочестивого, и теперь спешили, чтобы вовремя прибыть в Константинополь и дать отчет в том, что мы видели и слышали в стране руссов.

Немногое еще осталось прибавить к этой хронике. Как волны, изнемогающие под тяжким ярмом и отгоняющие ударами хвоста злых насекомых, мы влекли колесницу тысячелетнего ромейского государства. Она со страшным скрипом двигалась медленно в темноте мировой ночи. Всюду царит мрак. Священные холмы Рима представляют взорам путника руины, увешанные диким плющом, и уже сделались прибежищем для коз и невежественных пастухов. Франкские бароны, точно разбойники, живут вместе с конями и псами в построенных из необделанного камня замках и даже не гнушаются нападать на торговые караваны. Латинская церковь отошла от апостольских правил. И только в ромейском государстве истинная вера не угасает, как вечный светильник, и процветают искусства. Даже в наши трудные времена живописцы Панталеон и Мена удивляют весь мир своим

искусством, склоняясь трудолюбиво над книгами патриарха. Не будем предаваться отчаянию. Эллинские семена, посеянные на русской почве, упали не на камень и в свое время принесут обильную жатву. Как засохшая земля жадно впитывает потоки дождя, так и варварская душа жаждет, чтобы ее напоили книжные реки.

Влекомый ненасытным любопытством ко всему, что происходит в жизни, я явился однажды в мастерскую, где работали Панталеон и Мена. Это происходило во дворце, в довольно низкой горнице со сводчатым потолком и двумя широкими окнами. Около них стояли наклонные дубовые столы. За ближайшим сидел Панталеон, за другим — Мена. Около художников можно было видеть на полу и на скамьях множество глиняных горшочков с красками. Когда я вошел, Панталеон растирал на мраморной доске киноварь, а Мена, склонившись к столу, что-то чертил. Я произнес положенные в подобных случаях приветствия и подошел к художнику, занятому с кистью в руке. Он улыбнулся, смущенный тем, что кто-то будет наблюдать за его работой, или, может быть, польщенный моим вниманием, но продолжал тщательно вырисовывать кистью орнамент в виде виноградной лозы с геометрическим повторением листьев и гроздий. В этой рамке был изображен Василий. Я сразу же узнал его. Коротко подстриженная борода, жесткая и колючая, пронзительные глаза и впалые щеки. В одной руке он держал меч, в другой — символическое копьё. Два ангела венчали его диадемой, на которой был изображен каждый драгоценный камень. У подножия василевса склонились плененные варвары и мятежники. Как я сказал, сходство было большое, но в рисунке чувствовалась сухость и одеревенелость, и василевс напоминал Димитрия Солунского, как его изображают на иконах. И на других листах движения людей были связанными, как бы застыли в одном, избранном этим живописцем мгновении.

— Извини меня, художник, — обратился я к Мене, — но меня удивляет, что ты удаляешься от природы и не изображаешь предметы и людей так, как это делает, например, Лука Влахерит. Я видел его картину, которая называется «Давид, пасущий свои стада». Псалмопевец играет на лире, и короткая одежда не закрывает его мускулистые ноги. Это голени юноши и пастуха, знакомого с горными тропами. Около Давида сидит муза и вдохновляет его. Внизу другая женщина, с обнаженными сосцами, полными молока, символизирует плодородие, а рядом с нею пес, слушающий музыку — так звери внимали некогда Орфею. Собака стережет овец и коз, пасущихся на лужайке. Не кажется ли тебе, что именно так надо воспроизводить мир и все, что мы наблюдаем в нем?

Мена прекратил работу и стал задумчиво поглаживать бороду, а Панталеон, с которым мы и раньше встречались, так как он украшал орнаментом некоторые книги моей библиотеки, услышал разговор и поддержал меня:

— Лука подражает не только природе, но и древним образцам, в которых столько жизни.

— Так в чем же дело? Почему вы не берете их за образец? — удивился я.

Мена вздохнул с явным огорчением.

— Почему ты вздыхаешь так горестно, Мена?

— Недавно я выполнял одну работу для патриарха. Святейший заказал мне украсить сочинение Феофана Продолженного. Читал ли ты эту книгу, патрикий?.. Читал. Там есть такая сцена. Император смотрит на корабль, нагруженный пшеницей и елеем, которыми хотела торговать августа, без ведома супруга и презрев свое высокое звание...

— Отлично помню.

— Я изобразил корабль, мачты, паруса, полные упругого ветра, и веселых корабельщиков. Ведь они всегда любят вино и приключения. На берегу я поместил императора. Он уперся кулаками в бедра, так как был разгневан, что его супруга занимается торговыми

предприятиями. А патриарх взглянул на рисунок и погрозил мне перстом.

— Чем же был недоволен святейший?

— Патриарх сказал: «В изображении важна идея, а не земные подробности. Канон, а не воображение легковесного ума». Он негодовал, что я изобразил василевса не представителем божественной власти на земле, с золотым сиянием вокруг головы, как у святых, а обыкновенным человеком, рассердившимся на жадную жену. Между тем именно так изображали древних героев «Илиады» или хитроумного мореплавателя Одиссея, хотя он тоже был царем.

Панталеон передал прислуживающему мальчику доску с киноварью и наставительно сказал:

— Продолжай растирать краску! Но делай это медленно и равномерно, а не рывками и без грубого нажима. Такая краска употребляется для заглавных букв и при рисовании пурпура и поэтому должна быть особенно хорошо протерта.

Живописец подошел к нам, может быть надеясь, что я скажу что-нибудь достойное внимание по поводу рассказа Мены, но мое положение обязывало меня. Я не мог в присутствии малознакомых людей порицать патриарха, хотя и не был согласен с ним, и, сказав несколько незначительных слов в похвалу художников, покинул мастерскую.

Нет надобности подробно останавливаться на событиях тех лет — они общеизвестны. Упомянем только о самом существенном, чтобы создать рамки для повествования. Итак, с помощью руссов мы разгромили восстание Варды Склира, возглавившего надменных стратигов восточных фем, уже чувствовавших себя в отдаленных областях независимыми государями, и смирили их гордыню. Огромное число мятежников было убито, остальные рассеялись и скрывались, как дикие звери, в лесах Тмола. Сам Склир попал в наши руки. Пленника привезли к василевсу прямо из грохота битвы, даже не успев снять с него пурпуровых кампагий, право ношения которых он осмелился себе присвоить.

При виде мятежника, тучного и жалкого человека с мешками под глазами и с трясущимися от волнения руками, Василий воскликнул:

— И перед таким стариком мы еще вчера трепетали!

Помня о прежних заслугах Склира, Василий не предал его мучительной смерти, а сослал в отдаленный монастырь. Там он мог до конца своих дней предаваться размышлениям о своей бурной и полной превратностей жизни.

Мне запомнился разговор благочестивого со Склиром в час пленения.

Склир стоял перед ним и тяжело дышал, будучи уже на склоне лет. У него было кровотечение из носа. Возможно, что кто-нибудь из наших воинов ударил его по лицу. Склир вытирал кровь рукою и смотрел на пальцы с удивлением, как бы пораженный, что он, проливший столько чужой крови, видит собственную. Она запачкала ему седую бороду, одежду и панцирь. Василевс пронзительными глазами глядел на пленника, потом произнес с осуждением:

— Конец, Варда? Теперь уже никогда не услышать тебе шум битвы...

— Конец, — прохрипел старик.

— Чего бы хотел сейчас?

— Смерти... Устал безмерно...

— Ах, Варда, Варда! Если бы не ты, не пришлось бы мне унижаться перед руссами. Я послал

бы тебя защищать Херсонес. С твоим умом и пониманием вещей и решиться на такое безумие — поднять руку на василевса! Ты ведь отлично знаешь, что только я один способен вывести ромеев из затруднений. У меня все есть, а мои враги стремятся к обогащению и власти. Воины, уведите его!

Склира увели. Три варяга остались в его шатре, чтобы провести там ночь и стеречь пленника. Я поднял парусиновую полу палатки, чтобы посмотреть на мятежника при свете факела, который держал в руках один из моих слугителей. Склир сидел на земле, опустив руки. По дороге с него уже сняли кампагии, босые ноги старика, искривленные болезнями, были в грязи. Шел дождь. Склира так и вели без всякой предосторожности по лужам...

Так кончилась деятельность Барды Склира. Так изливается в небытие быстротекущее время.

Покончив с мятежом на востоке, Василий все свое внимание обратил на запад, где надлежало предотвратить опасность, грозившую со стороны болгар и богомилов.

Двадцать пять лет жизни василевса прошли в непрестанных походах. Василий метался, как лев, заключенный в клетку, двадцать пять лет не снимал панциря. Когда положение становилось невыносимым, выступал шеститысячный отряд варягов, присланный Владимиром, и тогда эти тысячи мечей обрушивались на врагов. Так серпы жнут пшеницу в дни знойной жатвы.

Давид Арианит и Константин Диоген опустошили Пелагонию. Третья часть военной добычи была отдана варягам, две другие поделили между собою василевс и ромейские воины.

Сколько битв, сколько горящих городов встает в моей памяти! Кастория и Ларисса, Диррахий и Веррея...

В один знаменательный день мы получили из осажденного болгарями Дористола на Дунае послание от сына патрикия Феодота Ивира. Мы стали поспешно собираться в поход и вскоре осадили Сетену, где находились житницы царя Самуила. Враг уже чувствовал, что его силы иссякают. В распоряжении Василия были многочисленные наемники, золото, воины фем и непобедимые гетерии «бессмертных». Сражаться с таким могуществом было трудно, и драма приближалась к развязке.

Июня пятнадцатого дня, третьего индикта, 6522 года от сотворения мира благочестивый вновь повел нас на врагов. Воины пошли за ним с пением псалмов и рукоплесканиями, потому что смерть воина на поле сражения подобна смерти мучеников. Так мы двинулись в неприступные горы Македонии.

Вздымая пыль на дорогах, впереди гарцевала конница мужественного и осторожного Феофилакты Вотаниата. За нею шли воины фемы Оптиматов и испытанный в сражениях отряд варягов. Я с изумлением смотрел на этих воинов.

Конюхи вели попарно коней василевса. Арабские и каппадокийские жеребцы, покрытые пурпуровыми чепраками с вышитыми на них орлами и крестными знаками, танцевали от полноты жизни. На поводах у псарей рвались в поле борзые. Над челками коней трепетно покачивались розовые и белые страусовые перья.

Василий ехал верхом, в простом воинском плаще, под которым блистал панцирь. Как изменилось его лицо за эти годы! Но запавшие от бессонных ночей и огорчений голубые глаза и гневно поднятые дуги бровей по-прежнему выражали непреклонность воли. Борода василевса поседела, на лице легли морщины. Ради спасения ромеев он с одинаковым терпением переносил зной сарацинских пустынь и стужу фракийских зим.

По-прежнему висел в воздухе купол св.Софии, символ небес на земле. Как орлица, он

укрывал своими крыльями всю нашу жизнь. Но в страшное время жили христиане. Уже нечестивые агаряне завоевали гроб Христа, уже ускользали из рук василевса наши дивные владения в Италии, и со всех сторон ромеев теснили враги. Василий решил сокрушить ярость болгар, чтобы развязать себе руки для военных действий в других концах государства. Я вспоминал стихи Иоанна Геометра:

Рычи, о лев!

Пусть прячутся лисицы в норы, Услышав твой могучий рев...

Поэт написал пророческие стихи! Сколько раз рычал наш лев, и враги прятались в свои трущобы. Самуил укрылся в горах. Но будем справедливы даже к врагам. Не трусливая лисица пряталась в Немице, а воин, тоже львиной породы, жестокий соперник василевса. Когда раздавался среди горных вершин его голос, стены нашего города содрогались. Выходили на единоборство два титана. Но силы их были неравными. У одного было множество воинов, коней и камнеметательных машин, у другого — отряды плохо вооруженных поселян и пастухов, хотя и готовых умереть за свою свободу, однако еще не постигших, что в единении сила.

Мы продвигались по разоренной стране, мимо селений, покинутых жителями, среди которых было много манихеев. Непостижимо было, как могли существовать люди в такое звериное время. Казалось, что на людей низринулись с небес все воображаемые несчастья. Всюду, куда ни падал взор, видны были пепелища, руины, оставленные пахарями нивы, и стаи черных птиц кружились над трупами людей и раздутыми тушами животных.

Наступали сумерки. Голубые горы стали совсем темными, подул холодный ветер. Зазвенели трубы, подавая воинам знак остановиться и готовиться к ночлегу. Вozы перестали скрипеть. Я стал осматривать местность, чтобы выбрать подходящую поляну для лагеря. Но место было неблагоприятное для возведения лагеря: с обеих сторон возвышались горы, а у дороги лежало селение, превращенное пожаром в груды углей и пепла. Неизвестно было, что случилось с его жителями. Вероятно, несчастные спрашивали судьбу, за что обрушились на них такие испытания, и не находили ответа.

Василий осторожно сошел с коня. Конюх поцеловал ему руку, принимая позолоченный повод. Василевс сказал:

— Здесь ждет нас отдых.

Было отдано распоряжение ставить шатры. Запахло привычным для меня дымом лагерных костров. Приняв положенные меры предосторожности, воины приступили к изготовлению пищи. Но вежды их смыкал свинцовый сон. Положив на землю щиты, служившие им в походе постелью и подушкой, христолюбивые воины уснули. Только в шатре василевса еще долго блистал огонь светильника.

Когда на востоке занялась заря, нежнейшая, как роза, мы снова двинулись в путь, оставив после себя золу костров, обглоданные кости и конский навоз. Войска шли с большой осторожностью, и в дороге было время подумать о многих вещах.

Однажды наши воины схватили в придорожной роще лазутчика. Под плетью он сознался, что его прислал Самуил. Ему было поручено разведать о численности наших сил. На допросе выяснилось, что соглядатай — богомил. Я пошел посмотреть на него.

Еретик лежал на земле, истерзанный, в жалких лохмотьях, сквозь которые просвечивало худое и грязное тело. Судя по его виду, это был поселянин, еще не старый человек. Два воина, стерегшие его, играли в кости и переругивались между собою, третий занимался починкой обуви, пришедшей в негодность во время переходов по щербистым горным

дорогам. Я спустился в погреб и склонился над пленником.

— Ты богомил? — спросил я.

Он ничего не отвечал.

— В кого ты веруешь? — опять задал я вопрос.

Пленник продолжал лежать, не отвечая мне ни единым словом, и только стонал, когда делал какое-нибудь движение.

— В кого ты веруешь — в дьявола или в бога?

Он перестал стонать, повернул ко мне лицо, все в ужасных кровоподтеках, и с невыразимым страданием произнес пересохшими губами:

— Не мучай меня перед смертью.

— Ты умрешь, когда придет твой час. Но покайся перед концом жизни. Ее ты уже погубил. Спаси хотя бы свою душу. Отрекись от дьявола!

— Это вы служители дьявола, — вдруг дерзко прошептал он, — заковали бога в серебро и золото, опьянили себя языческим фимиамом, подобно идолопоклонникам...

— Как ты осмеливаешься произнести подобное?! — в гневе воскликнул я. — Ты лжешь!

— Нет, я говорю истину. Вы живете в мире сатаны, а мы вздыхаем по другой земле, созданной не сатаной, а богом для счастья всех людей, бедных и богатых.

— Ты еретик, — сказал я. — В писании сказано, что мир был создан в шесть дней, а падший ангел низринут с небес. Он ничего не творил, а только разрушал.

— А я верю так, как нас учил отец Иеремия.

Еретик поднялся с трудом на локте и продолжал, глядя на меня лихорадочно блестящими глазами:

— Все видимое — землю, растения, камни, человека — создал сатана. Поэтому мир и погибает, как в блевотине. Не мог бог создать такой мерзостный мир!.. Боже мой, как я страдаю!

Он погладил лицо рукой и умолк.

Воины по-прежнему метали кости и ссорились, так как один из них предполагал, что товарищ обманывает его. Тот, что чинил башмак, с тупым видом смотрел то на меня, то на пленника, которого он стерег.

Два мира! Один — созданный сатаной, другой — богом. В этом воззрении чувствовалось нечто от платоновской философии, от учения гностиков. В каком мире жил я сам? Я вспомнил пышное, горячее тело Фелицитаты, с которой у меня была встреча в жизни, ее полные руки, разгоряченное любовью дыхание. А красота Зои, любившей меня в Трапезунде, когда я был поглощен звездами, или печальная любовь Евпраксии, пошедшей ради меня на прелюбодеяние, худоба Тамар, случайно встреченной в константинопольском предместье? Другие тени проплывали передо мною. Неужели все это только тлен и гниение? Или красота другой, облеченной в пурпур? Впрочем, чем же отличается тело августы от простонародной женщины? Значит, все зависит от того, какими глазами мы смотрим на женскую красоту, на мир. Но откуда у этого невежественного по внешнему виду человека такие сложные

представления о мире? Мир наш создан дьяволом? У меня мороз пробежал по коже. Мир, наполненный церковным пением и фимиамом!

На шестой день мы подошли к болгарским засекам. За ними лежали плодородные долины Стримона, цель нашего похода. Непреодолимые трудности еще ждали впереди на нашем пути. Но василевс пылал огнем мщения. Этот человек незначительного роста и мало чем примечательный по внешности обладал душою героя.

Перед нами одна за другой вставали горы. Взирая на эти неприступные кручи, мы думали со страхом о предстоящем сражении. Как птенцы во время бури, мы окружали Василия и шептали молитвы. Здесь были все делившие с ним в течение стольких лет опасности воинских трудов: Константин Диоген, Василий Трахомотий, Феофилакт Вотаниат, Давид Арианит, Лев Пакиан, Никифор Ксифий, ставший некоторое время тому назад domestиком, и поседевшие на войне Николай Апокавк и Никифор Уран, руки которого уже дрожали от бремени лет. С нами не было Варды Склира, великого тактика. Но не было также и многих сребролюбцев и лизоблюдов. Над нами проносилась буря истории, ее тяжкие крылья потрясали воздух, и этим льстецам нечего было делать в македонских ущельях.

Перед тем как повести фемы на врагов, Василий взял из моих рук трость и стал чертить на песке план сражения. Мы обступили его со всех сторон. Старик Никифор Уран тоже смотрел воспаленными глазами на линии, начертанные на песке, и бормотал:

— Разве возможно все предвидеть? Захочет господь и ангелов пошлет...

Ксифий толкнул его локтем.

— Помолчи, отец!

Василий пояснял:

— Здесь расположены засеки... Здесь течет Стримон... По этой дороге пройдут воины...

Никифор Уран внимательно слушал, распутив по-старчески влажные губы, но видно было, что он не улавливал мысль василевса. Это был представитель старой тактики, когда на полях сражений больше всего ценился сильный лобовой удар, а не охват левым или правым крылом.

К сожалению, в гористой местности конница «бессмертных» оказалась бесполезной. Эти закованные в железо всадники не могли продвигаться по узким тропам. Вся надежда была на пеших воинов. Приходилось использовать опыт армянской войны и сделать попытку обойти засеки, одновременно поднимаясь на кручи перед лицом врага, хотя это движение и было связано с большими потерями. Но, взволнованный своими соображениями, Василий сказал:

— Приступите!

По знаку трубы первая фема пошла на верную смерть. Другие фемы должны были произвести обход, но наткнулись на упорное сопротивление болгар и отхлынули назад, неся большие потери. Царская власть подобна секире, лежащей у корней дерева. Царь волен посылать людей на гибель. Пусть будет так, как он нашел нужным сделать, хранитель постановлений вселенских соборов и защитник сирых и убогих. Не напрасно его возненавидели владетели богатых имений.

Сражение на засеках разгоралось. Болгары обрушили на головы ромеев тучи стрел и сбрасывали заранее приготовленные камни. Сила их падения с горы невероятна. Огромные глыбы, неуклюже вращаясь, сокрушали человеческие кости, как былинки. В воздухе стоял гул криков и стонов. Василевс тронул коня рукой и подъехал к месту битвы. Мы последовали за

ним.

Глазам нашим представилось ужасное зрелище. Люди с перебитыми ногами сползали с воем с горы и умоляли о помощи. Тела убитых лежали сотнями. С засек на нас летели со свистом стрелы. Христоролюбивых воинов уже готово было охватить смятение — настолько неприступными представлялись эти горы.

Болгары с мужеством отчаяния защищали свою свободу, свои очаги и житницы. Высоко над валом мы увидели вдали Самуила. Ветер развеивал его бороду. Он что-то кричал воинам и показывал рукой в нашу сторону.

— Не в человеческих силах взять подобные высоты, — качал головой Уран.

Василевс услышал и взглянул на старика орлиным взглядом. У нас замерли сердца. Но благочестивый ничего не сказал.

— Разрешите мне сказать тебе нечто, — приблизился к василевсу Уран и стал ждать.

— Говори, — был ответ.

— Не губи ромеев, благочестивый! Что будет с нами, если болгары спустятся вниз? Нам не выдержать их напора. Ты ведь знаешь, воин, спускающийся с горы, равен трем воинам на равнине.

Василий гневно теребил бороду, глядя вперед с таким видом, точно он ничего не слышал.

Несколько раз ромеи пытались взойти на гору, и каждый раз болгары с большими потерями заставляли нас скатываться вспять. В четвертый раз ромейские воины почти дошли до гребня, но варвары снова сбросили их вниз. Потери наши были очень велики. Ромеи уже начинали роптать, ложились на землю, так как у них не хватало дыхания, и некоторые бросали в отчаянии оружие: и таких на месте расстреливали безжалостно стрелами. Только такими мерами можно было заставить воинов подниматься на убийственные кручи. Ни для кого не тайна, что это сражение мы выиграли только благодаря случайности, но отчасти и вследствие огромного напряжения всех наших сил.

На другое утро смертоубийство возобновилось. Мы со страхом смотрели на василевса. Тогда к нему приблизился Никифор Ксифий, domestик схол:

— Повели рабу твоему...

— Говори, — бросил Василий.

— Позволь мне взять отборных воинов, пастухов по роду своей работы, и попытаться пробраться с ними горными тропами в тыл врага. За ночь мы успеем обойти горы.

Мы стали ждать ночи. Под покровом темноты, прикрытые ею, как плащом святого Димитрия Солунского, Никифор и его воины пошли в обход горы Беласицы. Пробираясь сквозь тернии, над зияющими пропастями, переходя во мраке страшные высоты, теряя людей в бездонных провалах, Ксифий медленно восходил, подобно новому Ганнибалу, на вершины.

На рассвете, когда только занялась заря, Василий снова начал битву. И вот мы заметили, что в рядах врагов происходит большое движение. До нас донеслись крики:

— Бегите! Ромеи окружают нас!

Тогда мы поняли, что это Никифор Ксифий вонзил, как ромейский орел, когти в тело жертвы. Болгарские воины оставили в замешательстве засеки и метались в горных ущельях, не зная,

с какой стороны последует нападение. Василий, сияющий, как в пасхальный день, кричал экскувиторам, которых вел в битву патрикий Феофилакт Вотаниат:

— Поражайте врагов, экскувиторы, поражайте!

И, не выдержав, сам помчался впереди воинов в гущу сражения.

Ужасное избиение врагов продолжалось весь день. Сам Самуил едва не попал в наши руки. Но мужественный сын бросился к отцу на помощь и вырвал его из когтей смерти. Понимая, что в этом сражении уже нельзя ждать возврата воинского счастья, Самуил покинул поле битвы и с остатками своих отрядов скрылся в наступающей темноте. Он нашел прибежище за неприступными стенами Прилепа. Опустошив все вокруг, Василий не решился преследовать врагов, так как опасно нападать на раненого медведя в его берлоге.

Это был еще не конец. На другое утро вошло солнце, осветившее красоту мира, а василевс запятнал свою победу неслыханной жестокостью. По его приказанию пересчитали пленников. Их оказалось четырнадцать тысяч человек, многие из которых были ранены в сражении. Пленных загнали в ущелье, чтобы безопаснее стеречь.

Потом мы увидели страшные приготовления к казни. На соседней равнине были зажжены костры, на которых войны стали обжигать заостренные колья и раскалять на огне железные прутья. Когда все было готово, схолярии извлекли из теснины несколько безоружных пленников и повели к кострам. Для несчастных готовилось нечто ужасное, но они еще не знали о том, какая их ждет участь, и покорно шли, куда им было приказано. И вот нечеловеческий вопль огласил равнину. То ослепили первого пленника.

Ослепленный бился на земле, умолял о смерти, царапал ногтями лицо, залитое кровью из глазниц, а потом стал на колени и простирап руки к небесам, как бы взывая к ним всем своим страданием. Но уже к кострам тащили других варваров. Даже закаленные в битвах воины боялись за свой разум при подобном зрелище.

Тысячи слепцов, ползающих во прахе, вопли, стоны, кровавые глазницы, а над всем этим каменное лицо Василия. Я отвел глаза в сторону и не смотрел на него. Пусть он даст ответ в этом на последнем суде, а моя христианская душа не могла приять такую жестокосердность. Лицемеры! Мы произносим в церквах проповеди о милосердии, а сами способны на всякую жестокость и коварство, когда дело касается нашей выгоды.

Догадавшись о том, что происходит на равнине, пленники в ущелье заволновались. В ответ на вой ослепляемых раздался рев запертых в теснине, как звери в клетке, тысяч людей. Они бросались на стражей, предпочитая умереть, чем потерять зрение. Некоторые погибли от меча, а прочих смирили и повлекли к кострам.

По повелению василевса, на каждых сто ослепленных одному пленнику оставляли один глаз, чтобы кривые могли привести товарищей к Самуилу и поразить его сердце ужасом. Страшными вереницами, цепляясь друг за друга, ведомые одноглазыми поводырями, слепцы пустились в путь по трудным горным дорогам. Они спотыкались с непривычки, падали, плакали кровавыми слезами, проклиная немилосердные небеса, допустившие такое злодеяние. Многие погибли в пути или уморили себя голодом, других разорвали волки. Остальные с трудом добрались до болгарских селений. Жители выходили на дорогу и выносили слепцам воду, козье молоко и всякую пищу, утешали несчастных, а ведь эти люди напоминали им о проигранной войне. А когда слепцы пришли наконец в Прилеп и наполнили весь двор перед дворцом Самуила, старый лев заплакал. Тысячи слепых взывали к нему:

— Самуил! Смотри, что сделал с нами Василий! Отомсти ему за наши муки!

Тысячи глаз, с такой радостью взиравшие на мир, погасли навеки...

Болгарскому царю дали чашу с водой. Он сделал несколько глотков и выронил ее из рук. Царь уже не мог отомстить. Дни его были сочтены. Он ждал появления страшного врага на ложе смерти, но Василий опасался войти к нему в берлогу. А сын сказал отцу:

— Не скорби! Сильных духом испытания только закаляют. Василий умрет, и много других василевсов придут царствовать и снова уйдут в небытие, а болгарский поселянин по-прежнему будет пахать свое поле и македонский виноградарь возделывать лозы...

Погруженные во мрак вечной ночи слепцы вспоминали гору Беласицу, где они сражались за свободу, а в мире по-прежнему сияло солнце, козы прыгали по горным крутизнам и на виноградниках наливались тяжкие гроздья. Но разве мы сами не слепцы? Тьма покрывает нашу землю, поля заглушаются сорными травами, и волки появляются в предместьях некогда цветущих городов.

После победы, не опасаясь больше нападений со стороны потрясенных врагов, Василий совершил со своими военачальниками, воинами, конями и мулами паломничество в Элладу, чтобы возблагодарить в превращенном в христианскую церковь Парфеноне деву Марию, охраняющую своим покровом ромейское государство.

Помню, что во время этого пути я задержался в каком-то селении. Пока слуги поили моих коней, я присел у колодца и слушал разговоры поселян. Принимая меня в сером дорожном плаще за обыкновенного воина, они не стеснялись и рассказывали о своих делах. Это были люди, которые в прошениях называют себя обычно убогими. Одетые в рубище, с ногами, обмотанными грязными тряпичками, они почесывали время от времени заскорузлыми руками косматые головы и с любопытством слушали, о чем рассказывали проезжие люди, выдавшие столько городов на земле.

У колодца, где для водопоя животных был использован древний саркофаг из розового мрамора, с амурами и гирляндами мирта, сидел монах, бородатый и тучный человек. Рядом с ним, опираясь на дорожный посох, стоял какой-то путник в плаще из грубой материи. Монах шарил в сумке и показывал изумленным пахарям различные костяшки.

— Это, — заявил он торжественно, веером распуская черную бороду, — зубы великомученицы Пульхерии. Помогает при зубной боли и других болезнях. Тридцать восемь зубков осталось.

Поселяне стали креститься, взирая на священные реликвии. Однако один из них, весьма словоохотливый и, видимо, более смысленный, чем остальные, усомнился:

— Тридцать восемь зубов! А ты не обманываешь нас, почтеннейший? Откуда у человека, даже великомученицы, может быть столько зубов?

Захваченный врасплох, инок растерялся, но попытался выпутаться из затруднительного положения:

— Это же зубы мученицы! Захочет господь — у благочестивого человека и сто зубов вырастут. Сказано: «Верьте — и по вашему хотению сдвинутся горы».

— Насчет гор, может быть, и так, а с зубками как-то неловко получается,

— продолжал сомневаться доморощенный скептик, почесывая голову.

— Тогда приобрети волосы младенцев, убиенных нечестивым Иродом в Вифлееме. По пять фоллов за волос, — предложил монах.

Недоверчивый снова почесал в затылке.

— Волосики-то как будто длинноваты для младенцев...

— Значит, выросли.

— Младенцы?

— А ты не из богомилов будешь? — угрожающе спросил монах.

— Нет, мы чтим святую православную церковь, — растерянно ответил поселянин и раскрыл рот от страха.

Но, почувствовав, что на этот раз он пересолил, рассчитывая на крайнюю доверчивость простых людей, монах стал поспешно собирать свои сокровища. Путник спросил его:

— Из какого монастыря, святой отец?

— Из монастыря святого Георгия под Коринфом. Но убежище наше разрушили враги, и иноки скитаются теперь по всей стране. Кто занимается торговлей, кто продает крестики и другие священные предметы. Вот и я брожу из одного селения в другое в поисках пропитания. Но отряхаю прах сего поселения от ног своих, ибо здесь обитают павликиане и манихеи.

Монах ушел, и пахари со страхом смотрели ему вслед, очевидно опасаясь, как бы его проклятия не принесли им несчастье.

Продолжая прерванный разговор, путник спросил словоохотливого поселянина:

— Значит, и вам плохо живется на земле?

— Суди сам, милостивец: как можно жить в довольстве бедным и убогим? Мы платим подати — житную и зевгаратикий, то есть за упряжку волов. Потом подымная, по три фолла с дыма. Еще пастбищная — энномий. Да десятина меда, приплода свиней и овец. Да еще подушная подать...

— За право дышать воздухом, — горько сострил другой поселянин, с седою бородой.

— Вот именно, что за воздух. Что наша душа? Воздух! А если случится землетрясение, опять надо платить. На возведение стен. Да еще погонное сборщику за ногоутомление...

— Да, податей у нас немало, — вздохнул путник.

— Вот так и живем. Слепли от слез.

Поселянин продолжал:

— А что на земле творится! Рассказывали воины, василевс четырнадцать тысяч людей ослепил.

— Так им и надо, еретикам, — произнес путник.

— Да ведь они такие же люди, как и мы с тобой, — возразил, к моему изумлению, поселянин.
— Лучше убить человека. Как же они будут теперь пахать свои нивы?

— Это, конечно, так, — согласился путник.

— А куда ты направляешь стопы? — спросил его поселянин.

— В Солунь. Оттуда двинусь на гору Афон и там буду спасать грешную душу в монастыре.

— А вклад у тебя есть?

— Может быть, и есть, а может быть, и нет его, — осторожно ответил путник.

— Так, — опять почесался словоохотливый пахарь. — Значит, ты покинул жену и дом?

— Жена у меня умерла в прошлом году.

— А дети?

— И дети погибли от морового поветрия.

— Кем же ты был раньше?

— Пахарем, как и ты.

— И оставил свою землю?

— Оставил. А дом и имущество продал богатому соседу.

— Так... А кто же будет пахать землю, если все мы в монастыри разбредемся?

— Душа важнее всего.

— Это ты истину сказал, друг, — промолвил поселянин. Но видно было, что он размышлял, глядя себе под ноги, и в чем-то сомневался.

Я более внимательно оглядел поселянина. У него было обыкновенное деревенское лицо, огрубевшее от дождей, солнца и ветра. Над низким лбом поднималась копна рыжих нечесаных волос. Нос у него был длинный, и на подбородке росла жиденькая бороденка. Вероятно, покосившаяся хижина у дороги принадлежала ему, так как бедно одетая женщина, стоявшая на пороге, кричала оттуда:

— Алексей, иди есть похлебку!

Но он махнул в ее сторону рукой и продолжал разговор:

— Непонятно.

— О чем ты говоришь? — не сообразил путник.

— Земельный участок принадлежал тебе по праву?

— Принадлежал мне по праву.

— И ты продал его?

— Продал.

— И волов?

— И волов.

— Если бы у меня была своя земля! А то мы сеем и жнем на господской земле, — сказал поселянин.

— Парики?

— Парики.

— Сколько же берет господин?

— Отдаем половину с жатвы и приплода.

— Это много. Довольно было бы владельцу и трети.

— Нелегко жить на свете бедняку, — сказал поселянин.

— Трудно.

— Желаю тебе счастливого пути, — сказал на прощание поселянин и поплелся в хижину.

Путник тоже двинулся в дорогу, остальные стали расходиться. Один из моих служителей сказал мне почтительно, с презрением глядя вслед поселянам:

— Разве они способны что-нибудь понять?

Самих себя слуги богатых господ мнят способными понимать самые сложные вещи. Им известны все константинопольские сплетни и тайны императорской опочивальни. Богатых они почитают, подражая порокам своих господ, и живут подачками и воровством, а бедных презирают.

Я вскочил на коня, хотя и не с той уже ловкостью, как в молодые годы, и поскакал туда, где слышались приветственные клики. Воины и повозки двигались непрерывным потоком на юг. Впереди, подобно отдаленному грому, слышен был глухой рев человеческих криков. Это воины приветствовали василевса:

— Многая лета, автократор ромейский!

Страшно было подумать о том, что мог переживать в эти часы победитель. Он достиг своей цели, сломил упорство врагов, наполнил государственную сокровищницу золотом и раздвинул пределы государства до Евфрата. Но разве может быть человек уверенным в том, что все останется так, как он устроил на земле? Ведь все в мире непрочно и подлежит непрестанному изменению, как учили древние философы. Вчерашняя победа может смениться поражением, и надо быть бдительным каждое мгновение.

Мы дорого заплатили за свою победу. Лучшие пали на поле битвы. Уже не было с нами ставшего мне братом Никифора Ксифия, погибшего с мечом в руках на горном перевале. Рядом с ним упали Вотаниат и Апокавк и многие другие. Но те, кому еще суждено жить, быстро забывают ушедших. Я уже думал о том, как теперь по-другому устрою свою жизнь.

Я нашел василевса на перекрестке двух дорог. Под сенью ромейских знамен, сидя на коне, он смотрел на проходившие войска, а воины приветствовали его криками и рукоплесканиями. У Василия был вид больного человека, борода его стала совсем седой за эти дни, и глаза еще глубже запали.

Я пробрался к сопровождавшим василевса лицам, увидел среди них Леонтия Акрита и направил коня к нему, так как этот человек крайне интересовал меня.

Акрит был стратигом Евфратской фемы. Его вызвали недавно в Константинополь для доклада, но события задержали стратига, и неожиданно для самого себя он очутился в Македонии. Впрочем, он выражал по этому поводу свое полное удовлетворение. Это был красивый и надменный человек, осмеливавшийся давать советы самому василевсу. Черную бороду он красиво завивал, по восточному обычаю, и душил амброй, а поверх положенного по званию стратига красного плаща носил еще сарацинское покрывало, завязанное под

подбородком, и, кроме меча на бедре, у него висел спереди кривой кинжал, усыпанный драгоценными камнями. Седло и уздечка его коня тоже были устроены по-восточному, с различными украшениями и золотыми кистями.

Сначала мы косились на такое убранство, потом привыкли. Василевс тоже посмотрел на наряд Акрита с недовольным видом, но ничего не сказал. Стратиг начальствовал пограничной фемой, его родственник стоял во главе Харсианской фемы, и, вспоминая неприятности с Фокой и Склиром, Василий не хотел ссориться с этим влиятельным вельможей. Рассказывали, что у Леонтия Акрита в Кесарии был великолепный дворец с садами и водоемами, с павлинами на лужайках и с персидскими благоуханными розами. С юных лет он сражался в Каппадокии с сарацинами и, еще будучи юным спафарием, влюбился в дочь стратига Георгия Дуки и похитил ее, чтобы жениться на ней, при самых необыкновенных обстоятельствах. Может быть, это его жизнь, полная военных событий и любовных приключений, вдохновила автора романа о Дивгенесе, которым в наши дни стали зачитываться в Константинополе. Человек, полный страстей, он в то же время был способен на нежные чувства, сравнивал женщину то с розой, то с голубкой и любил книги. На почве книголюбия мы и завязали наше знакомство.

Когда я подъехал к нему, он приветливо улыбнулся и спросил:

— Скажи, патрикий, какое отношение имеет к тебе Симеон Метафраст?

Я объяснил, что моим отцом был скромный табулярий в предместье св.Мамы, а не этот прославленный писатель, который жил в прекрасном доме, со множеством слуг и серебряной утвари, диктуя свои произведения скорописцам, чтобы потом каллиграфы могли переписывать их с красивыми заглавными буквами на пергамене.

— Я не любитель его елейных сочинений, говоря между нами, — рассмеялся Акрит и показал очень белые зубы. — Но моя возлюбленная супруга очарована его стилем, соответствующим величию предмета. Впрочем, надо сказать, что он достаточно красноречиво описывает жестокость тиранов и мудрость, с какой отвечали им мученики.

Хотя Акрит почти не знал меня, но выражался без стеснения и совершенно независимо и жену свою вспоминал с нежностью влюбленного юноши. А наши магистры и domestici смотрят на своих жен как на служанок.

Я спросил его, желая вызвать на откровенность:

— Итак, твоя супруга изволит читать Симеона Метафраста?

— С большим увлечением. Лично я предпочитаю диалоги вроде «Филопатриса» или романы о приключениях счастливых любовников.

— Но достойно ли это твоего высокого положения? — вежливо спросил я его.

— Над житиями святых я засыпаю. У нас там, на Евфрате, и в Харсианской феме, совсем другая жизнь, чем здесь, — ответил он, смеясь. — Вы привыкли посещать храмы, нежиться в теплых постелях, а мы проводим жизнь в непрестанных пограничных столкновениях с сарацинами или в борьбе с апелатами, как у нас называют разбойников, скрывающихся в горах. И чтение у нас не церковного характера, а такое, которое улаживает душевные чувства. Мы любим веселые пиры, вино, женщин, войну. Приезжай ко мне, патрикий, в Кесарию, и ты увидишь, как приятно мы живем.

Я обещал ему, что при первом же удобном случае воспользуюсь его приглашением. Без знакомства с Востоком жизнь моя была бы не полной.

— Но разве не является женщина орудием соблазна? — с улыбкой спросил я, давая ему понять, что я отнюдь не согласен с этим.

— Орудием соблазна? — переспросил он.

— По крайней мере так учат нас отцы церкви.

— Может быть, женщина и орудие соблазна, — в тон мне ответил Акрит, показывая тем самым, что понял мою иронию, — но пусть они соблазняют меня до конца моих дней. Женщина создана для любви. Все в ней гармония и нега.

— А что такое, по-твоему, любовь?

Акрит задумался на мгновение и сказал:

— Любовь — обладание.

Как это было не похоже на мои чувства к Анне и на историю моей любви к ней!

Наша беседа прервалась тогда, потому что василевс прислал к Акриту спафария, сообщая, что желает с ним о чем-то посоветоваться, но я некоторое время размышлял над этим разговором. Потом мне пришли на ум простодушные слова поселянина у колодца, и в моей памяти возникло страшное лицо богомила. Я решил, что по возвращении в Константинополь воспользуюсь первым же представившимся случаем, чтобы просить василевса отпустить меня, и тогда посвящу жизнь писанию книги о своей судьбе. Весьма заманчиво было и предложение Акрита. Но не пристойнее ли христианину совершить сначала трудное путешествие в Иерусалим, к гробу Христа, чем скитаться в поисках развлечений? На душе у меня было грустно, но спокойно. Страсти угасали. Образ Анны представлялся мне теперь как смутное видение, как сон, приснившийся среди земной суеты. Все проходит в жизни человека, как дым.

Незадолго до начала событий в Македонии возвратился из Киева отвозивший туда дары патрикий Калокир. От него я услышал о переменах в северном городе. Там уже возвышались прекрасные каменные церкви. В одной из них, украшенной мозаиками и золотом, которую зовут Десятинной, он видел мраморную гробницу. Резец каменотеса украсил ее пальмовыми ветками и крестами. В ней покоился прах Анны, закончившей свой земной путь. Калокир показывал мне золотую монету русской чеканки. На ней был изображен Владимир в одеянии василевса, и я еще раз удивился его надменности. Может быть, настанет день и мне представится случай снова совершить путешествие через пороги и поклониться гробу той, которую я любил. Там же лежал в скромной могиле, поросшей злаками, Димитрий Ангел, подаривший меня своей дружбой и участвовавший в строении киевских церквей. Там жила Мария, дочь Анны.

Стряхнув груз воспоминаний, я поспешил вместе с другими за василевсом. Вокруг нас пробуждалась природа. После стольких страшных лет пахари снова выходили на поле, и быки тащили благодетельные плуги. Жизнь неистребима, и невозможно никакими жестокостями остановить ее.

Из окрестных селений на дорогу выходили толпы народа, чтобы посмотреть на наше триумфальное шествие, на блистающее оружие ромейских воинов, на императорских коней, покрытых пурпуром, но я слышал, как люди в ужасе шептали:

— Болгаробойца! Болгаробойца!

Василия, возможно, будут прославлять в веках историки, но простые пахари не могли восхищаться его жестокостью, хотя бы совершенной и над врагами, и это преступление не

только не поколебало болгар, но еще больше укрепило их душевные силы.

Временно враги были сокрушены. Леонтий Акрит одобрял ослепление варваров, считая это печальной необходимостью. А мое сердце впервые не наполнилось при слове «победа» ликованием. После того, что я видел и пережил, достаточно было нескольких фраз, случайно услышанных у дорожного колодца, чтобы чаша переполнилась до края. Такая жизнь не может продолжаться до бесконечности. Разве не мечтали лучшие умы человечества о золотом веке? Может быть, мои дни пресекутся еще задолго до этого счастливого времени, но настанет день, когда люди перекуют мечи на орала и народы станут жить между собою в мире.

Париж — Москва, 1937-1958

СЛОВАРЬ МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Абсида — полукруглая пристройка в церковном здании.

Августа — титул византийской императрицы.

Автократор — самодержец.

Агаряне — библейское название арабов, ведущих свое происхождение от Агари, рабыни Авраама.

Агора — в греческих городах главная площадь.

Акант — южное растение, широкий лист которого используется в качестве архитектурного орнамента.

Аквилон — сильный северный ветер.

Аксиос — церемониальный возглас, означающий «достоин».

Архонт — в древней Греции высокая выборная должность, позднее титул, соответствующий владетельному князю.

Баллистиарий — воин, обслуживающий баллисту, метательную машину.

Богомилы — секта, названная по имени ее основателя, болгарского священника Богомила.

Борей — северный ветер.

Василевс — титул византийского императора.

Василики — название византийского сборника законов.

Вирник — судебный чин древней Руси.

Гетериарх — см. этериарх.

Гетерии — см. этерии.

Гинекей — часть византийского дома, отведенная для женщин.

Дивитиссий — верхняя парадная одежда византийских императоров.

Доместик — военачальник.

Драконарии — знаменосцы, так как византийские знамена имели иногда вид дракона.

Дромон — военный корабль.

Друнгарий — командующий византийским флотом.

Индикт — период в пятнадцать лет в византийском летоисчислении.

Камора — зала небольших размеров.

Кампагии — башмаки пурпурного цвета, присвоенные императору.

Кандидат — низшее придворное звание.

Карруха — повозка.

Квады — германское племя, с которым воевал Марк Аврелий.

Кератий — мелкая монета.

Киновия — скит, монастырь небольших размеров.

Комит — первоначально — сопровождающий, позднее византийский придворный чин.

Корзно — плащ знатных людей в древней Руси.

Куропалат — высокое придворное звание.

Лавзиак — один из залов Большого константинопольского дворца.

Легаторий — византийский чиновник, выполнявший полицейские обязанности в Константинополе.

Логофет дрома — должность, соответствующая нашему министру иностранных дел.

Лор — облачение в виде длинной и узкой пелены, присвоенное высшим византийским чинам.

Магистр — высокое придворное звание в Византии.

Манихеи — религиозная секта, ведущая свое начало от Манеса, жившего в III веке нашей эры.

Медимн — мера веса, около 50 килограммов.

Милиариссий — серебряная монета.

Модий — мера веса, около 8 килограммов.

Нимфей — место, посвященное нимфам, обычно фонтан, украшенный статуями.

Новелла — название законов, изданных императором Юстинианом: новелла такая-то.

Номисма — золотая монета.

Онопод — один из залов Большого дворца.

Палестра — общественное место для гимнастических упражнений в древнее время.

Павликиане — христианская дуалистическая секта.

Паллий — верхнее облачение патриарха.

Парики — крепостные в византийскую эпоху.

Патрикий — высокое придворное звание.

Патрикианка лоратная — патрикианка, имевшая право носить лор.

Паракимомен — спальник, потом — министр двора.

Пифос — большой глиняный кувшин.

Поручи — принадлежность императорского и священнического облачения, чтобы придерживать широкие рукава.

Порфирогенит — рожденный в Порфире, то есть во дворце Константина I из красного порфира.

Препозит — высокая должность в византийской администрации.

Протасикрит — начальник императорской канцелярии.

Прохирон — название византийского сборника законов.

Ромеи — римляне в греческом произношении. В официальном языке и в литературе византийские греки называли себя римлянами.

Серикарии — ремесленники шелковой промышленности. Серика — Китай.

Силентий — тайное заседание сената.

Силенциарий — церемониймейстер, на обязанности которого было поддержание тишины во время церемоний.

Синклит — сенат.

Скарамангий — длинное парадное одеяние византийских чиновников, особенно пышный скарамангий носил император.

Скифы — древний народ, обитавший на северном берегу Черного моря; византийцы обычно так называли русских.

Солид — золотая монета.

Спафарий — придворное звание.

Спафарокандидат — придворное звание.

Схоларии — воины схол (гвардейских частей).

Тиун — управитель княжеского имения.

Тувии — узкие штаны.

Фема — область и ее ополчение в Византии, заменившие прежний римский легион.

Фибула — застежка.

Фолл — мелкая медная монета.

Хеландия — военный корабль.

Хиротония — посвящение.

Эпарх — губернатор Константинополя.

Этериарх — начальник этерии.

Этерия — отряд дворцовой гвардии.

Эскувиторы — воины отборных воинских частей.

Ярл — скандинавский титул, соответствующий графу.

Note1

по современному счету приблизительно в пятом часу утра